

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА*

Победа, одержанная пролетариатом, ставит перед ним самоочевидную задачу – довести до предельно возможного совершенства то духовное оружие, благодаря которому он до сих пор сумел выстоять в своей классовой борьбе. Среди такого оружия на первом плане находится, естественно, исторический материализм.

В эпоху, когда пролетариат подвергался угнетению, исторический материализм служил ему в качестве одного из эффективнейших боевых средств. И естественно, что теперь он берет его с собой в ту эпоху, когда собирается по-новому перестроить общество, а стало быть – и культуру. Уже поэтому надлежало создать такой институт, задачей которого является применение исторического материализма к исторической науке в целом. В отличие от прежней ситуации, когда исторический материализм хотя и был превосходным оружием, но с точки зрения науки означал немногим более чем программу, чем указание на то, как надо писать историю, сейчас на нас возлагается также задача действительно написать всю историю заново, осветить, сгруппировать и оценить собы-

История и классовое сознание

тия прошлого с позиций исторического материализма. Мы должны попытаться сделать исторический материализм методом конкретного научного исследования, методом исторической науки.

Здесь, однако, встает вопрос, почему это стало возможным только теперь. При поверхностном взгляде на вещи можно ответить на него в том смысле, что момент для разработки исторического материализма как научного метода настал лишь сегодня потому, что пролетариат завоевал господство и вместе с ним получил в свое распоряжение те физические и духовные силы, без которых невозможно достичь помянутой цели и воспользоваться которыми ему никогда не давало старое общество. Только в основе этого требования лежат и более глубокие мотивы, нежели голый факт власти, благодаря которой пролетариат сегодня в состоянии организовать науку по собственному разумению. Эти более глубокие мотивы теснейшим образом связаны с тем глубинным изменением функций, которое повлекло за собой установление диктатуры пролетариата, то есть то, что классовая борьба теперь ведется сверху вниз, а не снизу вверх, и которое затронуло все органы пролетариата, весь мир его мыслей и чувств, его классовое положение и классовое сознание. Эти мотивы мы должны обязательно обсудить сегодня, открывая этот Исследовательский институт.

Чем был исторический материализм? Несомненно, он был научным методом, с помощью которого пытались понять события прошлого в соответствии с их истинной сутью. Однако, в противоположность историческим методам буржуазии, он позволяет нам также под углом зрения истории, то есть научно, рассматривать современность, видеть в ней не только поверхностные явления, а также те глубинные исторические движущие силы, которыми в действительности приводятся в движение события.

Исторический материализм поэтому имел для пролетариата намного более высокую ценность, нежели один только метод научного исследования. Среди всех его средств борьбы он был одним из важнейших. Ведь классовая борьба пролетариата знаменовала собой одновременно пробуждение его классового сознания. Но пробуждение этого сознания неизменно было для пролетариата следствием познания истинной ситуации, фактически существующих исторических взаимосвязей. Именно это и ставит классовую борьбу пролетариата на особое место в сравнении со всеми классовыми битвами: свое острейшее оружие пролетариат на самом деле получает из рук подлинной науки, достигая ясного познания действительности. В классовых битвах прошлого решающую роль играли разнородные идеологии, религиозные, нравственные и другие формы «ложного сознания», в то время как классовая борьба пролетариата, освободительная война последнего угнетенного класса обрела свой боевой лозунг и одновременно свое самое сильное оружие в раскрытии неприкрашенной истины. Стало быть, благодаря тому, что исторический материализм показал истинные действующие силы исторического процесса, он стал для пролетариата, в силу его классового положения, средством борьбы. Важнейшая задача исторического материализма заключается в том, чтобы составить точное сужде-

Изменение функций исторического материализма

ние о капиталистическом общественном строе, разоблачить сущность капиталистического общественного строя. Исторический материализм поэтому всегда использовался в классовой борьбе пролетариата для того, чтобы во всех тех случаях, когда буржуазия приукрашивает и маскирует всевозможными идеологическими элементами действительное положение, состояние классовой борьбы, просветить эти покровы холодными лучами науки, показать, как и насколько они ложны, вводят в заблуждение, противоречат истине. Таким образом, благодарнейшая функция исторического материализма состояла не в том, что он был чистым научным познанием, а в том, что он был делом. Исторический материализм не составлял самоцели, его назначение заключалось в том, чтобы прояснить пролетариату его ситуацию, дабы в этой ясно познанной ситуации он мог действовать сообразно своему классовому положению. Следовательно, в эпоху капитализма исторический материализм был средством борьбы. Отсюда следует, что то сопротивление, которое оказала буржуазная наука историческому материализму, диктовалось далеко не только простой ограниченностью. Напротив, оно было выражением верного классового инстинкта буржуазии, который выразился в буржуазной исторической науке. Ведь признание исторического материализма означало бы для буржуазии прямо-таки самоубийство.

Всякий представитель класса буржуазии, который признал бы научную истину исторического материализма, утратил бы вместе с тем также свое классовое сознание, а стало быть, одновременно, – и способность верно представлять интересы собственного класса. С другой стороны, для пролетариата тоже было бы самоубийством останавливаться на уяснении научного своеобразия исторического материализма, рассматривать исторический материализм лишь как инструмент познания. Сущность пролетарской классовой борьбы можно свести именно к тому, что для нее теория и практики совпадают, что познание здесь непосредственно ведет к деятельности.

Самим существованием буржуазии предопределяется то, что она никогда не достигнет ясного понимания общественных предпосылок своего собственного наличного бытия. Беглый взгляд на историю XIX века позволяет заметить глубокий и постоянный параллелизм между нисхождением буржуазии и постепенным проникновением в ее самосознание этого факта. На исходе XVIII столетия буржуазия была идеологически сильным и не сломленным классом. Она была таковой даже еще в начале XIX века, когда ее идеология, идея буржуазной свободы и демократии еще не были внутренне выхолащены автоматизмом естественных законов экономики, когда бюргерство еще имело надежду и было способно добросовестно уповать на то, что эта демократическая, буржуазная свобода, это самовластие экономики однажды приведут к спасению человечества.

Блеском и пафосом этой веры была преисполнена не только история первых буржуазных революций, сильнее всего – Великой французской революции; именно она, эта вера, придает непредвзятость и могучее стремление к истине, к откровенному высказыванию познанного великим научным выражениям буржуазного класса, например, – политической экономии Смита и Рикардо.

История и классовое сознание

История буржуазной идеологии – это история расшатывания этой веры, веры в спасающую мир миссию буржуазного преобразования общества. С теории кризисов Сисманди и социальной критики Карлейля и дальше постепенно набирает силу это саморазрушение буржуазной идеологии. Начинаясь как феодально-реакционная критика поднимающегося капитализма, такая взаимная критика противоборствующих господствующих классов все больше превращается в самокритику буржуазии, чтобы позднее, как укор ее совести, все больше подвергнуться замалчиванию и сокрытию. «Буржуазия правильно поняла, – отмечает Маркс, – что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее»¹.

Вот почему открыто выраженная идея классовой борьбы дважды появляется в истории буржуазной идеологии. Она является определяющим элементом ее «героического периода», ее энергичной борьбы за общественное господство (особенно во Франции, где политико-идеологические бои были самыми острыми) и вновь возвращается в последний период кризиса и распада. Например, социальная теория крупных объединений предпринимателей зачастую является открытой, даже цинично выраженной точкой зрения классовой борьбы. Последняя империалистическая фаза капитализма идеологически выражается вообще в методах, которые разрывают идеологические покровы, которые показывают, что господствующие слои буржуазии все яснее и откровеннее говорят о том, «что есть». (Вспомним лишь о великодержавной идеологии в имперской Германии, а также о том, что военная и послевоенная экономика вынудила теоретиков буржуазии видеть в экономических формах не только чисто фетишистские отношения, а учитывать также взаимосвязь между экономикой и удовлетворением человеческих потребностей и т.д.).

Не в том дело, что буржуазия действительно преодолевает здесь границы, которые полагаются ее положением в процессе производства, что теперь она, подобно пролетариату, могла бы исходить из действительного познания действительных движущих сил развития. Напротив, в такой ясности по поводу отдельных проблем или отдельных фаз еще сильнее проявляется слепота по отношению к целому. Ибо эта «ясность» есть, с одной стороны, лишь ясность «для внутреннего употребления»; та прогрессивная группа буржуазии, которая яснее видит экономическую взаимосвязь империализма, чем многие «специалисты», совершенно точно знает, что само это ее познание было бы в высшей степени опасным для части собственного класса и тем более для всего общества (вспомним при этом об исторической метафизике, которой обыкновенно оснащаются теории власти в эпоху империализма). Но даже если тут частично и имеется сознательный обман, то, с другой стороны, речь идет здесь не только о простом обмане. Это значит, что соединение «ясного познания» отдельных экономических содержательных взаимосвязей с фантастическим и пустым метафизическим представлением в целом о государстве, обществе и историчес-

Изменение функций исторического материализма

ком развитии является также для более сознательного слоя буржуазии необходимым следствием его классового положения. Но если в пору восхождения класса эта граница познаваемости общества была еще темной и неосознанной, то сегодня объективный распад капиталистического общества отражается в тотальной разнородности и несовместимости идеологически совмещенных взглядов. Уже в этом выражается идеологическая капитуляция буржуазии, – по большей части бессознательная и открыто не признаваемая, – перед историческим материализмом. Ибо политическая экономия, которая получила развитие сегодня, уже больше не вырастет исключительно на буржуазной почве, как это было в эпоху классической политической экономии. Как раз в таких странах, как Россия, где капиталистическое развитие началось относительно поздно, где, стало быть, существовала непосредственная потребность в его теоретическом обосновании, обнаружилось, что возникающая в этих условиях политэкономическая теория выказывает в значительной мере «марксистский» характер (Струве, Туган-Барановский и т.д.). Тот же самый феномен, однако, обнаруживается одновременно и в Германии (например, Зомбарт) и других странах. Теории военной экономки, планового хозяйства также свидетельствуют о постоянном усилении данной тенденции. Чему никоим образом не противоречит тот факт, что одновременно, начиная примерно с выступлений Бернштейна, часть социалистической теории подпадает под все более сильное буржуазное влияние. Уже тогда прозорливые марксисты поняли, что речь идет не о столкновении направлений внутри рабочего движения. Как бы ни отвечать на вопрос об оценке с позиций пролетариата все более частных случаев открытого перехода «руководящих товарищей» в лагерь буржуазии (примеры Бриана-Мильерана или Парвуса-Ленша являются лишь наиболее выразительными), с точки зрения буржуазии это означает лишь то, что она стала неспособной собственными силами идеологически защитить свои позиции. Что она не только нуждается в перебежчиках из лагеря пролетариата, но и – в этом здесь состоит суть дела – больше не способна обойтись также без научного метода пролетариата, правда, взятого в его искаженной форме. Правда, теоретическое ренегатство от Бернштейна до Парвуса – это свидетельство идеологического кризиса внутри пролетариата; но оно означает одновременно капитуляцию буржуазии перед историческим материализмом.

Ибо пролетариат боролся с капитализмом, принуждая буржуазное общество к самопознанию, которое с неумолимой логикой вело к тому, что буржуазное общество оказывалось внутренне проблематичным. *Параллельно с экономической борьбой велась борьба за сознание общества. Самосознание общества, однако, равносильно возможности руководства обществом.* Пролетариат в своей классовой борьбе удерживает победу не только в сфере власти, но одновременно побеждает и в этой борьбе за общественное сознание, все больше разлагая в последние 50-60 лет буржуазную идеологию и развивая свое социальное сознание.

Важнейшее средство борьбы в этом сражении за сознание, за социальное

История и классовое сознание

руководство – это исторический материализм. Стало быть, исторический материализм является такой же функцией развития и разложения капиталистического общества, как все прочие идеологии. Это утверждение приходилось часто слышать с буржуазной стороны применительно к историческому материализму. Общеизвестный и в глазах буржуазной науки решающий аргумент против истинности исторического материализма состоит в том, что его нужно применить к самому себе. Учение исторического материализма, коль скоро оно верно, предполагает, что все так называемые идеологические образования представляют собой функции экономических отношений: сам исторический материализм (в качестве идеологии борющегося пролетариата) также является лишь такой идеологией, такой функцией капиталистического общества. Мне кажется, что этот довод может быть отчасти признан основательным без того, чтобы отказывать историческому материализму в научном значении. Во всяком случае, исторический материализм можно и должно применять к самому себе, но такое применение к самому себе отнюдь не ведет к полному релятивизму, из него никоим образом не следует, что исторический материализм не является верным историческим методом. Содержательным истинам исторического материализма свойственно то, что увидел Маркс в истинах классической политэкономии: они являются истинами в рамках определенного социального и производственного строя. Как таковые, но лишь как таковые, они имеют безусловную значимость. Однако это не исключает, что появятся общества, в которых, в соответствии с сущностью их социальной структуры, будут иметь значимость другие категории, другие истинные взаимосвязи. И к какому же результату мы приходим? Мы должны прежде всего поставить вопрос о социальных предпосылках значимости содержания исторического материализма, подобно тому, как Маркс изучал социальные и экономические предпосылки значимости классической политэкономии.

Ответ на этот вопрос мы тоже можем найти у Маркса. Исторический материализм в своей классической форме (которая, к сожалению, вошла в общественное сознание вульгаризированной) означает *самопознание капиталистического общества*. А именно самопознание не только в указанном выше идеологическом смысле. Напротив, эта идеологическая проблема сама по себе есть не что иное как мыслительное выражение объективного экономического положения дел. В этом смысле решающий результат исторического материализма состоит в том, что были приведены к своему собственному понятию тотальность и движущие силы капитализма, которые невозможно было постичь с помощью грубых, абстрактных, неисторичных и поверхностных категорий буржуазной науки. Таким образом, исторический материализм – это прежде всего, теория буржуазного общества и его экономической структуры. «Но в теории, – заявляет Маркс, – предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее уstra-

Изменение функций исторического материализма

нены чуждые ему остатки прежних экономических укладов»². Это соответствующее теории состояние проявляется в том, что законы экономики, с одной стороны, господствуют над всем обществом, а с другой, – способны реализовать себя как «простые естественные законы» благодаря своей чисто экономической потенции, то есть без содействия внеэкономических факторов. Маркс часто и с величайшей определенностью подчеркивает это различие между капиталистическим и докапиталистическим обществом, в особенности как различие между возникающим, борющимся за свое место в обществе и уже господствующим в нем капитализмом. «<...> Закон спроса на труд и предложения труда <...>, слепая сила экономических отношений, – пишет Маркс, – закрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства» <...> Иное мы видим в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще складывалось»³.

Из этой экономической структуры «чисто» капиталистического общества (которая, конечно, дана как тенденция, но как тенденция, решающим образом определяющая всякую теорию) следует, что различные моменты социального строения обособляются друг от друга, что они могут и должны осознаваться в качестве таковых. Великий подъем теоретических наук в конце XVIII и начале XIX веков – классическая политическая экономия в Англии и классическая философия в Германии – знаменует собой осознание самостоятельности этих частичных систем, этих моментов строения и развития буржуазного общества. Экономика, право и государство выступают здесь как замкнутые в себе системы, которые в силу своего насильственного совершенства (*Machtvollkommenheit*), с присущей им самозаконностью господствуют над всем обществом. Когда отдельные ученые, например, Андлер, пытаются доказать, что все отдельные истины исторического материализма уже были открыты наукой до Маркса и Энгельса, то они проходят мимо существа вопроса; они были бы не правы даже в том случае, если бы их доказательства были неопровержимыми во всех отношениях (а это, разумеется, не так). Ведь эпохальный *методологический* результат исторического материализма заключается именно в том, что такие, кажущиеся совершенно независимыми, замкнутыми, автономными системы были поняты как простые моменты объемлющего их целого; в том, что оказалось возможным преодолеть эту их мнимую самостоятельность.

Видимость такой самостоятельности, однако, не является простым «заблуждением», которое, соответственно, было «исправлено» историческим материализмом. Напротив, она является мыслительным, категориальным выражением объективной социальной структуры капиталистического общества. Преодолеть эту видимость, выйти за ее рамки значило бы выйти – в сфере мыслей – за рамки капиталистического общества; это значило бы предвосхитить его устранение с помощью ускоряющей силы мышления. Но именно поэтому такая снятая самостоятельность частных систем сохраняется в правильно по-

История и классовое сознание

нятом целом. Это значит, что от правильного познания из взаимной несамостоятельности, их зависимости от экономической структуры общества в целом неотъемлемым является, как его интегрирующая сущностная черта, познание того, что эта «видимость» их самостоятельности, их замкнутости и самозаконности есть необходимая форма их проявления в капиталистическом обществе. В докапиталистическом обществе, с одной стороны, отдельные моменты экономического процесса (как, например, ссудный капитал и само товарное производство) пребывали в состоянии совершенно абстрактной отдельности друг от друга, которая не допускала ни непосредственного, ни опосредствованного общественным сознанием взаимодействия. С другой стороны, некоторые из этих моментов образовывали как между собой, так и с внеэкономическими моментами хозяйственного процесса во всех отношениях неразрывное – в рамках данных общественных структур – единство (например, ремесло и земледелие в феодальном имении или налог и рента при крепостном строе в Индии и т.д.). Напротив, при капитализме все моменты общественного строения находятся в диалектическом взаимодействии между собой. Их мнимая самостоятельность по отношению друг к другу, их самоконцентрация в автономные системы, фетишистская видимость их самозаконности являются – в качестве необходимого аспекта капитализма, с точки зрения буржуазии – необходимым промежуточным пунктом на пути к их правильному и совершенному познанию. Лишь действительное додумывание до конца этих тенденций к самостоятельности, к чему буржуазная наука, конечно, была не способна в свои лучшие времена, позволяет понять их соотношенность с тотальностью экономической структуры общества и их подчиненность таковой. Например, точка зрения марксизма, в соответствии с которой все экономические проблемы капитализма рассматриваются уже не с позиций отдельного капитализма, а с позиций классов, была, с одной стороны, субъективно-историографически завоевана лишь путем продолжения и диалектического перевертывания чисто капиталистической установки. С другой стороны, «естественная закономерность» феноменов, которые здесь познаются, стало быть, их полная независимость от человеческой воли, познания и целеполагания составляют также объективную предпосылку их изучения с помощью материалистической диалектики. Такие проблемы, как проблема накопления или средней нормы прибыли, а также проблема отношения государства и права к экономике в целом, показывают с полной ясностью, в какой мере эта постоянно себя разоблачающая видимость является историко-методологической предпосылкой структуры и условием применимости исторического материализма. Следовательно, отнюдь не случайно то (а по-иному и не может быть с подлинными истинами об обществе), что исторический материализм как научный метод возник в середине XIX века. Не случайно как раз то, что социальные истины всегда открываются тогда, когда в них выражается душа эпохи, в которой воплощает себя соответствующая методу действительность. Ведь исторический материализм, как мы уже говорили, является самопознанием капиталистического общества.

Изменение функций исторического материализма

Также не случайно и то, что политэкономия как самостоятельная наука впервые возникла в капиталистическом обществе. Это не случайно, ибо капиталистическое общество, благодаря своей основанной на товарно-менных отношениях экономической организации, придало хозяйственной жизни такое самостоятельное, замкнутое в себе и основанное на имманентных закономерностях своеобразие, какого она не знала в докапиталистических обществах. Поэтому классическая политическая экономия с ее законами ближе всего из всех наук стоит к естествознанию. Экономическая система, сущность и законы которой она изучает, действительно, чрезвычайно близка по своей специфике, по конструкции своей предметности той природе, которой занимаются физика, естествознание. Она имеет дело с взаимосвязями, которые совершенно независимы от человеческого своеобразия человека, от всех антропоморфизмов – будь то религиозных, этических, эстетических или иных. Она имеет дело с взаимосвязями, в которых человек выступает лишь как абстрактное число, как нечто сводимое к числам, числовым взаимосвязям, законы которых, по словам Энгельса, можно лишь познать, но которыми нельзя овладеть. Ибо политэкономия имеет дело с взаимосвязями, в которых, опять-таки по словам Энгельса, производители утратили свою власть над условиями своей собственной общественной жизни, в которых, в силу овещнения, овеществления условий социальной жизни такие взаимосвязи приобретают совершенную автономию, ведут отдельную жизнь, прерываются в замкнутую систему, имеющую смысл внутри себя.

Поэтому не случайно, что именно капиталистический общественный строй стал классической почвой для применения исторического материализма. И если мы теперь рассмотрим исторический материализм как научный метод, то он может быть, конечно, применен также к более ранним, предшествующим капитализму эпохам. Это уже было сделано, и отчасти с успехом; по меньшей мере, благодаря историческому материализму были получены очень интересные результаты. Но если мы применим исторический материализм к докапиталистическим эпохам, то обнаруживается одна очень существенная и важная методологическая трудность, которая не выступила наружу при историко-материалистической критике капитализма.

Эту трудность Маркс упоминает множество раз в своих главных произведениях; Энгельс совершенно четко сформулировал ее в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: она заключается в *структурном* различии между эпохой цивилизации и предшествующими ему эпохами. Здесь Энгельс со всей силой подчеркивает, что пока производство является по существу коллективным, пока оно «ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации». Ведь в эту эпоху «производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни <...> Продукты и производство попадают во власть случая. Но случайность – это только один полюс взаимозависимости, другой полюс называется необходимостью»⁴. И затем Энгельс показывает, как из сложившейся та-

История и классовое сознание

ким образом структуры общества следует его сознание, принимающее форму «естественных законов». А именно, подобное диалектическое взаимодействие случайности и необходимости, то есть классическая идеологическая форма господства экономики, набирает силу в той мере, в какой общественные процессы выходят из-под контроля людей, становятся самостоятельными.

Чистейшей, можно даже сказать, единственной чистой формой этого подпадания общества под социальные естественные законы является капиталистическое производство. Ведь всемирно-историческое назначение процесса цивилизации, вершиной которого является капитализм, состоит в достижении господства над природой. Эти «естественные законы» общества, которые господствуют над существованием людей как «слепые» силы (даже в том случае, когда их «рациональность» познана, и в этом случае, собственно говоря, всего сильнее), имеют своей функцией подвести природу под категории обобществления и выполняют ее в ходе исторического развития. Но это – длительный процесс, богатый попятными движениями. На протяжении этого процесса, в то время, когда такие общественные естественные силы еще не стали доминирующими, главную роль как в «обмене веществ» между человеком и природой, так и в общественных отношениях людей должны, разумеется, играть те естественные отношения, которые господствуют над общественным бытием человека и, стало быть, – над теми формами, в которых мыслительно, эмоционально и т.д. выражается это бытие (религия, искусство, философия и т.д.). Маркс пишет, что «во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей»⁵. А Энгельс выражает эту мысль в письме к Марксу еще более резко: «Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени»⁶. В соответствии с этим Энгельс полагает, например, что моногамия – это первая форма семьи, в основе которой лежали «не естественные, а экономические условия»⁷. Речь идет при этом, конечно, о длительном процессе, в котором отдельные этапы невозможно механически отграничить друг от друга, ибо они плавно переходят друг в друга. Однако направленность этого процесса ясна: речь идет о том, чтобы отодвинуть назад «естественную границу»⁸ во всех областях, из чего и применительно к нашей теперешней проблеме следует, что такая естественная граница существовала во всех докапиталистических формах общества и что она оказала влияние на все социальные формы выражения людей. Маркс и Энгельс показали это относительно собственно экономических категорий многократно и столь убедительно, что здесь достаточно простой отсылки к их произведениям. (Вспомним, например, о развитии разделения труда, о формах прибавочного труда, о формах земельной ренты и т.д.). Во многих местах Энгельс добавляет к этому еще, что на примитивных ступенях развития общества вообще нельзя говорить о праве в нашем смысле⁹.

Изменение функций исторического материализма

Еще более решающим это структурное различие является в тех областях, которые Гегель в противоположность общественным, регулирующим исключительно межчеловеческие отношения формам объективного духа (экономика, право, государство) назвал абсолютным духом¹⁰. Ибо формы абсолютного духа (искусство, религия, философия) в весьма существенных, хотя и отличных друг от друга пунктах, представляют собой еще и взаимодействие человека с природой – а именно как с окружающей его природой, так и с той, которую он находит в себе самом. Разумеется, и это различие нельзя понимать механически. Природа – это общественная категория. Стало быть, то, что на определенной ступени общественного развития считается природой, то, как выстраивается отношение этой природы к человеку и в какой форме происходит его взаимодействие с ней, следовательно, то, что может означать природа по форме и содержанию, объему и предметности, – все это всегда обусловлено обществом. Отсюда следует, с одной стороны, что на вопрос о том, возможно ли вообще в рамках определенной общественной формы непосредственное взаимодействие с природой, можно дать лишь историко-материалистический ответ, так как объективная возможность такого отношения зависит от «экономической структуры общества». С другой стороны, однако, коль скоро эти взаимосвязи уже даны и даны именно общественно обусловленным образом, то они оказывают воздействие в соответствии со своими внутренними закономерностями и сохраняют намного большую независимость от общественной жизненной почвы, из которой они (необходимо) произросли, нежели формообразования «объективного духа». Эти последние тоже могут, конечно, сохраняться очень долго после того, как погибает общественная основа, которой они обязаны своим существованием. Но они в этом случае всегда сохраняются как препятствие для развития, которое надо убрать силой, либо приспособливаются к новым экономическим отношениям путем изменения своих функций (правовое развитие дает много примеров того и другого рода). Напротив, сохранение формообразований абсолютного духа, – что до известной степени оправдывает гегелевскую терминологию, – может привести к тому, что в них будет акцентировано ценное, все еще актуальное и даже образцовое. Это значит, что отношение между генезисом и значимостью во втором случае намного более запутанное, чем в первом. Маркс, ясно понимая эту проблему, отмечал: «Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они все еще доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недостижимым образцом»¹¹.

Это постоянство значимости искусства, эта видимость его совершенно надисторической и надсоциальной сущности основывается, однако, на том, что в области искусства преимущественно разыгрывается взаимодействие человека с природой. Это направление формотворчества в искусстве настолько для него характерно, что даже воссозданные искусством общественные отношения людей между собой вновь превращаются им в некую разновидность «приро-

История и классовое сознание

ды». И хотя, как было подчеркнуто, эти естественные отношения тоже обусловлены социально, хотя они в соответствии с этим тоже изменяются вместе с переменами в обществе, тем не менее в их основе лежат такие взаимосвязи, которые в сравнении с непрерывным изменением чисто общественных форм несут в себе субъективно оправданную видимость «вечности»¹² как таковой, ибо они способны пережить многообразные, даже очень глубокие изменения общественных форм, ибо для их преобразования (порой) необходимы еще более глубокие, разделяющие целые эпохи общественные преобразования.

Итак, может показаться, что речь идет о чисто количественном различии непосредственных и опосредствованных отношений с природой или о непосредственных и опосредствованных воздействиях «экономической структуры» на различные общественные формообразования. Эти количественные различия, однако, лишь в капиталистической перспективе выступают как чисто количественные подступы к свойственной капитализму системе организации общества. Если исходить из понимания того, как на деле устроены докапиталистические общества, то эти количественные градации означают качественные различия, которые в познавательном плане выражаются как господство совершенно разных категориальных систем, как совершенно разные функции отдельных частных областей в рамках общества в целом. Даже чисто экономически получается качественно *новая* закономерность. А именно не только в том смысле, что законы модифицируются в зависимости от различных материальных сфер, к которым они применяются, но и в том смысле, что в различных социальных средах господствуют различные закономерности, что значимость определенного типа закона связана с совершенно определенными социальными предпосылками. Достаточно сравнить лишь предпосылки обмена товаров по ценам их производства, чтобы ясно увидеть это изменение законов также в чисто экономическом смысле¹³. При этом само собой разумеется, что общество с простым товарным обменом, с одной стороны, уже является близкой капиталистическому типу формой, а, с другой стороны, тем не менее обнаруживает качественно отличную от него структуру. Эти качественные различия усиливаются в той мере, в какой, в соответствии со спецификой данного общества (или внутри определенного общества – в соответствии со спецификой определенной формы, например, искусства), преобладающее влияние оказывает естественное отношение. Например, до тех пор, пока, в теснейшей связи со спецификой разделения труда, чрезвычайно глубокой остается связь между ремеслом (производство потребительных ценностей повседневной жизни – как-то мебели, одежды, но также строительство домов и т.д.) и искусством в более тесном смысле слова; до тех пор, пока невозможно проведение между ними эстетически-понятных границ (что относится, например, к так называемому народному искусству), – до тех пор тенденции развития ремесла, которое зачастую столетиями остается технически и организационно неподвижным, в направлении развивающегося по своим собственным законам искусства являются качественно отличными от тенденций развития при капитализме, где производство

Изменение функций исторического материализма

товаров «само по себе», чисто экономически, находится в непрерывном революционном развитии. Ясно, что в первом случае позитивное воздействие искусства на ремесленное производство должно быть гораздо более ощутимо. (Переход от романской архитектуры к готике). В то же время как во втором случае возможности развития искусства являются намного более ограниченными, оно не способно оказать определяющего влияния на производство потребительских товаров. Более того, возможность или невозможность существования искусства вообще определяется чисто экономическими и обусловленными ими производственно-техническими мотивами. (Современная архитектура).

Сказанное здесь об искусстве относится, конечно, с сильными видоизменениями, также к религии. Энгельс очень четко проводит также и здесь различие двух периодов¹⁴. Разве что религия никогда не выражает с такой чистотой отношение человека к природе, как это делает искусство; в религии общественно-практические функции играют намного большую непосредственную роль, чем в искусстве. Но специфика общественной функции религии, качественное отличие закономерностей ее общественной роли в теократическом социальном устройстве Востока и в «государственной религии» капиталистической Западной Европы бросается в глаза без всяких дальнейших разъяснений. Вот почему вопрос о взаимосвязи между государством и религией (либо обществом и религией) поставил труднейшую и неразрешимую проблему перед философией Гегеля, который на грани двух эпох предпринял попытку систематизации. Эта систематизация уже вплотную столкнулась с проблемами капитализирующегося мира и тем не менее развивалась в среде, в которой, по словам Маркса, нельзя было говорить ни о сословиях, ни о классах, а в лучшем случае – о бывших сословиях и еще не родившихся классах¹⁵.

Ведь «отодвигание естественной границы» повлекло за собой то, что все стало сводиться к чисто общественному знаменателю, к овеществленным отношениям капитализма, хотя ясного понимания этих взаимосвязей еще нельзя было достичь. На тогдашней ступени познания было еще невозможно за двумя понятиями природы, которые породило развитие капиталистической экономики – природы как «совокупности естественных законов» (природа современного, математического естествознания) и природы как настроения, как образца для «испорченного» обществом человека (природы Руссо и Кантовой этики), увидеть их общественное единство – капиталистическое общество с присущим ему разрушением всех чисто естественных отношений. Как раз в той мере, в какой капитализм осуществил подлинное обобществление всех отношений, и стало возможным самопознание человека как *общественного существа*. А именно самопознание не только в том смысле, что прежде неразвитая наука не в состоянии была познать положение дел, которое имело место и ранее, как, например, очевидно, что астрономия Коперника была верной и до Коперника, она лишь не стала достоянием познания. Напротив, факт отсутствия такого самопознания общества сам по себе есть лишь мыслительное отражение того, что еще не произошло объективно-экономического обобществления в этом его по-

История и классовое сознание

нимании, что цивилизационный процесс еще не разорвал пуповину между человеком и природой. Ибо всякое историческое познание – это самопознание. Прошлое становится прозрачным лишь тогда, когда становится возможной соответствующая самокритика общества, когда такая «самокритика была до известной степени, так сказать, *dynamei* уже готова»¹⁶. До тех пор прошлое либо наивно отождествлялось со структурными формами современности, либо оно оставалось совершенно вне сферы постижимости, как абсолютно чужое, варварски бессмысленное. Отсюда понятно, что только тогда, когда исторический материализм понял овеществление всех общественных отношений человека не только как продукт капитализма, но одновременно как преходящее историческое явление, – только тогда был найден путь к познанию докапиталистических обществ с их не овеществленным строением. (Взаимосвязь научного исследования первобытного общества с марксизмом отнюдь не случайна). Ибо только теперь, когда прояснилась перспектива новообретения не овеществленных отношений между человеком и человеком, между человеком и природой, стало возможным открыть в примитивных докапиталистических формах те моменты, в которых наличествовали эти формы, пусть даже совершенно в иных функциональных отношениях, и понять их теперь уже в их собственной сущности и существовании, не насилая механическим применением категорий капиталистического общества.

Следовательно, не было никакой ошибки в том, что исторический материализм в его классической форме жестко и безусловно применялся к истории XIX века. Ибо история этого века показывает в действии все силы, которые влияют на общество, когда они действуют на самом деле в чистом виде и проявляются в формах «объективного духа». Не совсем так обстоит дело с докапиталистическими обществами. В докапиталистических обществах никогда не было той самозамкнутости и самовластности, той имманентности экономической жизни, каких она достигла в капиталистическом обществе. Отсюда следует, что исторический материализм нельзя применять к докапиталистическим социальным образованиям совершенно так же, как это делается применительно к капиталистическому развитию. Здесь нужны более сложные, более тонкие анализы, чтобы, с одной стороны, выяснить, какую роль в ряду движущих сил общества играли чисто экономические силы, поскольку таковые тогда вообще имелись в наличии в строгом понимании экономической «чистоты», чтобы, с другой стороны, показать, как эти экономические силы воздействовали на прочие общественные образования. Вот в чем причина, по которой исторический материализм надо применять к прежним обществам намного осмотрительнее, чем к социальным переменам XIX века. С этим связан также тот факт, что XIX век мог достичь своего самопознания только благодаря историческому материализму, в то время как историко-материалистические исследования прежних общественных состояний, например, истории первоначального христианства или древнего Востока, наподобие тех, что провел, например, Каутский, оказались недостаточно тонкими, оказались анализами, которые не покрывают или

Изменение функций исторического материализма

не вполне покрывают фактическое положение дел. Так, свои наиболее крупные успехи исторический материализм снискал при анализе общественных образований, права и находящихся в этой же плоскости явлений, например, стратегии и т. д. Поэтому анализы Меринга, например, – вспомним лишь про «Легенду о Лессинге» – глубоки и тонки, пока они относятся к государственной и военной организации Фридриха Великого или Наполеона. Намного менее окончательными и исчерпывающими они являются тогда, когда он обращается к литературным, научным и религиозным феноменам той же эпохи.

Вульгарный марксизм совершенно пренебрег этим различием. Его применение исторического материализма впало в ту же ошибку, в какой упрекнул Маркс вульгарную политэкономю: он рассматривал, как вечные, всего лишь исторические категории, а именно – также категории капиталистического общества. По отношению к исследованию прошлого это было лишь научной ошибкой, которая не возымела далеко идущих последствий лишь благодаря тому, что исторический материализм являлся боевым средством в классовой борьбе, а не служил исключительно научному познанию. В конце концов, книги Меринга или Каутского (даже если мы констатируем отдельные научные недостатки у Меринга или сочтем небезупречными некоторые из исторических работ Каутского) снискали непреходящие заслуги в деле пробуждения классового сознания пролетариата; как инструменты классовой борьбы, как побуждение к этой борьбе они принесли своим авторам немеркнущую славу, которая вполне уравнивает также в суждении последующих поколений допущенные ими научные ошибки.

Дело в том, что эта историческая установка вульгарного марксизма оказала решающее влияние также на образ действий рабочих партий, на их политическую теорию и тактику. Вопросом, на примере которого наиболее отчетливо выступает линия водораздела с вульгарным марксизмом, является вопрос о насилии, о роли насилия в борьбе за победу в пролетарской революции и за ее закрепление. Конечно, это не первый случай, когда в противоречие вступили органическое дальнейшее развитие и механическое применение исторического материализма; вспомним хотя бы о дебатах по поводу империализма как определенной новой фазы капиталистического развития или непродолжительного эпизода в нем. Дебаты по вопросу о насилии – правда, во многом неосознанно – очень резко выявили методологическую сторону этого противоречия.

А именно вульгарно-марксистский экономист оспаривает значение насилия в переходе от одного строя экономического производства к другому. Он ссылается на «естественную закономерность» экономического развития, которая должна устроить такой переход в силу своего властительного совершенства, без помощи грубого, «внеэкономического» насилия. При этом почти всегда приводится известное положение Маркса: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их

История и классовое сознание

существования в недрах самого старого общества»¹⁷. Забывают только – естественно, умышленно – добавить к этим словам комментарий Маркса, в котором он определяет исторический рубеж этого «периода зрелости»: «Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества»¹⁸.

Уже эти положения показывают с полной ясностью, что для Маркса «зрелость» производственных отношений для перехода от одной формы производства к другой означала нечто совершенно иное, чем для вулгарного марксизма. Ибо организация революционных элементов как класса, а именно не только «по отношению к капиталу», но также «для себя самого»¹⁹, обращение простой производительной силы в рычаг общественного переворота суть не только проблема классового сознания, практической действительности сознательной деятельности, но одновременно и начало упразднения чистой «естественной закономерности» экономизма. Это означает, что «наиболее могучая производительная сила» восстает против системы производства, в которую она включена. Возникает ситуация, которую можно разрешить только насильем.

Здесь не место даже намеком излагать теорию насилия и его роль в истории, доказывать, что резкое, концептуальное разделение между насильем и экономикой есть недопустимая абстракция, что невозможно даже только помыслить ни одного экономического отношения, которое не было бы связано со скрытым или открытым насильем. Не следует забывать, что, по Марксу, также в «нормальные» времена чисто экономически и объективно экономически обусловлена лишь область определения отношения прибыли и заработной платы: «Фактический ее уровень устанавливается лишь путем постоянной борьбы между трудом и капиталом»²⁰. Очевидно, что шансы в этой борьбе опять-таки в большей мере обусловлены экономически, но эта обусловленность сильно варьирует под влиянием «субъективных», связанных с вопросом о «насилии» моментов, например, организации рабочих и т.д. Резкое и механическое, концептуальное разделение между насильем и экономикой вообще возникло только вследствие того, что, с одной стороны, фетишистская видимость чистой вещиности маскирует в экономических отношениях их характер отношений между людьми и превращает их в фаталистически-закономерную вторую природу, окружающую людей. С другой стороны, юридическая – равным образом фетишистская – форма организованного насилия способствует забвению того, что оно латентно, потенциально присутствует в каждом экономическом отношении и стоит за ним; такие разграничения, как разграничение между правом и насильем, между порядком и восстанием, между легальным и нелегальным насильем оттесняют на задний план общую насильственную основу всех институтов классовых обществ. (Ибо «обмен веществ» между человеком и природой в первобытном обществе так же мало был экономическим в строгом смысле слова, как мало отношения людей этой эпохи между собой носили соб-

Изменение функций исторического материализма

ственно правовой характер).

Конечно, между «правом» и насилием, между латентным и явным насилием существует различие; только его невозможно схватить ни с помощью философии права, ни с помощью этики, ни с помощью метафизики; его можно понять только как общественное, историческое различие между обществами, в которых строй производства утвердился уже настолько прочно, что (как правило) функционирует без конфликтов и без проблем, в силу своих собственных законов, и обществами, в которых вследствие противоборства разных способов производства или еще не достигнутой (всегда относительной) стабилизации долевого участия различных классов в производственной системе должно стать правилом применение голого «внеэкономического» насилия. Такая стабилизация в некапиталистических обществах приобретает консервативную форму и идеологически выражается в господстве традиции, «богоугодного» порядка и т.д. Только при капитализме, где подобная стабилизация означает стабильное господство буржуазии внутри безостановочного, революционно-динамического процесса, она приобретает облик осуществляемого с «естественной законосообразностью» господства «вечных, железных законов» политической экономии. И поскольку любое общество имеет тенденцию к тому, чтобы «мифологически» проецировать в прошлое структуру своего собственного производственного строя, постольку представляется, что и прошлое – а еще больше *будущее* – тоже определяется такими законами и подчиняется им. Игнорируется то, что возникновение, самоутверждение этого производственного строя было плодом самого неприкрытого, грубого и brutального «внеэкономического» насилия. «Tantae molis erat (стоило столько трудов)», – восклицает Маркс, завершая свое изложение истории развития капитализма, – «создать условия для свободного проявления «вечных естественных законов» капиталистического способа производства»²¹.

Но ясно также и то, что исход соревнования конкурирующих систем производства, со всемирно-исторической точки зрения, как правило, предreshается социально-экономическим превосходством одной системы над другой; такое превосходство, однако, отнюдь не обязательно совпадает с ее производственно-техническим превосходством. Нам уже известно, что экономическое превосходство вообще выливается в ряд насильственных мер; само собой разумеется, что эффективность этих насильственных мер зависит от – всемирно-исторической – актуальности и призванности к дальнейшему руководству обществом, которыми обладает имеющий подобное превосходство класс. Но встает вопрос: каким образом можно сделать социально постижимым это состояние конкурирующих производственных систем? Это значит, в какой мере такое общество надо понимать как единое общество в марксистском смысле слова, коль скоро у него отсутствует объективная основа подобного единства – единство «экономической структуры»? Ясно, что речь идет здесь о пограничном случае. Общества с совершенно чистой единой, гомогенной структурой, конечно, существовали редко. (Капитализм никогда не был таковым и, согласно

История и классовое сознание

Розе Люксембург, никогда им не станет.) Сообразно с этим в каждом обществе господствующая система производства накладывает свой отпечаток на подчиненные, решающим образом модифицируя их собственную экономическую структуру. Вспомним о сражении «промышленного» труда с земельной рентой в эпоху преобладания натурального хозяйства и о господстве над этим трудом ее экономических форм²²; а с другой стороны, – о формах, которые приобретает сельское хозяйство при высокоразвитом капитализме. Но в собственно переходные эпохи над обществом не господствует *ни одна* из систем производства; исход их борьбы как раз и не решен; ни одной из них еще не удалось навязать обществу адекватную себе экономическую структуру и, хотя бы в тенденции, привести его в движение в этом направлении. В таких ситуациях, понятно, невозможно говорить о какой-то экономической закономерности, которая господствовала бы над всем обществом. Прежний производственный строй уже утратил свое господство над обществом в целом, а новый его еще не обрел. Это состояние острого силового противоборства или скрытого равновесия сил, при котором законы экономики, если можно так выразиться, «дают сбои»: прежний закон *уже больше не действует*, а новый закон *еще не действует* повсюду.

Насколько я знаю, теория исторического материализма еще не осветила эту проблему с экономической стороны. Энгельсова теория государства показывает с полной ясностью, что этот вопрос отнюдь не ускользнул от внимания основоположников исторического материализма. Энгельс констатирует, что государство *«по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса <...>. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга»*²³.

Но не следует забывать, что переход от капитализма к социализму обнаруживает экономическую структуру, принципиально отличную в сравнении с переходом от феодализма к капитализму. Конкурирующие системы производства не выступают здесь *одна подле другой* как уже обособившиеся системы (как это показывают зачатки капитализма в феодальном производственном строе), а их конкуренция проявляется как неразрушимое противоречие *внутри* самой капиталистической системы – как кризис. Эта структура делает капиталистическое производство с самого начала антагонистическим. И в этом антагонизме, который выражается в том, что при кризисах капитал выступает как граница производства, даже «чисто экономическим образом, т.е. с буржуазной точки зрения»²⁴, ничего не может изменить факт, что в прошлом разрешение кризисов находилось внутри капитализма. Всеобщий кризис всегда знаменует собой тот пункт, где имманентная закономерность капиталистического развития дает – относительный – сбой; дело лишь в том, что в прошлом *класс капиталистов* всегда оказывался в состоянии вновь привести в ход производство в

Изменение функций исторического материализма

направлении капитализма. Мы не можем здесь проводить исследование того, являются или нет, а если не являются, то в какой мере, применяемые им средства прямым продолжением законов «нормального» производства, в какой мере здесь играют роль сознательно-организованные силы, «внеэкономические» факторы, стало быть, способность капиталистического производства к экспансии и т.д.²⁵. Следует лишь констатировать, что для объяснения кризисов, как это уже показали дебаты Сисмонди с Рикардо и его школой, надо выйти за рамки имманентных законов капитализма; это значит, что теория экономики, в которой кризисы рассматриваются как необходимость, должна одновременно содержать в себе отказ от капитализма. «Разрешение» кризиса тоже никак не может быть прямолинейным, имманентным «закономерным» продолжением кризисного состояния, а должно быть новой линией развития, которая ведет к новому кризису и т.д. Маркс совершенно недвусмысленно формулирует эту взаимосвязь: «Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализирующим образом противодействующие тенденции»²⁶.

Всякий кризис, стало быть, знаменует собой мертвую точку в закономерном развитии капитализма, но увидеть в этой мертвой точке *необходимый* момент капиталистического производства возможно только с вышки пролетариата. Различия, градация и обострение кризисов, динамическое значение этого пункта сбоя, могущество сил, необходимых для того, чтобы вновь дать ход экономике, являются познаваемыми, однако не с точки зрения буржуазной (имманентной) экономической науки, а лишь с точки зрения исторического материализма. Ибо выясняется, что решающее значение следует придавать тому, переживает ли «величайшая производительная сила» капиталистического производственного строя, пролетариат, такой кризис в качестве простого объекта или субъекта, делающего свой выбор. Кризис всегда решающим образом обусловлен «антагонистическими отношениями распределения», противоречием между все большим развитием производительной силы капитала и «узким основанием, на котором покоятся отношения потребления»²⁷, то есть – объективно-экономическим *существованием пролетариата*. Эта сторона антагонизма, однако, не выходит на свет во время кризисов прогрессирующего капитализма из-за «незрелости» пролетариата, из-за его неспособности участвовать в производственном процессе иначе, чем в качестве беспрекословно включенной в него и подчиненной «законам» экономики «производительной силы». Поэтому может возникнуть видимость того, что «законы экономики» как выводили из кризиса, так и ввергали в него. В то время как в действительности классу капиталистов – вследствие пассивности пролетариата – просто удавалось преодолеть мертвую точку, вновь завести машину. Качественное отличие решающего «последнего» кризиса капитализма (который, само собой понятно, может быть целой эпохой сменяющих друг друга частных кризисов) от прежних кризисов – это, следовательно, не просто превращение его размаха и глубины, его количества в качество. Или лучше сказать: такое превращение выражается в том, что

История и классовое сознание

пролетариат перестает быть лишь объектом кризиса, что внутренний антагонизм капиталистического производства, который по своему смыслу уже равносильна борьбе буржуазного и пролетарского производственного строя, противоборству обобществленных производительных сил с их индивидуально-анархическими формами. Организация пролетариев, целью которой всегда было «уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого закона капиталистического производства»²⁸, – из стадии негативности, или чисто тормозящих, ослабляющих, сдерживающих действий, переходит в стадию активности. И лишь благодаря этому решающим, качественным образом изменилась структура кризиса. Те меры, с помощью которых буржуазия надеется преодолеть мертвую точку кризиса, которые, абстрактно говоря, и сегодня (если отвлечься от вмешательства пролетариата) находятся в ее распоряжении точно так же, как во время прежних кризисов, становятся ареной открытой классовой войны. Насилие становится решающей экономической силой ситуации.

Следовательно, вновь обнаруживается, что эти «вечные естественные законы» имеют значимость лишь для определенной эпохи развития. Что они суть не только форма проявления закономерности общественного развития, характерная для определенного социологического типа (для уже никем не оспариваемого экономического господства известного класса), но также в рамках этого типа – лишь проявление специфической формы господства капитализма. Но поскольку, как уже было показано, связь исторического материализма с капиталистическим обществом является отнюдь не случайной, постольку понятно и то, что данная структура казалась образцовой и нормальной также для присущего этому обществу совокупного понимания истории, казалась классической и канонической структурой. Впрочем, мы привели примеры, которые ясно показывают, насколько осторожны и критичны были Маркс и Энгельс даже при оценке специфических структур прежних, некапиталистических обществ и их специфических законов развития. Внутренняя связь двух этих моментов, однако, так сильно подействовала даже на Энгельса²⁹, что он, например, при изложении процесса разложения родового общества выделил, как «в высшей степени типичный», пример Афин, так как здесь такое разложение происходило «в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства»; вероятно, в содержательном плане утверждать это применительно к Афинам не вполне правильно, и уж конечно, это нетипично для перехода, происходящего на данной стадии развития.

Но вульгарный марксизм сосредоточил внимание именно на этом пункте: он отрицает значение насилия как «экономической потенции». Теоретическое принижение значения насилия в истории, вытравливание его роли из истории прошлого служит для вульгарного марксизма теоретической подготовкой оппортунистической тактики. Такое возведение специфических законов развития капиталистического общества на уровень всеобщих законов есть теоретическая база их устремлений, сводящихся к практическому увековечению существования капиталистического общества. Ведь идея последовательного, по прямой линии, дальнейшего развития, требование вульгарных марксистов, чтобы

Изменение функций исторического материализма

социализм реализовывался без «внеэкономического насилия», с помощью имманентных законов экономического развития в содержательном плане равносильны тому, чтобы капиталистическое общество продолжало существовать вечно. Неверно думать, что феодальное общество органично развило капитализм из себя самого. Оно только создало «материальные средства для своего уничтожения»³⁰. Оно высвободило «силы и страсти, которые чувствуют себя скованными». И этими силами в ходе развития, которое «включает в себя целый ряд насильственных методов», были заложены общественные основы капитализма. Лишь после того как этот переход завершился экономическая закономерность капитализма вступила в действие.

Было бы неисторичным и крайне наивным ждать большего от капиталистического общества для идущего ему на смену пролетариата, чем сделал феодализм для него самого. Уже затрагивался вопрос о моменте, когда созрели условия для перехода. Методологически важным в этой теории «зрелости» является то, что она хотела бы достичь социализма без активного содействия пролетариата, выступая как поздний эквивалент учения Прудона, который, согласно «Манифесту Коммунистической партии», хотел сохранить существующий строй «без пролетариата». Эта теория делает следующий шаг, когда она отказывается от насилия в значении во имя «органичного развития», забывая при этом, что все это «органичное развитие» есть лишь теоретическое выражение уже развившегося капитализма, его собственная историческая мифология, что его действительный генезис протекал в совершенно противоположном направлении. «Эти методы, – пишет Маркс, – отчасти покоятся на грубейшем насилии, как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии»³¹. Стало быть, даже в том случае, если бы при переходе от капиталистического общества к пролетарскому насилие выполняло такую же самую функцию, как при переходе от феодализма к капитализму, действительное развитие учит нас, что «неорганический», «искусственный», «насильственный» характер перехода отнюдь не свидетельствует против исторической актуальности, против необходимости и «нормальности» возникающего подобным образом нового общества. Но это не все: вопрос начинает выглядеть совершенно по-иному, когда мы поближе рассмотрим к месту и роли насилия в этом переходе, который знаменует собой нечто принципиально и качественно новое в сравнении с прежними переходами. Мы повторяем: решающее значение насилия как «экономической потенции» всегда проявляется во время перехода от одного производственного строя к другому; на языке социологии это можно выразить так: в эпохи, когда рядом существуют различные, конкурирующие системы производства. Качественная определенность противоборствующих систем, однако, будет оказывать определяющее влияние на роль и место насилия как «экономической потенции» в переходный период. Во время возникновения капитализма мы имели дело с борь-

История и классовое сознание

бой статической системы с динамической, «естественно выросшей» – со стремящейся к чистому обобществлению, локально ограниченной и упорядоченной – с анархической (и по своей тенденции неограниченной) системой. Напротив, при пролетарской революции, как известно, мы имеем дело в первую очередь с борьбой между упорядоченной экономической системой и анархической³². Подобно тому как производственные системы определяют сущность классов, точно так же протекающие из них противоречия определяют характер необходимого для преобразования насилия. Ведь, по словам Гегеля, оружие есть не что иное как сущность самого бойца.

Здесь противоположность заходит дальше контroversий между подлинным и вульгаризированным марксизмом в критике капиталистического общества. Главное здесь, на самом деле, состоит в том, чтобы в соответствии с духом диалектического *метода* выйти за рамки доселе достигнутых историческим материализмом *результатов*: применить его к той области, к которой его еще невозможно было применить в силу его сути как исторического метода; применить со всеми видоизменениями, которые должен внести новый – принципиально или качественно – материал во всякий не поддающийся систематизации метод, то есть в первую очередь – в диалектику. Марксом и Энгельсом в силу их прозорливости многое здесь было предвосхищено. А именно, не только относительно предполагаемых фаз этого процесса (в «Критике Готской программы»), но и в методологическом плане. «Прыжок из царства необходимости в царство свободы», завершение «предыстории человечества» – это для Маркса и Энгельса отнюдь не прекрасная, но абстрактная и пустая перспектива, которой декоративно-эффектно увенчивается, ни к чему, однако, методологически не обязывая, критика современности, а ясное и концептуально осознанное предвидение правильно познанного процесса развития, методологические последствия которого глубоко вдаются в понимание актуальных проблем. «Люди сами делают свою историю, – писал Энгельс, – но *до сих пор* они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану»³³. И Маркс в ряде мест «Капитала» пользуется этой мысленно предвосхищенной структурой, чтобы, с одной стороны, исходя из нее пролить более яркий свет на современность, с другой, – чтобы благодаря этому контрасту более ясно и полно выступило качественно новое сущностное своеобразие надвигающегося будущего.

Имеющий здесь для нас решающее значение характер этого контраста заключается в том, что «в капиталистическом обществе <...> общественный разум всегда заявляет о себе только *post festum*» (задним числом)³⁴, это касается феноменов, в отношении которых, если отбросить их капиталистическую, овеществленную оболочку, свести к лежащим в их основе истинным содержательным отношениям, достаточно простого предвидения. Ибо, как отмечается в «Манифесте Коммунистической партии», в «буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе – настоящее над прошлым»³⁵. И это резкое непреодолимое противоречие нельзя смягчить никаким «открытием» известных «тенденций» при капитализме, которые создают видимость, будто он

Изменение функций исторического материализма

способен их «перерасти». Оно неразрывно связано с сущностью капиталистического производства. Прошлое, господствующее над настоящим, сознание *post festum*, в котором выражается этот способ господства, суть лишь мыслительное выражение основополагающего экономического состояния капиталистического общества, но только капиталистического: это овеществленное выражение заключенной в капитале как отношении возможности обновляться и расширяться в постоянном контакте с живым трудом. Очевидно, что «господство продуктов прошлого до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, – определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе»³⁶.

Социальный смысл диктатуры пролетариата, социализации прежде всего в том и состоит, что у капиталистов отнимается это господство. Но вследствие этого *для пролетариата*, взятого как класс, объективно *упраздняется обретенное самостоятельность, опредмеченное противостояние ему его собственному труду*. Когда пролетариат берет на себя командование одновременно как над уже опредмеченным, так и над актуально осуществляемым трудом, практически и объективно снимается эта противоположность и вместе с этим – корреспондирующее с ней противоречие между прошлым и настоящим, отношение между которыми вследствие этого должно претерпеть структурное изменение. Какими длинными ни были объективный процесс социализации, равно как и осознание пролетариатом изменений во внутреннем отношении труда к его предметным формам (отношения современности к прошлому), фундаментальный *поворот* был совершен диктатурой пролетариата. Такой поворот, к которому не способны близко подойти никакая «социализация», проводимая в порядке «эксперимента», никакое «плановое хозяйство» в буржуазном обществе. В лучшем случае, это концентрированные организационные меры *внутри* капиталистической системы, при которых не происходит никаких изменений в фундаментальных взаимосвязях экономической структуры, в фундаментальном отношении сознания пролетарского класса к производственному процессу в целом. Между тем самая скромная и «хаотичная» социализация как захват собственности, захват власти преобразует *именно эту структуру* и тем самым объективно и всерьез ориентирует развитие на качественный скачок. Ведь приверженные экономизму вульгарные марксисты все время забывают, когда пытаются сжить со света такой скачок с помощью плавных переходов, что капиталистическое отношение есть отнюдь не только производственно-техническое, отнюдь не «чисто» экономическое отношение (в понимании буржуазной политэкономии), а в истинном смысле слова социально-экономическое отношение. Они не замечают, что «капиталистический процесс воспроизводства производит не только товары, не только прибавочную стоимость, *он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение*, капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой»³⁷. Так что изменение общественного развития оказывается возможным, если оно осуществляется в такой форме, которая препятствует этому самовоспроизводству капиталистического от-

История и классовое сознание

ношения, которая придает самовоспроизводству общества иное, новое направление. Основополагающе новое в этой структуре ни в малейшей степени не меняется тем, что экономическая невозможность социализировать мелкие предприятия заново возрождает капитализм и буржуазию «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»³⁸. Вследствие этого процесс, разумеется, становится намного более запутанным, усиливается конфликтность сосуществования двух социальных структур, но социальный смысл социализации, ее функция в процессе развития сознания пролетариата не претерпевает никаких изменений. Именно – правильно понятый – фундаментальный тезис диалектического метода, согласно которому не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание, имеет своим следствием необходимость в пункте революционной перипетии на практике принимать всерьез категорию радикально нового, переворота в социальной структуре, изменения направленности процесса – то есть категорию скачка.

Ибо именно эта противоположность между «post festum» и попросту верным предвидением, между «ложным» и правильным общественным сознанием отмечает тот пункт, в котором объективно-экономически вступает в силу скачок. Этот скачок, разумеется, не является однократным актом, в результате которого с быстротой молнии и безо всяких переходов совершилось бы это, величайшее за всю истекшую историю человечества, преобразование. Но еще менее он является простым превращением медленного и постепенного изменения в качественное, при котором подлинный результат получается благодаря «вечным законам» экономического развития, действующим через головы людей, посредством «хитрости разума», при котором, далее, скачок не означает ничего большего, нежели то, что человечество осознает уже достигнутое новое состояние, может быть, осознает одним махом. Напротив, скачок – это длительный и тяжелый процесс. Его скачкообразный характер выражается в том, что он всякий раз представляет собой *внутренний поворот в направлении чего-то качественно нового*; что в нем выражается сознательная деятельность, интенция которой направлена на познанное целое общества; что этот скачок – в силу своей интенции и природы – имеет право гражданства в царстве свободы. Что касается прочего, то он по своей форме и облику вписывается в медленный процесс общественного преобразования, более того, способен лишь тогда поистине подтвердить свой скачкообразный характер, когда он полностью вписывается в этот процесс, когда он является не чем иным как доведенным до сознания смыслом каждого момента, его доведенным до сознания отношением к целому, сознательным ускорением процесса в том направлении, в котором он необходимо развивается. Таким ускорением, которое опережает процесс на *один шаг*, которое не стремится навязать ему чуждые цели и самодельные утопии, а вторгается в него, раскрывая внутренне присущую ему цель, когда революция пугается «неопределенной чудовищности своих целей, когда над ней нависает угроза колебаний и скатывания к половинчатости.

Кажется, что скачок бесследно растворяется в процессе. Но «царство сво-

Изменение функций исторического материализма

боды» – не подарок, который получает страждущее под властью необходимости человечество как вознаграждение за стойкость в страданиях, как дар судьбы. Это не только цель, но также средство и орудие борьбы. И здесь обнаруживается принципиальная и качественная новизна ситуации: в первый раз за свою историю человечество – благодаря классовому сознанию призванного к господству пролетариата – сознательно берет собственные руки свою историю. Тем самым «необходимость» объективно экономического процесса не упраздняется, а приобретает другую, новую функцию. Если до сих пор дело заключалось в том, чтобы вслушаться в объективное течение процесса и услышать грядущее, которое так или иначе наступит, и обратить его к выгоде пролетариата, если, стало быть, до сих пор позитивным ведущим элементом процесса была «необходимость», то теперь она стала препятствием, с которым надлежит бороться. Шаг за шагом в ходе процесса преобразований ее нужно оттеснить назад, чтобы после долгих и трудных битв ее можно было совершенно исключить из игры. При всем этом остается в силе ясное и беспощадное познание того, что есть в действительности, того, что неизбежно должно произойти; оно даже составляет решающую предпосылку и самое действенное оружие в этой борьбе. Ибо всякая недооценка той мощи, которой еще обладает необходимость, низвело бы это преобразующее мир познание до пустой утопии и усилило бы власть врага. Однако познание тенденций экономической неизбежности больше не выполняет функции ускорения этого, ее процесса или извлечения из него выгоды. Верно как раз обратное: оно должно эффективно бороться с этим процессом, теснить его, поворачивать его там, где это возможно, в иное русло или – покуда в этом есть нужда, но только покуда она есть на самом деле – уклоняться от него.

Совершающаяся при этом перемена носит экономический характер (и обуславливает тем самым классовую перегруппировку). Но у этой «экономики» уже больше нет функции, которую прежде выполняла всякая экономика: она должна стать служанкой сознательно управляемого общества; она должна утратить свою имманентность, свою самозаконность, в силу которой она, собственно, и становится экономикой; она должна быть упразднена в качестве экономики. Эта тенденция выражается прежде всего в изменении отношения между экономикой и насилием на этой переходной стадии. Ибо сколь бы велико ни было всегда экономическое значение насилия при переходе к капитализму, тем не менее неизменно экономика была первичным, а насилие – вторичным, чисто вспомогательным для нее принципом, который ей способствовал, убирал с ее пути препятствия. Теперь, напротив, насилие находится на службе у принципов, которые в любом из прежних обществ могли фигурировать лишь в качестве «надстройки», лишь в качестве сопровождающих неизбежный процесс, определяемых им принципов. Оно находится на службе у человека и его развития в качестве человека.

Часто и правомерно отмечалось, что социализация – это вопрос власти; здесь вопрос насилия предшествует экономическому вопросу (при этом было бы безумием применять власть, не заботясь о сопротивлении материала, но со-

История и классовое сознание

противление материала учитывается для того, чтобы его преодолеть, чтобы перед ним не спасовать). Тем самым насилие, голое, неприкрашенное насилие якобы выдвигается на первый план общественного процесса. Но это лишь с виду так. Ведь насилие – не самодовлеющий принцип и никогда не может быть таковым. И это насилие является не чем иным как осознанной волей пролетариата к собственному самоупразднению – и одновременно к упразднению поработительного господства овеществленных отношений над людьми, господства экономики над обществом.

Такое упразднение, такой скачок представляют собой процесс. И главное заключается именно в том, чтобы ни на секунду не потерять из виду ни его скачкообразного характера, ни его сущности, как процесса. Скачок состоит в непосредственном повороте к радикально новому – к сознательно направленному обществу, «экономика» которого подчинена людям и их потребностям. Процессуальность его сущности проявляется в том, что это преодоление хозяйства как хозяйства, эта тенденция к упразднению его самозаконности выражается в таком исключительном господстве экономических *содержаний* над сознанием тех, кто осуществляет это упразднение, какого развитие не знало никогда в прошлом. А именно не только потому, что падение производства в переходный период, растущие затруднения с поддержанием на ходу его аппарата, с удовлетворением потребностей людей (сколь бы скромны они ни были), усиливающаяся жестокая нужда внедряют в сознание экономические содержания, заботу о хозяйстве. Не только поэтому. А как раз по причине такого изменения функций. Экономика как господствующая в обществе форма, как действительный мотор развития, который через головы людей приводит в движение общество, должна была отражаться в головах людей в неэкономических формах, «идеологически». Коль скоро принципы человеческого бытия находятся на пути к освобождению, к тому, чтобы впервые в истории взять на себя господство над человечеством, то в первую очередь привлекают интерес объекты и средства борьбы, экономика и насилие, проблемы реальных этапных целей, содержание ближайшего, реально совершенного или предстоящего шага. Именно потому, что те самые – правда, во всех пунктах ставшие иными – содержания, которые прежде назывались «идеологией», начинают превращаться в реальные целеполагания человечества, делают, с одной стороны, излишним приукрашивание этими содержаниями экономической борьбы и противоборства силы с силой, которые ради них и ведутся. С другой стороны, их реальность и актуальность обнаруживаются именно в том, что весь интерес концентрируется на реальной борьбе за их осуществление: на хозяйстве и насилии.

Поэтому теперь уже не должно казаться парадоксом, что этот переход выступает как век чуть ли не исключительно экономических интересов и эпоха открыто признаваемого, голого насилия. Экономика и насилие начали играть последний акт своего исторического действия, и та видимость, которая господствует на исторической арене, не должна вводить нас в заблуждение относительно того, что это их последний в истории выход. «Первый акт, – отмечает

Изменение функций исторического материализма

Энгельс, – в котором государство (организованное насилие – Д.Л.) выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. <...> *Оно отмирает*³⁹. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»⁴⁰. То, что до сих пор сопровождало, как простая «идеология», непреодолимый ход развития человечества, жизнь человека в качестве человека, со своими отношениями к себе самому, к своим ближним, к природе, – может стать подлинным содержанием жизни человечества. Человек рождается – общественно – в качестве человека.

В переходное время, которое ведет к этой цели и которое уже началось, даже если нам предстоит еще очень долгий и мучительный путь, исторический материализм, стало быть, на долгое время сохраняет свое значение благороднейшего оружия борющегося пролетариата. Ведь преобладающая часть общества находится под властью чисто капиталистических производственных форм. И на немногих островках, где пролетариат воздвиг свое господство, речь может идти лишь о том, чтобы кропотливо, шаг за шагом вытеснить капитализм, сознательно призывая к жизни новый общественный строй, который уже больше не выражает себя в этих категориях. Но уже сам факт, что борьба вступила в эту стадию, наряду с прочим показывает два очень важных изменения в функции исторического материализма.

Во-первых, посредством материалистической диалектики надо раскрыть путь, ведущий к сознательному контролю и господству над производством, к свободе от гнета опредмеченных общественных сил. Никакой сколь угодно тщательный и точный анализ прошлого не может дать на это удовлетворительный ответ. Он может быть получен только благодаря – беспристрастному – применению диалектического метода к этому совершенно новому материалу. Во-вторых, предельно обострившийся кризис капитализма дает нам возможность, – поскольку любой кризис является объективацией самокритики капитализма, – с этой точки зрения приближающейся к завершению самокритики капитализма привести исторический материализм как метод исследования «предыстории человечества» в более ясную и совершенную форму, чем это было возможно до сих пор. Следовательно, не только из-за того, что мы еще очень долго в борьбе будем нуждаться в историческом материализме, все лучше овладевая им, но также и с точки зрения его научной разработки необходимо, чтобы мы использовали победу пролетариата для возведения для исторического материализма этого дома, этой мастерской.

Июнь 1919 года.

История и классовое сознание

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. – С. 160.

² Там же. Т. 25. Ч. 1. – С. 191-192.

³ Там же. Т. 23. – С. 747-748. – (Курсив мой – Г.Л.). – В немецком оригинале «Капитала» речь идет об «историческом генезисе капиталистического производства» («Anders waerhend der historischen Genesis der kapitalistischen Produktion») (Прим. пер.)

⁴ Там же. Т. 21. – С. 174.

⁵ Там же. Т. 46, ч.1. – С. 44.

⁶ Там же. Т. 35. – С. 103.

⁷ Там же. Т. 21. – С. 68.

⁸ Там же. Т. 23. – С. 523.

⁹ Там же. Т. 21. – С. 46, 159.

¹⁰ Во избежание недоразумений здесь следует сразу же отметить, во-первых, что гегелевское различие упоминается лишь для того, чтобы четко разграничить области; отнюдь не предполагается использовать его (вообще-то весьма проблематичное) учение о духе. Во-вторых, что нельзя также ложным образом приписывать Гегелю психологическое или метафизическое толкование понятия «дух». Так, Гегель определяет дух как единство сознания и его предмета, что чрезвычайно близко Марксову пониманию категорий, например, в «Нищете философии» и «К критике политической экономии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. –

С. 129; Т. 46, ч. 1. – С. 43). Здесь не место останавливаться на различии между ними, которого я не игнорирую, но которое находится отнюдь не там, где его обыкновенно ищут.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч.2. – С. 48.

¹² Ср. высказывания Маркса о труде как созидателе потребительных стоимостей: Там же. Т. 23. – С. 55.

¹³ Vgl. z.B. Kapital III, I, MEW 25, S. 186.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 329.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 176.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч.1. – С. 43.

¹⁷ Там же. Т. 13. – С. 7.

¹⁸ Там же. Т. 4. – С. 184. (Курсив мой – Г.Л.)

¹⁹ Там же. Т. 4. – С. 183.

²⁰ Там же. Т. 16. – С. 151.

²¹ Там же. Т. 23. – С. 769.

²² Там же. Т. 25, ч.2. – С. 859-860.

²³ Там же. Т. 21. – С. 171-172.

²⁴ Kapital III, I, MEW 25, S. 270.

²⁵ Ср., например, поведение английских капиталистов в вопросах кризисов, безработицы и эмиграции: К. Маркс. Капитал // Соч. Т. 23. – С. 663 и далее. Обозначенные здесь мысли отчасти перекликаются с остроумными замечаниями Бухарина о «равновесии» как методологическом постулате в «Экономике переходного периода»: Н. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. – С. 126 и далее. Для разбора позиции Бухарина, к сожалению, здесь нет возможности.

Изменение функций исторического материализма

- 26 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч.1. – С. 270.
27 Там же. – С. 268.
28 Там же. Т.23. – С. 655.
29 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – С. 771.
30 Там же. – С. 761. – (Курсив мой – Г.Л.).
31 Там же. Т. 23. – С. 761.
32 В рамках такого противопоставления империалистический капитализм тоже необходимо выступает как анархическая система.
33 Там же. Т. 39. – С. 175. (Курсив мой – Г.Л.).
34 Там же. Т. 24. – С. 354.
35 Там же. Т. 4. – С. 439.
36 Там же. Т. 25, ч.1. – С. 439.
37 Там же. Т. 23. – С. 591. – (Курсив мой – Г.Л.).
38 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 3.
39 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 285.
40 Там же. – С. 288

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан.

Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе

При изучении легальности и нелегальности в классовой борьбе пролетариата, как при рассмотрении любого вопроса, связанного с формами деятельности, движущие мотивы и проистекающие из них тенденции часто являются более важными, проливают больше света, нежели голые факты. Ибо простой факт легальности или нелегальности некоторой части рабочего движения настолько сильно зависит от исторических «случайностей», что его анализ не всегда может повести к принципиальным выводам. Нет ни одной, сколь угодно оппортунистической и даже социал-предательской, партии, которую определенные обстоятельства не могли бы загнать в подполье. Напротив, вполне мыслимы ус-

Легальность и нелегальность

ловия, при которых самая революционная и менее всего расположенная к компромиссам коммунистическая партия какое-то время сможет работать почти совершенно легально. Поскольку этого признака недостаточно для различения между легальной и нелегальной тактикой, нам следует проанализировать их движущие побуждения. Но при этом нельзя останавливаться и на простой – абстрактной – констатации мотивов, настроений. Ведь именно для оппортунистов чрезвычайно показательным является то, что они стоят за легальность *любой ценой*; а применительно к революционным партиям совершенно неверно было бы утверждать, что они стремятся к обратному, к нелегальности. Ведь в каждом революционном движении имеются периоды, когда господствует или, по крайней мере, оказывает сильное влияние *романтика нелегальности*. Эту романтику, однако, следует решительно рассматривать как детскую болезнь коммунистического движения (основания к этому прояснятся нами в ходе последующего изложения); это – реакция на легальность любой ценой, которую всякое движение, достигшее зрелости, обязано преодолеть и которая, безусловно, будет им преодолена.

1.

Итак, какое содержание вкладывает в понятия легальности и нелегальности марксистская мысль? Данный вопрос неизбежно возвращает нас к общей проблеме организованного насилия, к проблеме права и государства, в конечном счете – к проблеме идеологии. В своей полемике с Дюрингом Энгельс блестяще опровергает абстрактную теорию насилия. Но вывод, в соответствии с которым насилие (право и государство) «основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции»¹, следует, руководствуясь духом учения Маркса и Энгельса, понимать так, что данная взаимосвязь находит соответствующее идеологическое отображение в мышлении и чувствах людей, втянутых в ту сферу, где господствует насилие. Это означает, что организации, осуществляющие насилие, настолько гармонируют с (экономически) условиями жизни людей либо их превосходство над людьми представляется настолько непреодолимым, что они воспринимаются последними в качестве сил природы, естественной среды их существования, которым они сообразно с этим *добровольно* подчиняются. (Отсюда совсем не следует, что люди с ними *согласны*). А именно сколь верным является то, что организация, осуществляющая насилие, может существовать, покуда она является нужной, лишь при условии, что способна подавить насилием непокорную волю индивидов или групп, столь же верно и то, что она оказалась бы нежизнеспособной, если бы по ходу своего функционирования она была бы вынуждена по каждому поводу применять насилие. Когда в этом возникает нужда, то уже налицо факт революции; осуществляя насилие, организация тем самым вступает в противоречие с экономическими основами общества. А это противоречие отражается в головах людей, которые перестают видеть в существующем порядке вещей естест-

История и классовое сознание

венную необходимость, противопоставляют насилию другое насилие. Не отрицая экономической фундированности этой ситуации, надо добавить, что изменить организацию, осуществляющую насилие, можно лишь тогда, когда уже расшатана вера как господствующих, так и угнетенных классов в то, что единственно возможным является существующий строй. Революция в производственных отношениях является *необходимой предпосылкой* для этого. Но сам переворот может быть осуществлен лишь людьми. Теми людьми, которые – духовно или эмоционально – освободились от власти существующего строя.

Это освобождение, однако, не происходит одновременно с экономическим развитием, в механической параллели к нему; напротив, с одной стороны, оно ему предшествует, а, с другой, – отстает от него. Как чисто идеологическое освобождение, оно может иметь место и в большинстве случаев имеет место тогда, когда в исторической действительности содержится пока лишь *тенденция* к тому, чтобы поставить под вопрос экономические основы данного общественного строя. Теория в подобных случаях додумывает до конца то, что есть лишь тенденция, и превращает ее в действительность, которая должна вступить в бытие и которую она как «истинную» действительность противопоставляет «ложной» действительности сущего («естественное право» как прелюдия буржуазных революций). С другой стороны, очевидно, что даже непосредственно заинтересованные в успехе революции – сообразно своему классовому положению – группы и массы внутренне отрешаются от старого строя лишь *во время* (а очень часто лишь *после*) революции. Очевидно то, что им нужно получить наглядные уроки, чтобы они поняли, какое общество отвечает их интересам, сумели внутренне освободиться от старого порядка вещей.

Если эти утверждения справедливы относительно любого революционно-го перехода от одного общественного строя к другому, то они имеют немалую значимость для революции социальной, нежели преимущественно политической. Ибо политическая революция лишь санкционирует такое экономическо-социальное состояние, при котором экономическая действительность, – по крайней мере, отчасти, – уже сама себя утвердила. Революция с помощью насилия ставит на место прежнего, воспринимаемого как «несправедливый», правового порядка новое – «верное», «справедливое» – право. Социальная среда не претерпевает радикальных трансформаций (консервативные историографы Великой французской революции тоже подчеркивают эту относительную неизменность «общественного» состояния в данную эпоху). Напротив, социальная революция направлена именно на изменение этой среды. И всякое подобное изменение настолько глубоко расходится с инстинктами среднего человека, что он видит в нем катастрофическую угрозу *для жизни вообще*, слепую природную силу, нечто вроде наводнения и землетрясения. Не понимая сути процесса, он направляет свою слепую отчаянную самозащиту на борьбу с *теми непосредственными феноменальными формами*, которые угрожают его привычному существованию. Так, получившие мелкобуржуазное воспитание пролетарии на заре капиталистического развития восставали против фабрик и

Легальность и нелегальность

машин; так, теорию Прудона можно рассматривать в качестве заключительного аккорда этой отчаянной защиты старой, привычной социальной среды.

Революционность марксизма легче всего уясняется в этом пункте. Марксизм именно потому является учением о революции, что постигает сущность процесса (в противоположность его симптомам, формам проявления), выявляет его решающую, указывающую в будущее тенденцию (в противоположность повседневным реальностям). Именно благодаря этому он одновременно является идеологическим выражением освобождающего себя пролетарского класса. Это освобождение свершается сперва в форме фактических выступлений против наиболее тягостных проявлений капиталистической экономической системы и буржуазного государства. Эти сами по себе изолированные и даже в случае своего успеха никогда не приносящие триумфальных побед битвы могут стать действительно революционными лишь благодаря осознанию их взаимосвязей между собой и с тем процессом, который неудержимо влечет капитализм к гибели. Когда молодой Маркс выдвинул программу «реформы сознания», он тем самым уже предвосхитил сущность своей последующей деятельности. Ибо, с одной стороны, его учение не является утопией, ибо оно исходит из фактически происходящего процесса и не стремится реализовать его посредством какие-то «идеалы», а лишь раскрывает его первородный смысл. Но одновременно это учение должно выйти за рамки фактически данного и сориентировать сознание пролетариата на познание сущности, а не на переживание непосредственно данного. «Реформа сознания, – заявляет Маркс, – состоит *только* в том, чтобы дать миру уяснить себе свое собственное сознание, чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы *разъяснить ему смысл его собственных действий* <...> При этом окажется, что мир уже давно грезит о предмете, которым можно овладеть, только осознав его»².

Эта реформа сознания есть не что иное как сам революционный процесс. Ибо к такому осознанию пролетариат способен подойти лишь исподволь, после трудных и долгих кризисов. Даже если в учении Маркса уже даны все теоретические и практические выводы из классового положения пролетариата, сделанные задолго до того, когда они стали исторически «актуальными», даже если все эти учения представляют собой не исторические утопии, а познание самого исторического процесса, то отсюда отнюдь не следует, что пролетариат довел до своего сознания осуществленное Марксовым учением освобождение – в том числе и тогда, когда в своих отдельных акциях он действует в соответствии с этим учением. В другой связи мы указали на этот процесс³ и подчеркнули, что необходимость своей экономической борьбы против капитализма пролетариат способен осознать уже тогда, когда политически он все еще целиком находится в плену капиталистического государства. О том, насколько это соответствует действительности, говорит тот факт, что вся критика государства Марксом и Энгельсом была подвергнута полному забвению, что самые значительные теоретики II Интернационала безоговорочно принимали капиталистическое государство в качестве государства «вообще» и свою деятельность,

История и классовое сознание

свою борьбу против него понимали как «оппозицию». (Яснее всего это видно на примере полемики между Паннекуком и Каутским в 1912 году.) Ибо поставить себя в «оппозицию» – значит лишь *воспринять* существующее как *по сути своей неизменную* основу; ведь «оппозиция» стремится лишь к тому, чтобы *внутри* сферы влияния существующего добиться для рабочего класса максимально возможного.

Конечно, лишь далекие от жизни тупицы способны были бы усомниться в реальности буржуазного государства как фактора силы. Великое различие между революционными марксистами и псевдомарксистами-оппортунистами состоит в том, что первые рассматривают капиталистическое государство лишь как *фактор силы*, *против* которого надо мобилизовывать силу организованного пролетариата, в то время как вторые понимают государство как *потусторонний классам институт*, за овладение которым ведут свою классовую борьбу пролетариат и буржуазия. Но когда оппортунисты трактуют государство как объект борьбы, а не как противника в противоборстве, они уже ставят себя – духовно – на буржуазную почву и тем самым наполовину проигрывают битву еще до того, как она начинается. Ибо всякий государственный и правовой порядок, а капиталистической – в первую очередь, основывается, в конечном счете, на том, что его существование, значимость его установлений не подвергаются сомнению, а просто принимаются на веру. То, что эти установления *в отдельных случаях* преступаются, не означает никакой особой опасности для существования государства, покуда эти преступления фигурируют в общественном сознании лишь как отдельные случаи. В своих сибирских воспоминаниях Достоевский метко указал на то, что каждый преступник (не раскаиваясь в содеянном) считает себя виновным, совершенно ясно сознает, что он преступил обязательные также и для него законы. Стало быть, законы сохраняют свою значимость и для него, даже если личные мотивы или давление обстоятельств побудили преступника их нарушить. Государство способно легко справиться с такими преступлениями в отдельных случаях именно потому, что они ни на секунду не ставят под вопрос его основы. Но «оппозиционное» поведение подразумевает, что в отношении государства занимает сходная позиция: признается, что по своей сути оно находится вне классовой борьбы, что значимость его законов *непосредственно* не затрагивается классовой борьбой. Итак: либо «оппозиция» пытается легально изменить законы, причем прежние законы сохраняют свою значимость до того момента, когда вступают в силу новые, либо – в отдельных случаях – такие законы по одиночке преступаются. Поэтому лишь объективную демагогию оппортунистов надо усматривать в том, что марксистскую критику государства они ставят в связь с анархизмом. Речь здесь отнюдь не идет об анархистских иллюзиях и уступках, а лишь о том, что капиталистическое государство надо рассматривать и оценивать как историческое явление уже тогда, когда оно еще существует. Сообразно с этим надо видеть в нем лишь орудие насилия, с которым, с одной стороны, надо считаться только в той мере, – но только в этой мере и считаться, – в какой оно располагает фактической вла-

Легальность и нелегальность

стью. А с другой стороны, надо подвергать самому точному и самому непредвзятому анализу источники этой власти, дабы выявить те пункты, где можно ослабить и ликвидировать эту власть. *Таким пунктом силы или слабости государства является именно тот способ, каким оно отражается в сознании человека.* Идеология в этом случае является не просто следствием экономического строения общества, а одновременно и предпосылкой его бесперебойного функционирования.

2.

Чем очевиднее становится, что кризис капитализма перестает быть простым выводом из марксистского анализа и становится осязаемой действительностью, тем большее значение приобретает эта функция идеологии для судьбы пролетарской революции. В эпоху, когда капитализм еще не был внутренне поколеблен, было как-то понятно, что большие массы рабочего класса *идеологически* все еще стояли вполне на почве капитализма. Ведь последовательное применение марксизма потребовало бы от них занять такую позицию, до которой им пока невозможно было дорасти. Маркс считал, что для познания определенной исторической эпохи надо выйти за ее границы. Если речь идет о познании современности, то это означает совершенно неординарное духовное достижение. Ведь при этом нужно подвергнуть критическому рассмотрению всю экономическую, социальную и классовую среду, причем, – и это играет решающую роль, – Архимедова точка критики современной действительности, тот пункт, исходя из которого могут быть поняты все эти явления, может иметь лишь характер требования, выступать только как нечто «недействительное», как «голая теория»; в то время как для исторического познания прошлого сама современность образует этот исходный пункт. Впрочем, это требование не является мелкобуржуазно-утопическим требованием «лучшего» или «более прекрасного мира», а является пролетарским требованием, которое не предполагает ничего иного, кроме ясного познания и выражения направленности, тенденции и смысла исторического процесса. Пролетарским требованием, которое во имя этого процесса действительно устремлено к современности. Но в силу этого задача становится еще трудней. Подобно тому как самый лучший астроном, несмотря на свое знание, почерпнутое у Коперника, остается в плену своих чувственных ощущений, в соответствии с которыми солнце «всходит» и т.д., точно так же и самый решительный марксистский анализ капиталистического государства никогда не сумеет устранить его эмпирической действительности. Да этого и не нужно. Своеобразная духовная конституция, в которую должно вдуматься пролетарское марксистское познание, состоит именно в том, что капиталистическое государство – при своем рассмотрении – выступает как звено определенного исторического развития. Поэтому оно отнюдь не составляет «естественной» среды для «человека вообще», а есть лишь реальная данность, с фактической властью которой нужно считаться, но которая не может внутрен-

История и классовое сознание

не притязать на то, чтобы определять наши действия. Значимость государства и права, стало быть, следует расценивать как чисто эмпирическое существование. Примерно так же обстоит дело с яхтсменом, который должен точно приспособиться к направлению ветра, но так, чтобы не ветер определял направление его движения, а напротив, чтобы вопреки ветру и используя его, он выдерживал курс на изначально поставленную цель. Этой *непредвзятости* по отношению к силам природы, оказывающим сопротивление человеку, которую он постепенно приобрел в ходе долгого исторического развития, сегодня пока еще во многом не хватает пролетариату по отношению к явлениям общественной жизни. И это понятно. Ибо какими бы прочными и зверски материальными ни были в отдельных случаях правила общественного принуждения тем не менее *власть в каждом обществе все-таки является по существу духовной властью*, от которой нас может освободить лишь познание. А именно не чисто абстрактное, остающееся лишь в головах познание (им обладали многие «социалисты»), а познание, вошедшее в плоть и кровь, или, говоря словами Маркса, «практически критическая деятельность».

Актуальность кризиса капитализма делает такое познание настолько же важным, насколько и необходимым. Оно становится возможным, так как вследствие кризиса самой жизни привычная общественная среда более явно и более ощутимо предстает в качестве проблематической. Оно, однако, становится решающим и потому необходимым условием революции, так как фактическая власть капиталистического общества потрясена до такой степени, что оно было бы уже не в состоянии удержаться насильем, если бы пролетариат сознательно и решительно противопоставил его власти свою собственную власть. То, что мешает сделать это, имеет чисто идеологическую природу. Даже посреди смертельного кризиса капитализма широкие массы пролетариата относятся к государству, праву и экономике буржуазии как единственно возможной обстановке их существования, в которой многое, правда, нужно улучшить («налаживание производства»), но которая, однако, все еще остается «естественным» базисом общества «вообще».

Такова мировоззренческая основа легальности. Легальность не всегда является сознательным предательством и даже не всегда – сознательным компромиссом. Скорее это естественная и инстинктивная ориентация на государство, на тот институт, который кажется единственным прочным пунктом для действий в хаосе явлений. Данное мировоззрение нужно преодолеть, коль скоро коммунистическая партия стремится создать здоровую основу как для своей легальной, так и для нелегальной тактики. Ведь романтика подполья, с которой начинается всякое революционное движение, с точки зрения внутренней ясности лишь в редких случаях поднимается над уровнем оппортунистической легальности. То, что она, как это свойственно всем путчистским тенденциям, серьезно недооценивает фактическую власть, фактическую силу, которой располагает капиталистическое общество даже в свою кризисную эпоху, само по себе часто очень опасно, но является лишь симптомом того зла, которым боится

Легальность и нелегальность

все это направление: отсутствия непредвзятости по отношению к государству как голому фактору силы. В конечном счете, оно связано с неумением разглядеть только что проанализированные нами взаимосвязи. А именно, когда нелегальные средства и методы борьбы приобретают особый ореол, когда акцентируется их особо революционная «подлинность», тогда легальности существующего государства все-таки приписывается известная значимость; она не рассматривается как чисто эмпирическое бытие. Ведь протест против закона как закона, предпочтение известных действий из-за их нелегальности означает лишь, что для действующего подобным образом человека право все-таки сохраняет свой обязывающий характер, свою значимость. Если же мы имеем дело с полной коммунистической беспристрастностью по отношению к праву и государству, то закон и его предполагаемые последствия имеют значение не большее (но и не меньшее), чем какой-то другой факт внешней жизни, с которым надо считаться, когда взвешиваются виды на успех определенного действия; шанс преступить закон, стало быть, не должен как-то по-иному акцентироваться в сравнении с шансом пересест с одного поезда на другой во время важной поездки. И если это не так, если мы предпочтем преступить закон с неким пафосом, то это лишь свидетельствует, что право, пусть даже с обратным знаком, сохранило свою значимость, что оно все еще в состоянии внутренне влиять на наши действия, что не произошло еще истинного, внутреннего освобождения. Это разграничение, может быть, на первый взгляд покажется копанием в мелочах. Но если задуматься над тем, как легко типично нелегальные партии, например, русские эсеры, сбивались на буржуазный путь, над тем, насколько изобличаются идеологические пристрастия этих «героев подполья» к буржуазным правовым понятиям первыми действительно революционно-нелегальными действиями, которые выступают уже не в качестве романтически-героического нарушения отдельных законов, а в качестве устранения и разрушения всего буржуазного правового порядка, — если задуматься над всем этим, то оказывается, что мы имеем здесь все-таки не с пустой абстрактной конструкцией, а с описанием истинного положения вещей. (Вспомним о Борисе Савинкове, который был не только знаменитым организатором почти всех крупных покушений при царизме, но также первым из теоретиков романтически-этической нелегальности, а сегодня борется на стороне белой Польши против пролетариата России).

И если, стало быть, вопрос о легальности и нелегальности становится для коммунистической партии чисто тактическим вопросом, даже вопросом сиюминутной тактики, применительно к которой едва ли возможно задавать общие ориентиры, так как она целиком определяется сиюминутными прагматическими *соображениями*, — если это так, то в такой совершенно непринципиальной позиции состоит единственно возможное практически-принципиальное отрицание значимости буржуазного правового порядка. Подобная тактика предписывается коммунистам не только соображениями целесообразности. Не только потому, что тактика коммунистов лишь таким путем может сохранить действи-

История и классовое сознание

тельную гибкость и приспособляемость к необходимому в данный момент способу действий; не только потому, что легальные и нелегальные средства борьбы надо постоянно менять и даже в одних и тех же вопросах использовать одновременно, дабы суметь действительно вести эффективную борьбу с буржуазией. Подобная тактика нужна не только ради этого, но также ради революционного самовоспитания пролетариата. Ведь освобождение пролетариата от своей идеологической плененности жизненными формами, созданными капитализмом, станет возможным лишь тогда, когда он научится действовать так, чтобы эти жизненные формы уже больше не могли внутренне повлиять на его деятельность. Когда они, как мотивы, станут ему совершенно безразличными. Конечно, вследствие этого не уменьшается ненависть пролетариата к этим жизненным формам, его горячее желание их уничтожить. Напротив, именно при таком внутреннем отношении пролетариата к общественному строю капитализма он на самом деле может предстать перед ним в качестве презренного, мертвого, но все еще мертвящего препятствия на пути здорового развития человечества. Такой акцент, безусловно, необходим для сознательного и выдержанного поведения пролетариата. Это самовоспитание пролетариата, в ходе которого он «вызревает» для революции, является долгим и трудным процессом, процессом тем более продолжительным, чем выше развиты в данной стране капитализм и буржуазная культура, чем сильнее идеологически увяз вследствие этого пролетариат в капиталистических формах жизни.

Насущная необходимость взвешивания и просчета революционно целесообразной деятельности, к счастью (правда, отнюдь не случайно), совпадает с требованиями, которые диктуются делом воспитания пролетариата. И если, например, дополнительными тезисами II конгресса Коминтерна по вопросам парламентаризма подразумевается полная зависимость парламентской фракции партии от ее Центрального Комитета, который, возможно, находится на нелегальном положении, то такая зависимость, безусловно, необходима не только для единства действий; она явственно понижает в сознании широких пролетарских масс авторитет парламента (на чем основана самостоятельность партийной фракции в парламенте, этой твердыни оппортунизма). О том, насколько это необходимо, свидетельствует тот факт, что, например, английский пролетариат вследствие подобного внутреннего признания указанных инстанций уклоняется в оппортунистическую колею. А бесплодность исключительного применения внепарламентского «прямого действия», как равным образом и бесплодность дебатов о преимуществах одного метода перед другим, доказывают, что и в том, и в другом случае налицо одинаковая приверженность буржуазным предрассудкам, хотя ее направленность является противоположной.

Одновременное применение и смена легальных и нелегальных инструментов являются необходимыми потому, что лишь благодаря этому становится возможным разоблачение правового порядка как аппарата brutального насилия, капиталистического угнетения, что является предпосылкой непредвзятого революционного отношения к праву и государству. Если какой-то из двух этих

Легальность и нелегальность

методов применяется исключительно или только преимущественным образом, и даже если в каких-то областях применяется в принципе только один метод, то для буржуазии остается открытой возможность и дальше сохранять в сознании масс представление о буржуазном правовом порядке как праве. Наряду с прочим, одна из главных целей деятельности всякой коммунистической партии состоит в том, чтобы вынудить правительство своей страны к ломке его собственного правового порядка, а легальную партию социал-предателей – к открытой поддержке этого «посягательства на право». Пусть даже в отдельных случаях, например, когда националистические предрассудки застилают ясный взор пролетариата, это оказывается выгодным капиталистическому правительству, но тем более опасным это бывает в моменты, когда пролетариат концентрируется на решительной борьбе. Отсюда, из осторожности угнетателей, прористекающей из подобных расчетов, возникают роковые иллюзии относительно демократии, относительно мирного перехода к социализму, которые в особенности подпитываются тем, что оппортунисты любой ценой остаются на легальной позиции и тем самым делают возможным указанное поведение господствующего класса. Только трезвая и деловая тактика, которая попеременно применяет любые легальные и нелегальные средства, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности, сможет направить в здоровое русло дело воспитания пролетариата.

3.

Но борьба за власть станет лишь началом этого воспитания пролетариата, а, конечно, не его завершением. Неизбежная «преждевременность» захвата власти, которую уже много лет назад распознала Роза Люксембург, прежде всего выражается в этом идеологическом плане. Многие явления первых этапов любой диктатуры пролетариата прямо сводятся к тому, что *пролетариат вынужден взять власть в такое время и в такой духовной конституции, при которых он внутренне все еще воспринимает буржуазный общественный порядок как легальный в собственном смысле слова*. Подобно всякому правовому порядку и правовой строй советского режима также основывается на таком положении дел, при котором его признают легальным столь широкие массы населения, что ему приходится прибегать к применению насилия лишь в редких случаях. Однако заведомо очевидным является то, что буржуазия ни при каких обстоятельствах не признает легальным советский строй с самого начала. В преемственном ходе многих поколений привыкший к господству и наслаждению привилегиями класс никогда не сможет спокойно смириться с голым фактом поражения и без обиняков подчиниться новому порядку вещей. Он должен быть сначала сломлен идеологически, чтобы затем добровольно стать на службу новому обществу, чтобы воспринимать его установления как легальные, как правовой строй, а не просто как brutальные факты существующего на данный момент соотношения сил, которое назавтра может быть опрокинуто. Наивной

История и классовое сознание

иллюзией была бы вера в то, что такое сопротивление, проявляется ли оно как открытая контрреволюция или как скрытый саботаж, может быть нейтрализовано известными уступками. Напротив. Пример советской диктатуры в Венгрии показывает, что все эти уступки, которые там, правда, были почти все без исключения одновременно уступками социал-демократии, лишь усиливали силовой настрой ранее господствующих классов и затягивали, даже делали невозможным, их внутреннее примирение с господством пролетариата. Но еще более пагубным для идеологического поведения широких мелкобуржуазных слоев является это отступление советской власти перед лицом буржуазии. А именно, для классового сознания данных слоев показательным то, что для них государство фактически выступает как государство вообще, просто как государство, как абстрактный величественный образ. Стало быть, очень многое тут зависит – если, конечно, отвлечься от ловкой экономической политики, которая в состоянии нейтрализовать отдельные группы мелкой буржуазии – от самого пролетариата: удастся ли ему придать своему государству такой авторитет, который отвечает вере этих слоев в авторитет, их склонности к добровольному подчинению государству «вообще». Колебания пролетариата, недостаток веры в свое собственное призвание к господству, таким образом, может вновь бросить эти слои в руки буржуазии, открытой контрреволюции.

Но изменение функций, которое претерпевает отношение между легальностью и нелегальностью при диктатуре пролетариата в силу того, что прежняя легальность стала нелегальностью и наоборот, способно в лучшем случае ускорить начавшийся при капитализме процесс идеологической эмансипации, но не может завершить его одним ударом. Подобно тому как буржуазия не может утратить чувство своей легальности вследствие *одного* поражения, точно так же пролетариат не может обрести сознание собственной легальности также благодаря факту *одной* победы. Это сознание, которое при капитализме вызревало только медленно, так же при диктатуре пролетариата лишь постепенно способно закончить процесс своего созревания. Первое время она может принести с собой в этом плане даже некоторые затруднения. Достигший господства пролетариат только теперь осознает духовные достижения, которых достиг и которые сохранил капитализм. Не только потому, что он обретает намного более глубокое понимание культуры буржуазного общества, нежели прежде, но также потому, что широкие круги пролетариата только после захвата власти осознают, какой духовный потенциал нужен для руководства экономикой и государством. Кроме того, у пролетариата во многом нет никакого упреждения и никакой традиции самостоятельной, ответственной деятельности, и поэтому необходимость действовать именно таким образом он зачастую воспринимает скорее как бремя, чем как освобождение. Наконец, мелкобуржуазность, а часто и буржуазность, жизненных привычек тех пролетарских слоев, которые замещают большую часть руководящих постов, делает чуждым, даже враждебным для них именно новое в новом обществе.

Все эти затруднения принимали бы довольно безобидный характер и бы-

Легальность и нелегальность

ли бы легко преодолимыми, если бы буржуазия, чья идеологическая проблема претерпевает применительно к легальности аналогичное изменение функций, не проявляла здесь себя в качестве намного более зрелой и развитой, нежели пролетариат (по меньшей мере, пока она борется против возникающего пролетарского государства). А именно, с той же наивностью и самоуверенностью, с какой она прежде рассматривала свой собственный правовой порядок как легальный, она считает правовой порядок пролетариата нелегальным. То требование, которое мы поставили перед борющимся за власть пролетариатом: видеть в буржуазном государстве голый факт, голый фактор силы, – такое отношение теперь имеет в буржуазии инстинктивную жизненность. Стало быть, борьба с буржуазией остается для пролетариата, несмотря на завоевание власти, все еще неравной борьбой, откуда пролетариат не приобрел именно такую же наивную уверенность в исключительной легальности своего правового порядка. Но это развитие тяжко затруднено той духовной конституцией, которая в ходе освободительной борьбы пролетариата была привита ему оппортунистами. Поскольку он привык окружать ореолом легальности капиталистические институты, постольку ему трудно отказаться от этой привычки по отношению к пережиткам таковых, которые ведь сохраняются долгое время. И после завоевания власти пролетариат духовно остается в плену тех ограничений, которые наложило на него капиталистическое развитие. С одной стороны, это выражается в том, что он оставляет в неприкосновенности кое-что из того, что непременно должно было быть низвергнуто. С другой стороны, – в том, что низвержение старого и строительство нового пролетариат осуществляет не с уверенным чувством легитимного властителя, а с переменчивостью узурпатора, кидающегося от медлительности к спешке, – узурпатора, который внутренне предвосхищает неизбежную реставрацию капитализма в мыслях, чувствах и решениях.

При этом я думаю не только о – более или менее открыто контрреволюционном – саботаже социализации со стороны профсоюзной бюрократии на протяжении всего существования советской диктатуры в Венгрии, целью которого была по возможности беспрепятственная реставрация капитализма. Также столь часто подчеркиваемая советская коррупция имеет тут один из своих главных источников. Отчасти таким источником был менталитет многих советских функционеров, которые внутренне были сориентированы на возвращение «легитимного» капитализма и потому постоянно думали о том, как им в таком случае оправдать свои действия. Отчасти же он состоял в том, что многие из тех, кто участвовал в неизбежно «нелегальных акциях» (контрабанда товаров, пропаганда за границы), были неспособны постичь духовно и, прежде всего, морально, что их деятельность с единственно решающей точки зрения, с точки зрения пролетарского государства является столь же «легальной», как и все прочее. У людей с неустойчивым моральным обликом эта неясность выражалась в открытой коррупции. У некоторых честных революционеров – в романтическом гипертрофировании «нелегальности», в ненужном бравировании «нелегальной» возможностью: *в нехватке чувства легитимности революции,*

История и классовое сознание

ее права создать свой собственный правовой порядок.

Это чувство и сознание легитимности революции в эпоху диктатуры пролетариата должны сменить незавлеченность буржуазным правом, это требование ее предыдущих этапов. Но, несмотря на такое изменение, это *развитие как развитие пролетарского классового сознания остается единым и прямолинейным*. Это яснее всего проявляется во внешней политике пролетарских государств, которые, если они противостоят силовым структурам капитализма, также ведут борьбу против буржуазного государства (хотя и отчасти, но лишь отчасти с помощью других средств), как во время борьбы за захват власти в собственном государстве. Высота и зрелость классового сознания российского пролетариата блестяще раскрылись уже в мирных переговорах в Брест-Литовске. Хотя советская делегация имела дело с немецким империализмом, представители русского пролетариата тем не менее признали своих угнетенных братьев во всем мире в качестве своих единственно легитимных партнеров за столом переговоров. Хотя Ленин с величайшей мудростью и реалистической трезвостью судил о фактическом соотношении сил, он постоянно побуждал своих переговорщиков говорить с мировым пролетариатом, в первую очередь с пролетариатом государств Центральной Европы. Внешняя политика Ленина представляла собой не столько переговоры между Россией и Германией, сколько содействие пролетарской революции, революционному сознанию в странах Центральной Европы. Какими бы крупными ни были те изменения, которые претерпела внутренняя и внешняя политика Советского правительства, сколь бы ни приспособлялась она постоянно к реальному соотношению сил, этот принцип, принцип легитимности собственной власти, который одновременно был принципом содействия революционному классовому сознанию мирового пролетариата, оставался неизменной точкой развития. Всю проблему признания Советской России буржуазными государствами, стало быть, следует рассматривать не только как вопрос о связанных с этим преимуществах для России, но и как вопрос признания буржуазией легитимности совершенной пролетарской революции. Значение этого признания изменяется в зависимости от конкретных обстоятельств, при которых оно происходит. Но ее воздействии на колеблющиеся элементы мелкобуржуазных классов в России, равно как и на мировой пролетариат, остается одним и тем же: санкционирование легитимности революции, в котором они очень нуждаются, дабы суметь воспринять в качестве легального ее государственного представителя, Советскую республику. Разнообразнейшие средства русской политики: безжалостный разгром внутренней контрреволюции, смелое выступление против стран-победителей в минувшей войне, по отношению к которым Россия никогда не брала тон побежденной страны (подобно буржуазной Германии), открытая поддержка революционных движений и т.д. – все они служат этой цели. Они позволяют раскрошить части внутреннего контрреволюционного фронта и заставляют их склониться перед легитимностью революции. Они позволяют укрепить в пролетариате революционное самосознание, знание

Легальность и нелегальность

собственной силы и достоинства.

Следовательно, именно в тех моментах, которые западные оппортунисты и их центрально-европейские почитатели считают знаком отсталости российского пролетариата: в ясном и однозначном подавлении внутренней контрреволюции, в нецеремонной, нелегальной, равно как и «дипломатической» борьбе за мировую революцию отчетливо видна идеологическая зрелость российского пролетариата. Он победоносно провел свою революцию не потому, что благоприятные обстоятельства отдали власть в его руки (как было с немецким пролетариатом в ноябре 1918 года, с венгерским в то же время и в марте 1919 года), но потому, что он, закаленный долгой нелегальной борьбой, ясно распознал сущность буржуазного государства и сориентировал свои действия на действительную действительность, а не на идеологические навязчивые идеи. Пролетариату Западной и Центральной Европы предстоит еще трудный путь. Чтобы подняться до сознания своей исторической миссии, легитимности своего господства, он сперва должен научиться понимать чисто тактический характер легальности и нелегальности, отринуть от себя как кретинизм легальности, так и романтику нелегальности.

Июль 1920 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 188.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 381. (Курсив мой – Г.Л.).

³ См. в этой связи статью «Классовое сознание».

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К БРОШЮРЕ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ «РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»¹

Пауль Леви возымел желание издать брошюру товарища Розы Люксембург, набросанную ею в бреславльской тюрьме и оставшуюся незаконченной. Это издание предпринято в обстановке ожесточенной борьбы с Коммунистической партией Германии и III Интернационалом; оно является одним из этапов этой борьбы – точно так же, как разоблачения в «Vorwaerts», как брошюра Фрислянда; оно лишь служит иным, более глубоким целям. На этот раз имелось в виду поколебать уже не только авторитет КПГ, доверие к политике III Интернационала, а и теоретические основы большевистской организации и тактики.

Высокий авторитет Розы Люксембург ставился на службу этому делу. Из ее наследия предполагалось почерпнуть теорию ликвидации III Интернационала и его секций. Поэтому недостаточно указать на то, что Роза Люксембург позже изменила свои воззрения. Главное в том, чтобы выяснить, в какой мере она была права – или не права. Ибо, говоря абстрактно, вполне можно себе представить, что в первые месяцы революции взгляды Розы Люксембург получили

Критические заметки к брошюре...

бы дальнейшее развитие в ложном направлении, что отмеченное товарищами Варским и Цеткин изменение в ее взглядах вылилось бы в ложную тенденцию. Поэтому следует прежде всего разобраться с самими этими взглядами, независимо от того, какую позицию Роза Люксембург заняла позже по отношению к изложенным в брошюре идеям. Тем более, что некоторые из помянутых в ней разногласий между Розой Люксембург и большевиками выявилось уже в «Брошюре Юниуса» и критике ее Лениным, да, собственно, уже в критике Розой Люксембург ленинской книги «Шаг вперед, два шага назад», в ее статье, опубликованной в 1904 году еженедельником «Neue Zeit», отчасти они играли роль даже в период создания программы «Спартак».

1.

Стало быть, главное – в сущностном содержании брошюры. Но и здесь принцип, метод, теоретическая основа, общая оценка характера революции, которой в конечном счете обусловлена ее точка зрения по отдельным вопросам, являются более важными, чем сама позиция Розы Люксембург по отдельным проблемам русской революции. Последние большей частью уже разрешены за прошедшее с той поры время. Даже Леви признает это применительно к аграрному вопросу. Тут, следовательно, уже больше нет нужды ни в какой полемике. Следует лишь раскрыть методологический пункт, позволяющий нам на целый шаг ближе подойти к центральной проблеме размышлений Розы Люксембург: *ложную оценку характера пролетарской революции*. Роза Люксембург подчеркивает: «Социалистическое правительство, придя к власти, должно, во всяком случае, сделать одно: взяться за осуществление мер, ведущих к созданию соответствующих основополагающих предпосылок последующей социалистической реформы аграрных отношений; по крайней мере оно должно избегать всего, что могло бы стать преградой на пути к этим мерам» (S. 84). И она порицает Ленина и большевиков, которые, по ее мнению, этого не сделали и даже сделали нечто противоположное этому. Если бы данная точка зрения представляла собой некую частность, то можно было бы сослаться на то, что товарищ Роза Люксембург, как почти каждый в 1918-м году, была недостаточно осведомлена о действительных событиях в России. Но когда мы рассматриваем такое порицание в целостной взаимосвязи ее рассуждений, мы тотчас же убеждаемся, что она существенным образом преувеличивает ту фактическую власть, которой располагали большевики для урегулирования в той или иной форме аграрного вопроса. Аграрная революция была фактической данностью, совершенно независимой от воли большевиков и даже от воли пролетариата. Крестьяне, элементарно выражая свои классовые интересы, при любых обстоятельствах осуществили бы раздел земли. И если бы большевики сопротивлялись этому элементарному движению, оно смело бы их точно так же, как оно смело меньшевиков и эсеров. Правильная постановка аграрного вопроса состоит не в выяснении того, была ли аграрная реформа большевиков социалис-

История и классовое сознание

тической или по крайней мере ведущей к социализму мерой. Она состоит в выяснении того, удалось ли в тогдашней ситуации, когда революция в своем восходящем движении устремлялась к решающему пункту, сплотить все стихийные силы разлагающегося буржуазного общества против организующей контрреволюции буржуазии. (Независимо от того, «чисто» пролетарскими они были или же мелкобуржуазными, двигались они или нет в направлении социализма). Ведь нужно было определить отношение к элементарному крестьянскому движению, целью которого был раздел земли. И такое отношение могло быть лишь ясным и однозначным «да» или «нет». Надо было либо стать во главе этого движения, либо подавить его вооруженной силой. В последнем случае большевики непременно стали бы заложниками своего неизбежного союзника, буржуазии, как это фактически и случилось с меньшевиками и эсерами. *В тот момент* нечего было и думать о постепенном «перевод» этого движения «в русло социализма». Это можно и нужно было попытаться сделать позже. Здесь неуместно обсуждать, в какой мере эти попытки действительно потерпели неудачу (на мой взгляд, дело еще далеко нельзя считать разрешенным; бывают «неудавшиеся» попытки, которые тем не менее впоследствии оказываются плодотворными) и каковы были причины их неудач. Ибо здесь рассматривается решение большевиков, принятое *в момент завоевания власти*. И тут следует заметить, что большевикам вообще не приходилось выбирать между аграрной реформой, которая ведет к социализму, и аграрной реформой, которая ведет в сторону от него; дилемма состояла лишь в том, *мобилизовать ли на пролетарскую революцию разбужденную энергию стихийного крестьянского восстания либо, противопоставляя себя ему, безнадежно изолировать пролетариат, способствовать победе контрреволюции*.

Роза Люксембург тоже признает это без обиняков: «Как политическая мера для укрепления пролетарско-социалистического правительства это была превосходная тактика. Но, к великому сожалению, у нее были две стороны, и оборотная заключалась в том, что непосредственный захват земли крестьянами по преимуществу не имел ничего общего с социалистической экономикой» (S. 82). И если она, несмотря на это, к правильной оценке *политической тактики* большевиков присовокупляет свое порицание их способа действий в *социально-экономической области*, то уже в этом проявляется существо ее оценки русской пролетарской революции. В этом проявляется гипертрофирование чисто пролетарского характера революции, то есть *гипертрофирование* как внешнего могущества, так и внутренней ясности и зрелости, какими пролетарский класс может обладать и фактически обладал в первой фазе революции. Обратной стороной такого гипертрофирования оказывается одновременная недооценка значения непролетарских элементов в революции. А именно: как недооценка непролетарских элементов *внутри* класса, так и недооценка влияния непролетарских идеологий в *среде* самого пролетариата. И это ложное суждение относительно подлинных движущих сил революции подводит к решающему пункту ее ложной установки: к недооценке роли партии в револю-

Критические заметки к брошюре...

ции, к недооценке значения сознательной политической деятельности в сравнении с элементарным движением, следующим необходимости экономического развития.

2.

Это заострение внимания на принципиальных вопросах может показаться здесь некоторым читателям все-таки несколько чрезмерным. Дабы более отчетливо показать правоту такого подхода по существу, мы должны опять вернуться к отдельным проблемам, поставленным в брошюре. Позиция Розы Люксембург по национальному вопросу в русской революции восходит к критической полемике времен войны, к «Брошюре Юниуса» и ее критике Лениным. Тезис, против которого Ленин всегда выступал с особым упорством (и не только в связи с «Брошурой Юниуса», где этот тезис, правда, нашел свое наиболее ясное и яркое выражение) гласит: «В эру этого разнузданного империализма вообще не может быть никаких национальных войн»². Наверное, может показаться, что мы имеем здесь дело с чисто теоретическим разногласием. Ведь между Юниусом и Лениным имело место полнейшее единодушие относительно империалистического характера мировой войны. Они были согласны также в том, что даже те частные моменты войны, которые при изолированном их рассмотрении выступали бы как национальные войны, в силу их взаимосвязи с совокупным империалистическим комплексом должны расцениваться как вполне империалистическое явление (в этой связи достаточно упомянуть Сербию и правильное поведение сербских товарищей). Но в содержательно-практическом плане здесь тотчас же возникают вопросы величайшего значения. Во-первых, хотя и не вероятно, но и не исключено такое развитие событий, при котором национальные войны вновь станут возможными. От темпов перехода из фазы империалистической войны к фазе войны гражданской зависит, будут ли события развиваться именно так. Так что неверно было бы придавать идее империалистического характера современности такую обобщенность, чтобы при этом совершенно отрицать возможность национальных войн. Ведь из-за этого политик-социалист может попасть в такое положение, когда (храня верность принципам) он станет действовать как реакционер. Во-вторых, восстания колониальных и полуколониальных народов неизбежно должны превратиться в национальные войны, которые непременно обязаны поддерживать революционные партии, поскольку безразличие по отношению к ним было бы на руку контрреволюции. (Позиция Серрати по вопросу о Кемале). В-третьих, нельзя забывать о том, что не только среди мелкобуржуазных слоев (чье поведение при известных обстоятельствах может быть весьма благоприятным для революции), но также в среде самого пролетариата, в особенности пролетариата угнетенных наций, остаются живучими националистические идеологии. И их восприимчивость к подлинному интернационализму может быть пробуждена

История и классовое сознание

не мыслительно-утопическим предвосхищением будущего социалистического общества, в котором больше не будет национального вопроса, а лишь *практическим доказательством того, что победоносный пролетариат угнетающей нации порвал с угнетательской тенденцией империализма до самого конца, до признания полного права нации на самоопределение «вплоть до государственного отделения»*. Впрочем, у пролетариата угнетенных народов этот лозунг должен дополняться лозунгом сплочения, федерации. Но лишь оба эти лозунга вместе способны помочь пролетариату, который лишь в силу факта своей победы еще не преодолел свою одурманенность капиталистически-националистическими идеологиями, выйти из идеологического кризиса переходного периода. Политика большевиков в этом вопросе, несмотря на неудачи 1918 года, оказалась правильной. Ибо и без лозунга о праве нации на самоопределение Советская Россия после Брест-Литовска утратила бы пограничные области и Украину. Но без этой политики она не приобрела бы вновь ни Украины, ни кавказских республик и т.д.

Критика Розы Люксембург здесь опровергнута самой историей. И нам не стоило бы столь подробно заниматься этим вопросом, теорию которого Ленин уже опроверг своей критикой «Брошюры Юниуса» (см. «Против течения»), если бы в этой теории не проявилось то же самое понимание характера пролетарской революции, что и уже проанализированное нами применительно к аграрному вопросу. Роза Люксембург и тут не замечает судьбоносного выбора между необходимостями, не являющимися «чисто» социалистическими, перед которыми с самого начала поставлена пролетарская революция. Она не замечает необходимости мобилизации революционной партией пролетариата всех (в данный момент наличных) революционных сил, чтобы ясно и как можно более мощно (на тот момент, когда происходит соизмерение сил) противопоставить контрреволюции фронт революции. Она всегда сопоставляет требования дня с принципами предстоящих стадий революции. Эта установка составляет основу решающих, в конечном счете, рассуждений в брошюре Р. Люксембург: о силе и демократии, о системе Советов и партии. Речь идет, стало быть, о том, чтобы распознать истинную суть этих воззрений.

3.

Роза Люксембург в этой работе присоединяется к тем, кто самым решительным образом порицает разгон Учредительного собрания, учреждение системы Советов, лишение буржуазии гражданских прав, недостаток «свободы», применение террора и т.д. Перед нами теперь стоит задача показать, какие основополагающие теоретические установки Роза Люксембург, — а она всегда была непревзойденным трибуном, незабываемым учителем и вождем революционного марксизма, — поставили ее в такую резкую противоположность к революционной политике большевиков. Я уже отметил наиболее важные моменты при обсуждении положения дел. Теперь надо сделать дальнейший шаг в разбо-

Критические заметки к брошюре...

ре произведения Розы Люксембург, чтобы определить тот пункт, из которого последовательно проистекают эти воззрения.

Это – преувеличенное органичного характера исторического развития. Роза Люксембург в полемике с Бернштейном метко показала несостоятельность тезиса о мирном «врастании в социализм». Она убедительно раскрыла диалектический ход развития, постепенное обострение внутренних противоречий капиталистической системы, и не только экономических, но также противоречий между экономикой и политикой. В одной из ее работ содержится такая ясная формулировка: «Производственные отношения капиталистического общества все больше приближаются к производственным отношениям социалистического, а его политические и правовые отношения, напротив, возводят между капиталистическим и социалистическим обществом все более высокую стену»³. Тем самым отмечена необходимость насильственного, революционного изменения, исходящего из тенденций развития общества. Впрочем, уже здесь в скрытом виде содержится зародыш той точки зрения, что революции нужно лишь убрать с пути экономического развития «политические» помехи. Правда, здесь с такой силой выявлены диалектические противоречия капиталистического производства, что – в этой взаимосвязи – едва ли можно прийти к подобным выводам. Роза Люксембург не оспаривает необходимости насилия вообще также применительно к русской революции. «Предпосылкой социализма, – говорит она, – является ряд насильственных мер, направленных против собственности и т.д.» (S. 110). Это позже признается также в программе «Спартак»: «Насилию буржуазной контрреволюции надо противопоставить революционные силы пролетариата»⁴.

Тем не менее это признание роли насилия относится лишь к негативному, к устранению препятствий, а отнюдь не к самому социальному созиданию. Его, согласно Розе Люксембург, нельзя «октроировать, ввести путем указов». Роза Люксембург заявляет: «Социалистическая общественная система может и должна быть лишь историческим продуктом, порождаемым извлекаемыми из собственного опыта уроками; подобно органической природе, частью которой она в конечном счете является, она имеет прекрасное обыкновение вместе с реальной общественной потребностью всегда создавать также средства для ее удовлетворения, вместе с задачей – одновременно и ее решение».

Я не хотел бы задерживаться здесь на странно недialeктическом характере этого хода мысли в иных случаях столь великого диалектика, как Роза Люксембург. Замечу мимоходом, что косвенное противопоставление, механическое разделение «позитивного» и «негативного», «низвержения» и «созидания» прямо противоречит фактическому содержанию революции. Ибо в революционных действиях пролетарского государства, особенно непосредственно после захвата власти, невозможно не только понятийно отделить (не говоря уже о том, чтобы практически отличить) «позитивное» от «негативного». В экономической борьбе классов совпадают, особенно в начале революции, борьба с буржуазией, изъятие из ее рук власти – с первыми шагами в органи-

История и классовое сознание

зации экономики. Само собой разумеется, что позже нужно будет вносить коррективы в первые попытки. Так или иначе, но в последующем организационные формы будут сохранять этот «негативный» боевой характер, эту тенденцию к низвержению и подавлению, покуда продолжается классовая борьба, то есть довольно долго. Даже если экономические формы предстоящих победоносных пролетарских революций в Европе станут серьезно отличаться от российских, все же представляется весьма невероятным, что можно будет полностью и во всех отношениях перескочить через этап «военного коммунизма» (к которому относится критика Розы Люксембург).

Но еще более важным, чем эта историческая сторона процитированного нами высказывания, является раскрывающийся в нем метод. Тут выходит на поверхность именно та тенденция, которую, наверное, наиболее четко можно обозначить формулой: *идеологическое вращение в социализм*. Я знаю, что Роза Люксембург была одной из первых среди тех, кто обратил внимание на противоположную сторону вопроса, на кризисный, богатый попятными движениями переход от капитализма к социализму⁵. И если я тем не менее говорю о подобной тенденции, то, разумеется, не имею в виду какого-то оппортунизма; я не считаю, будто Роза Люксембург представляла себе революцию таким образом: экономическое развитие-де доводит пролетариат до того, что он, обретя достаточную идеологическую зрелость, должен лишь снять плоды с дерева этого развития и применяет насилие фактически лишь для устранения «политических» помех. Для Розы Люксембург было совершенно ясно, что революционные периоды будут сопровождаться неизбежными попятными движениями, поправками, ошибками; присущая ей тенденция к преувеличению органического элемента в развитии проявляется только в догматическом убеждении, что «вместе с действительной общественной потребностью всегда создаются также средства для ее удовлетворения, вместе с задачей – одновременно и ее решение».

Это *гипертрофирование спонтанных, элементарных сил революции* и особенно – в лице исторически признанного к руководству ею класса определяет ее позицию по отношению к Учредительному собранию. Она упрекает Ленина и Троцкого в «схематичной, жесткой точке зрения» (S. 100-101), поскольку они, исходя из состава Учредительного собрания, сделали вывод о его непригодности для выполнения роли органа пролетарской революции. Она восклицает: «Как резко противоречит этому весь исторический опыт! Он показывает нам, напротив, что живые флюиды настроения народа постоянно омыывают представительные учреждения, проникают в них, управляют ими» (S. 101). Действительно, несколько раньше (S. 78-79) она ссылается на опыт английской и французской революции в связи с вопросом об изменении парламентских учреждений. Факты констатированы совершенно правильно. Но только Роза Люксембург недостаточно четко акцентирует то, что эти «изменения» по своей сути были чертовски сходны с разгоном Учредительного собрания. Революционные организации наиболее передовых тогда элементов революции («солдатские советы» в английской армии, парижские секции и т.д.) как

Критические заметки к брошюре...

раз постоянно удаляли насильственным образом из парламентских органов тормозящие их развитие элементы и изменяли их в соответствии с этапом революции. Подобные преобразования в буржуазной революции по большей части возможны лишь как подвижки *внутри* боевого органа буржуазного класса, внутри парламента. Причем весьма знаменательно то, что воздействие внепарламентских (полупарламентских) элементов в период Великой французской революции сильно растет по сравнению с английской. Русская революция 1917 года, через этапы 1871 и 1905 годов, ведет к переходу этих количественных приращений в новое качество. Советы, организации наиболее передовых и сознательных элементов революции, уже больше не довольствовались «очищением» Учредительного собрания от всех прочих партий, помимо большевиков и левых эсеров (против чего Роза Люксембург, исходя из ее собственных анализов, не вправе возражать), а поставили сами себя на его место. Из пролетарских и полупролетарских органов контроля и подталкивания буржуазной революции они стали правящими боевыми организациями победоносного пролетариата.

4.

Этот «скачок» самым решительным образом отказывается совершить Роза Люксембург. А именно не только потому, что она весьма недооценивает внезапность, насильственность, «неорганичность» характера всех прежних изменений парламентских учреждений, а потому, что *она не признает форму Советов в качестве правящей боевой формы переходного периода, в качестве боевой формы для завоевания и насаждения социализма*. Она, напротив, усматривает в Советах «надстройку», присущую той эпохе социально-экономического развития, когда уже большей частью осуществлены изменения в духе социализма. «Это – нелепость, которая избирательное право квалифицирует как оторванный от социальной действительности, утопический продукт фантазии. И именно потому оно не может быть серьезным инструментом пролетарской диктатуры. Анахронизм, предвосхищение правового положения, уместного при уже сложившемся социалистическом экономическом базисе, но не в переходный период пролетарской диктатуры» (S. 106). Здесь Роза Люксембург, с присущей ей даже тогда, когда она придерживается ложного взгляда, неизменной безбоязненной последовательностью в мышлении затрагивает один из важнейших вопросов теоретической оценки переходного периода. Речь идет о той роли, которая выпадает государству (Советам как государственной форме победоносного пролетариата) в социально-экономических преобразованиях общества. Сводится ли здесь дело лишь к тому, что пролетарское государство, пролетарское право и т.д. *задним числом* санкционируют и охраняют состояние общества, созданное действующими без участия сознания, в лучшем случае лишь отражающимися в «ложном» сознании экономическими движущими силами? Или же дело состоит в том, что этой организационной форме пролетариата *сознательно* отводится *определяющая* функция в экономическом строительстве

История и классовое сознание

переходного периода? Конечно, сохраняет свою неограниченную значимость положение Маркса из «Критики Готской программы», что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй» общества⁶. Но отсюда не следует, что *социальная функция пролетарского государства*, а вместе с тем и его положение в совокупной системе пролетарского общества, являются теми же самыми, что *функция и положение буржуазного государства в буржуазном обществе*. Энгельс в одном из писем к Конраду Шмидту определяет эти функцию и положение по существу через отрицание. Государство может способствовать происходящему экономическому развитию, может ему противодействовать или ставить ему в определенных направлениях преграды и толкать в других направлениях. «Однако ясно, – добавляет он, – что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»⁷. Стало быть, встает вопрос: выполняет ли пролетарское государство ту же самую экономическую и социально-экономическую функцию, что и государство буржуазное? То есть, способно ли оно, в благоприятном случае, лишь ускорить или затормозить независимо от него (*то есть целиком первичное по отношению к нему*) экономическое развитие? Понятно, что ответ на возражения Розы Люксембург большевикам зависит от ответа на этот вопрос. Если он будет утвердительным, то права Роза Люксембург: пролетарское государство (советская система) может возникнуть лишь как идеологическая «надстройка» *после и вследствие уже свершившегося социально-экономического переворота*.

Но положение дел выглядит совершенно по-другому, если мы видим функцию пролетарского государства в закладывании основ социалистической, то есть сознательной, организации экономики. И не в том суть, что кто-то (и менее всего – РКП(б)) верит, что социализм можно попросту «декретировать». Основы капиталистического способа производства, а вместе с ними и неукоснительно осуществляющаяся «естественно-историческая необходимость», отнюдь не устраняются фактом захвата власти пролетариатом и даже институциональным осуществлением сколь угодно глубокой социализации средств производства. Но их устранение, их замену сознательно организованным социалистическим способом производства следует понимать не только как длительный процесс, а скорее как сознательную упорную борьбу. Надо шаг за шагом отвоевывать пространство у этой «необходимости». Всякая переоценка зрелости отношений, власти пролетариата, всякая недооценка мощи противостоящих сил жестоко мстит за себя в форме кризисов, отступлений, экономических процессов, которые неизбежно отбрасывают развитие к его исходному пункту. Но отсюда следует, что точно так же было неправильно из уяснения того, что власти пролетариата, возможности сознательно регулировать экономическую систему положены определенные, часто очень узкие границы, делать вывод, что социалистическая «экономика» возникает как бы сама собой, то есть – как при капитализме, – благодаря слепой закономерности ее движущих сил. «Энгельс вовсе не полагает, – пишет Ленин, интерпретируя его письмо к Каутскому от 12

Критические заметки к брошюре...

сентября 1882 года, – чтобы «экономическое» само собою и непосредственно уладило все трудности... Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно»⁸. Сознательное, организованное регулирование экономической системы может быть осуществлено только сознательным образом, а институтом его осуществления как раз и является пролетарское государство, Советская власть. Советы, стало быть, на самом деле представляют собой «предвосхищение правового положения» на более поздней стадии классового расслоения; но Советы – это не пустая, повисшая в воздухе утопия; напротив, это *единственное средство когда-то действительно воплотить в жизнь это предвосхищенное положение*. «Сам собою», движимый естественной закономерностью экономического развития социализм никогда не станет реальностью. Естественная закономерность капитализма, правда, неизбежно ведет его к последнему кризису, но финалом его пути было бы уничтожение всей цивилизации, новое варварство.

В этом-то как раз и заключается глубочайшее различие между буржуазными и пролетарскими революциями. Сущность буржуазных революций с их блистательным напором в социальном плане определяется тем, что *они подводят политические, государственные, правовые и т.д. итоги уже весьма продвинутого социально-экономического развития и делают это в обществе, где феодально-абсолютистская структура уже глубочайшим образом подточена получившим мощное развитие капитализмом*. Однако действительно революционным элементом является экономическое преобразование феодального способа производства в капиталистический; так что теоретически вполне можно было бы представить себе, что это развитие свершается *без буржуазной революции*, без политического преобразования, проводимого революционной буржуазией; а то в феодально-абсолютистской надстройке, что не упраздняется революциями «сверху», рушится «само собой» в эпоху получившего уже полное развитие капитализма. (Развитие Германии отчасти соответствует этой схеме).

Впрочем, пролетарская революция тоже была бы немислима, если бы ее экономические предпосылки и условия не создавались уже в лоне капиталистического общества развитием капиталистического производства. Колоссальное различие между двумя типами развития заключается, однако, в том, что *капитализм как экономическая система развивался уже внутри феодализма, разлагая последний*. В то время как фантастической утопией было представление, что внутри капитализма могло бы возникнуть еще и нечто другое, ведущее к социализму, помимо, с одной стороны, объективных предпосылок его возможности, которые, однако, могут быть преобразованы в элементы действительно социалистического способа производства только после свержения, вследствие свержения капитализма, а, с другой стороны, – развития пролетариата как класса. Достаточно вспомнить о процессе развития, который претерпела мануфактура и капиталистическая система аренды уже тогда, когда существовали феодальные общественные порядки. Здесь и в самом деле надо было

История и классовое сознание

только убрать правовые ограничения с пути их свободного развития. Напротив, хотя концентрация капитала в картелях, трестах и т.д. и образует неотъемлемую предпосылку преобразования капиталистического способа производства в социалистический, но при этом даже самая высокоразвитая капиталистическая концентрация будет также экономически качественно отличаться от социалистической организации и не сможет ни превратиться в нее «сама собой», ни трансформироваться в нее «правовым путем», в рамках капиталистического общества. Достаточно ясным доказательством чему является трагикомический провал всех «попыток социализации» в Германии и Австрии.

Этому коренному различию нисколько не противоречит то, что после свержения капитализма происходит *длительный и болезненный процесс*, ведущий в этом направлении. Напротив. Мы мыслили бы совершенно не диалектически, не исторически, если бы отпрявляясь от констатации того, что социализм можно осуществить лишь путем *сознательного преобразования всего общества*, выдвинули требование осуществить такое преобразование одним ударом, а не постепенно. Этот процесс, однако, *качественно* отличается от преобразования феодального общества в буржуазное. И именно это качественное отличие выражается качественно различными функциями в революции, выполняемыми государством, буржуазным и пролетарским, причем пролетарское государство, как говорит Энгельс, «уже больше не является государством в собственном смысле слова»; оно выражается наиболее отчетливо в качественно отличных отношениях между политикой и экономикой. Об этой противоположности ярко свидетельствует уже осознанность роли государства в пролетарской революции вразрез с его идеологической маскировкой в буржуазных революциях, предусмотрительная и преобразующая сознательность пролетариата вразрез с познанием буржуазии, которое в силу необходимости проходит *post festum*. Этого не учитывает Роза Люксембург, критикуя замену Учредительного собрания Советами: *она представляет себе пролетарскую революцию в структурных формах буржуазных революций*.

5.

Такое резкое противопоставление «органической» и диалектико-революционной оценки ситуации может помочь нам еще глубже проникнуть в ход мыслей Розы Люксембург применительно к проблеме роли партии в революции. И тем самым – прояснить ее позицию в отношении большевистской концепции партии, ее тактических и организационных последствий.

Разногласия между Лениным и Люксембург уходят своими корнями довольно далеко в прошлое. Как известно, Роза Люксембург во время первых организационных столкновений между меньшевиками и большевиками выступила против последних. Но ее расхождение с большевиками было не политическим-тактическим, а чисто организационным. Почти по всем вопросам тактики

Критические заметки к брошюре...

(массовые стачки, оценка революции 1905 года, империализм, борьба против будущей мировой войны и т.д.) Роза Люксембург и большевики всегда шли общим путем. Так, в Штутгарте она была представительницей большевиков именно по вопросу резолюции о войне, имевшей решающее значение. Тем не менее это расхождение является намного менее эпизодическим, чем могло бы показаться в свете столь многих политико-тактических совпадений; с другой стороны, неправильно было бы, исходя из этого, делать вывод о том, что пути Розы Люксембург и большевиков полностью разошлись. Конкретно Ленин и Роза Люксембург по-разному подходили к вопросу о том, является ли борьба против оппортунизма, в признании которой они были политически и принципиально едины, *духовной* борьбой в рамках революционной партии пролетариата, или же эта борьба должна получить разрешение на поприще *организации*? Роза Люксембург выступала против последней точки зрения. Во-первых, потому, что она считала преувеличенной ту центральную роль, какую приписывали большевики вопросам организации как гаранта революционного духа в рабочем движении. Она придерживалась противоположного воззрения, в соответствии с которым действительно революционный принцип надо видеть исключительно в элементарной стихийности массы. По отношению к ней центральные партийные организации всегда выполняют консервативную, сдерживающую функцию.

Она полагала, что при проведенной на деле централизации лишь возрастает «раздвоение между атакующей массой и колеблющейся социал-демократией»⁹. Во-вторых, она трактует саму форму организации как нечто органичное, а не как нечто «сделанное». «В социал-демократическом движении организация <...> тоже является историческим продуктом классовой борьбы, в которую социал-демократия *лишь вносит политическую сознательность*»¹⁰. И эта концепция опять-таки опирается на ее *совокупное представление о предстоящем ходе революционного движения*, с практическими следствиями которой мы уже столкнулись при критике Розой Люксембург большевистской аграрной реформы и лозунга о праве нации на самоопределение. Она говорит: «Положение о том, что социал-демократия является представительницей всех прогрессивных интересов общества и всех угнетенных жертв буржуазной общественной системы, нельзя истолковывать только в том смысле, что в программе социал-демократии обобщены все эти интересы. Это положение становится истиной, когда воплощается в историческом процессе развития, благодаря которому социал-демократия также как *политическая партия* все больше и больше становится прибежищем различных недовольных элементов, действительно становится партией народа против мизерного меньшинства господствующей буржуазии»¹¹. Отсюда ясно, что, по мнению Розы Люксембург, исподволь «органически» возникают фронты революции и контрреволюции (еще до того, как становится актуальной сама революция), и что *партия становится организационным сборным пунктом всех слоев, приведенных в движение ходом развития и противопоставленных буржуазии*. Главное состоит лишь в том, чтобы при этом не была разжижена, не приняла мещанского характера идея классовой

История и классовое сознание

борьбы. Здесь может и должна помочь организационная централизация. Но только в том смысле, что она «выступает лишь как внешнее средство воздействия, нужное для оказания руководящего влияния со стороны фактически наличного революционного пролетарского большинства партии»¹².

Следовательно, Роза Люксембург, с одной стороны, исходит из того, что рабочий класс будет выступать в революции как сплоченный, объединенно-революционный класс, не зараженный демократическими иллюзиями буржуазного общества и не совлекаемый на ложные пути¹³; с другой стороны, она, по видимому, предполагает, что мелкобуржуазные слои буржуазного общества, социальному существованию которых смертельно угрожает революционное обострение экономического положения, будут объединяться с борющимся пролетариатом также в партийном смысле, также организационно. Если это предположение правильно, то отсюда очевидным образом следует отказ от большевистской концепции партии, политической основой которой является осознание того, что пролетариат должен проводить революцию хотя и в союзе, но не в организационном единстве с другими выступающими против буржуазии слоями и что при этом он неизбежно вступает *в противоречие с известными пролетарскими слоями*, которые борются на стороне буржуазии против революционного пролетариата. Не следует забывать, что причиной первого разрыва с меньшевиками был не только вопрос о партийном уставе, но также проблема союза с «прогрессивной» буржуазной (практически это, между прочим, было равносильно тому, чтобы оставить на произвол судьбы революционное крестьянское движение), проблема коалиции с ней для проведения и закрепления буржуазной революции.

Здесь проясняется, почему Роза Люксембург, во всех политическо-тактических вопросах шедшая вместе с большевиками против оппортунистических противников, всегда бывшая не только самым настойчивым и ярким, но и также самым глубоким и радикальным разоблачителем всякого оппортунизма, должна была пойти иным путем *при оценке опасности оппортунизма и тем самым – при определении методов борьбы с ним*. Ибо если борьба против оппортунизма истолковывается исключительно как духовная борьба внутри партии, то ее, разумеется, надо проводить таким образом, чтобы центр тяжести приходился на убеждение сторонников оппортунистов, на достижение большинства внутри партии. Естественно, что вследствие этого борьба с оппортунизмом распадается на ряд изолированных отдельных схваток, в которых вчерашний союзник может стать сегодняшним противником и наоборот. Борьба против оппортунизма как направления при этом вообще не может выкристаллизоваться: сфера «духовных битв» изменяется от вопроса к вопросу, и вместе с ней изменяется состав борющихся групп. (Каутский в борьбе против Бернштейна и в дебатах о массовой стачке; Паннекук в этих дебатах и в споре по вопросу о накоплении; поведение Ленша в этом вопросе и во время войны и т.д.). Конечно, этот неорганизованный процесс не способен был полностью воспрепятствовать возникновению правого, центристского и левого крыла так-

Критические заметки к брошюре...

же и в партиях вне России. Однако чисто случайный характер таких объединений затруднил разработку этих противоречий, их духовное и организационное (а стало быть, и партийное) прояснение и поэтому неизбежно должен был повести к созданию совершенно ложных группировок, которые становились, когда они достигали какого-то организационного упрочения, важными помехами прояснению сознания рабочего класса. (Штрёбель в группе «Интернационал»; «пацифизм» как момент отделения от правых, Бернштейн в НСПГ; Серрати в Циммервальде, Клара Цеткин на международной Женевской конференции). Ввиду того, что в Центральной и Западной Европе партийный аппарат большей частью находился в руках правых или центристов, эти опасности еще более усугубились, так как неорганизованная, чисто духовная борьба против оппортунизма очень легко и часто становилась борьбой против партийной формы движения вообще (Паннекук, Рюле и т.д.).

Конечно, во время и непосредственно после первых дебатов между Лениным и Люксембург эти опасности еще не вырисовались достаточно отчетливо, по крайней мере – для тех, кто был не в состоянии критически переработать опыт первой русской революции. Но что Роза Люксембург, принадлежавшая к числу лучших знатоков как раз русских отношений, по существу приняла здесь точку зрения левых вне России, рекрутировавшихся главным образом из того радикального слоя рабочего движения, который не располагал никаким практическим революционным опытом, – это может быть понятно лишь исходя из ее «совокупной органической концепции». Изложенное выше объясняет, почему в ходе своего, в других отношениях мастерского, анализа массового стачечного движения в первую русскую революцию она вообще не говорит о роли меньшевиков в политических событиях этих лет. При этом она всегда ясно видела политико-тактические опасности всякого оппортунистического поведения и яростно боролась с ним. Однако она придерживалась того мнения, что подобные колебания вправо должны исправляться и будут исправляться «органическим» развитием рабочего движения, до известной степени спонтанно. Поэтому она завершает свою полемическую статью против Ленина такими словами: «Наконец, давайте же открыто признаем в своем кругу: ложные шаги, которые допускает реальное рабочее движение, исторически являются несоизмеримо более плодотворными и ценными, нежели непогрешимость самого лучшего «Центрального Комитета»¹⁴.

6.

Когда разразилась мировая война, когда стала актуальной война гражданская, этот некогда «теоретический» вопрос стал вопросом жгуче-практическим. *Проблема организации превратилась в тактико-политическую проблему.* Проблема меньшевизма стала судьбоносным вопросом пролетарской революции. Безоговорочную победу империалистической буржуазии над всем II Интернационалом по вопросам мобилизации в 1914 году и полученную ею

История и классовое сознание

возможность развивать и закреплять эту свою победу во время мировой войны нельзя и невозможно рассматривать и оценивать как «несчастье» или как простое следствие «предательства» и т.д. И когда революционное рабочее движение стремилось оправиться от этого поражения, сделать его основой будущих победоносных битв, повелительной *необходимостью становилось постижением этого провала, этого «предательства» во взаимосвязи истории рабочего движения: надо было понять социал-шовинизм, пацифизм и т.д. как последовательное продолжение оппортунистического течения.*

Осознание этого было одним из неувядающих главных достижений Ленина во время мировой войны. И его критика брошюры Юниуса метит именно в этот пункт – в недостаточное размежевание с оппортунизмом как течением. Конечно, брошюра Юниуса и до нее «Интернационал» содержали в себе много теоретически правильной полемики с правыми предателями и колеблющимися центристами в немецком рабочем движении. Но эта полемика оставалась теоретическо-практической, не переходила в организационный план, поскольку она все еще одушевлялась верой в то, что речь идет лишь о «различии мнений» внутри революционной партии пролетариата. Правда, организационным требованием приложенных к брошюре Юниуса тезисов является основание нового Интернационала (тезисы 10-12). Однако далее это требование повисало в воздухе: отсутствовали духовные и вместе с тем организационные пути его осуществления.

Здесь проблема организации превращается в политическую проблему для всего революционного пролетариата. Крах всех рабочих партий, вызванный войной, следует понять как всемирно-исторический факт, то есть как необходимое следствие предшествующей истории рабочего движения. Тот факт, что влиятельный руководящий слой в рабочих партиях, почти без исключения, открыто встает на сторону буржуазии, а другую его часть связывает с ней тайный, публично не признаваемый союз, и *что для обеих этих частей оказывается духовно и организационно возможным при всем этом сохранять свое руководство над решающими слоями пролетариата, – этот факт надо сделать исходным пунктом оценки положения и задач революционной рабочей партии.* Нужно ясно осознать то, что при постепенно формирующихся двух фронтах гражданской войны пролетариат поначалу будет вступать в борьбу расколотым и внутренне раздвоенным. Эта раздвоенность не может быть устранена дискуссиями. Было бы напрасной надеждой рассчитывать, что эти руководящие слои можно будет тоже постепенно «убедить» в правильности революционных воззрений, что, стало быть, рабочее движение сможет восстановить свое – революционное – единство «органически», «изнутри». Возникает проблема: каким образом можно вырвать из-под этого руководства ту огромную массу пролетариата, которая *инстинктивно является революционной, но еще не обрела ясного сознания.* Ясно, что как раз «органически-теоретический» характер размежевания с меньшевиками дольше всего позволяет им наиболее удобным для них образом скрывать от пролетариата тот факт, что в решающий час они вступают на стороне буржуазии. Несмотря на сохраняющуюся и объективно

Критические заметки к брошюре...

обостряющуюся революционную ситуацию в целом, невозможно думать о гражданской войне до тех пор, пока та часть пролетариата, которая спонтанно выступает против такого поведения своих вождей и мечтает о революционном руководстве, *не сплотится организационно*, пока возникшим этим путем действительно революционным партиям и группам не удастся посредством своих *действий* (для которых непременно необходимой является *собственная революционная партийная организация*) завоевать доверие широких масс и вырвать их из-под влияния оппортунистов.

А мировая ситуация объективно продолжает оставаться революционной и революционизируется во все большей мере. Именно Роза Люксембург в своей, к величайшему ущербу для революционного движения еще недостаточно известной и оцененной, классической книге «Накопление капитала» создала теоретическую основу для познания объективно-революционной сути ситуации. Именно раскрытие ею того обстоятельства, что развитие капитализма означает разложение и тех слоев, которые не являются ни капиталистами, ни рабочими, *составляет социально-экономическую теорию, необходимую для выработки революционной тактики большевиков в отношении непролетарских слоев трудящихся*. Она показывает, что с приближением развития к тому пункту, в котором капитализм достигает своего завершения, этот процесс разложения должен принимать все более острые формы. Все более широкие слои откалываются от внешне еще прочного здания буржуазного общества, вносят сумятицу в ряды буржуазии, инициируют движения, которые (не будучи сами по себе сориентированными на социализм) самой энергией своей атаки способны весьма ускорить создание предпосылки социализма – низвержение буржуазии. В этой ситуации, которая все сильнее разлагает буржуазное общество, которая толкает пролетариат, хочет он того или не хочет, к революции, *меньшевики открыто или тайно перешли в лагерь буржуазии*; они защищают позиции, враждебные революционному пролетариату и другим инстинктивно возмущенным слоям (или народам). С осознанием этого *рушится в самой себе концепция Розы Люксембург относительно хода революции*, которая последовательно строилась на ее оппозиции к организационной форме большевистской партии. Необходимые выводы из такого осознания, для которых Роза Люксембург сама дала в «Накоплении капитала» глубочайший экономический фундамент и от ясной формулировки которых (как на это и указывал Ленин) ее отделял в некоторых местах брошюры Юниуса лишь один шаг, она, однако, не сделала в своей критике русской революции. По-видимому, и в 1918 году, даже после испытаний первого этапа революции в России, она все еще занимала в отношении проблемы меньшевизма свою старую позицию.

7.

Этим объясняется защита ею от большевиков «права на свободу»: «Свобода, – заявляет она, – это всегда свобода инакомыслящего» (S. 109); то есть

История и классовое сознание

свобода для других «течений», в рабочем движении, для меньшевиков и эсеров. Ясно, что Роза Люксембург никогда не скатывалась к банальной защите демократии вообще. Ее установка, напротив, также в этом пункте является лишь логическим следствием ее ложной оценки группировки сил в развернувшейся революции. Ибо установка революционера в отношении так называемой проблемы свободы в эпоху диктатуры пролетариата зависит, в конечном счете, от того, *рассматривает ли он меньшевиков как врагов революции или как «течение» революционеров*, которые в отдельных тактических, организационных и т.д. вопросах придерживаются «другого мнения». Под всем, что пишет Роза Люксембург о необходимости критики, о публичном контроле, подпишется каждый большевик, Ленин прежде всего, как об этом и говорит сама Роза Люксембург. Вся суть лишь в том, как все это осуществить, *как придать «свободе» (и всему, что с нею связано) революционную, а не контрреволюционную функцию*. Отто Бауэр, один из самых умных противников большевиков, довольно ясно распознал эту проблему. Он выступает против «недемократической» сути большевистского государственного устройства не только с абстрактными естественно-правовыми доводами в духе Каутского, но с тем аргументом, что Советская система, которая при наличии реального соотношения классовых сил в России затрудняет отстаивание своих интересов крестьянством, прицепляет крестьян к политическому локомотиву пролетариата. И тем самым он против своей воли свидетельствует в пользу революционного характера большевистского «подавления свободы».

Преувеличение органичного характера революционного развития ввергает здесь Розу Люксембург в разительное противоречие с собой, как это имело место уже в Программе «Спартака», которая составила теоретическую основу для центристских мудствований о различиях между «террором» и «насилием», для отрицания первого при принятии второго; а в своей брошюре Роза Люксембург уже выдвигает лозунг о противопоставлении в духе голландских коммунистов диктатуры партии и диктатуры класса (S. 115). Конечно, когда два человека делают одно и то же (и особенно, когда два человека говорят одно и то же), это не есть одно и то же. Но Роза Люксембург тоже попадает здесь, – и как раз из-за того, что отходит от понимания действительной структуры противоборствующих сил, – в опасную близость к призрачным утопическим ожиданиям, к предвосхищению позднейших фаз развития, которые затем стали роковыми для приведенных выше лозунгов. Этот рок, к счастью, не коснулся ее, ибо оборвалась, ее, к сожалению, столь краткая практическая деятельность в революции.

Диалектическое противоречие социал-демократического движения, говорит Роза Люксембург в своей статье против Ленина, состоит именно в том, что «здесь в первый раз за всю историю народные массы самостоятельно и вопреки всем господствующим классам должны реализовать свою волю, которая уводит их *за пределы* современного общества, но, с другой стороны, эту волю массы способны вырабатывать лишь в повседневной борьбе с существующей системой, то есть только *в ее рамках*. Соединение широких народных масс с

Критические заметки к брошюре...

целью, выходящей за существующую систему в целом, повседневной борьбы с революционным переворотом – это и есть *диалектическое противоречие* социал-демократического движения <...>¹⁵. Это диалектическое противоречие никоим образом не сглаживается в эпоху диктатуры пролетариата. Изменяется лишь материя его составляющих, современные рамки деятельности и «потусторонность». Именно проблема свободы и демократии, которая во время борьбы в рамках буржуазного общества казалась простой, поскольку каждая пядь завоеванного свободного пространства была *вырванной у буржуазии пядью*, претерпевает теперь *диалектическое обострение*. Ведь фактическое отвоёвывание «свобод» у буржуазии тоже не идет по прямой, хотя, конечно, тактическая линия целеполагания пролетариата была восходящей прямой. Но теперь должна измениться и эта установка.

Ленин говорит о том, что развитие вперед капиталистической демократии «не идет просто, прямо и гладко, к все большей и большей демократии»¹⁶. Этого не может быть, поскольку социальная сущность революционного периода состоит именно в том, что вследствие экономического кризиса, переживаемого как разлагающимся капитализмом, так и нарождающимся пролетарским обществом, постоянно, резко и насильственно изменяется классовое расслоение. *Вот почему постоянная перегруппировка революционных сил представляет собой жизненный вопрос революции*. В интересах дальнейшего развития революции необходимо *всеми средствами и при всех обстоятельствах удерживать господствующую власть в руках пролетариата*, ясно понимая, что совокупное положение мирового хозяйства рано или поздно должно подтолкнуть пролетариат к революции в мировом масштабе, которая только и сможет действительно осуществить экономические мероприятия в духе социализма. Победоносный пролетариат при этом не может заранее определять догматическим образом ни свою экономическую, ни свою идеологическую политику. Подобно тому как в своей экономической политике (социализация, концессии и т.д.) он должен свободно маневрировать в зависимости от классовых сдвигов, в зависимости от возможности и необходимости завоевывать определенные слои трудящихся на сторону диктатуры пролетариата или, по крайней мере, обеспечивать их нейтралитет по отношению к ней, точно так же невозможно заранее определиться в комплексе вопросов, связанных со свободой. Формы и степень «свободы» зависят в период диктатуры от состояния классовой борьбы, от силы врага, от интенсивности угрозы диктатуре, от требований завоевываемых на сторону диктатуры, от зрелости союзнических с пролетариатом и находящихся под его влиянием слоев. Свобода столь же мало, как и социализация, может быть самоценной. *Она должна служить господству пролетариата, а не наоборот*. К совершению этих, часто весьма неожиданных изменений позиций, оказалась способной лишь такая революционная партия, как большевистская; лишь она имела достаточно гибкости, маневренности и непредвзятости в оценке фактически действующих сил, чтобы через Брест-Литовск, через военный коммунизм времен жесточайшей гражданской войны продвинуться к

История и классовое сознание

новой экономической политике, а от нее (при новом изменении соотношений сил) к другим группировкам сил – и при этом постоянно сохранять в неприкосновенности самое существенное – господство пролетариата.

В этом потоке явлений, однако, сохранился один устойчивый полюс: контрреволюционная позиция других «течений рабочего движения». От Корнилова к Кронштадту тут идет прямая линия. Их «критика» диктатуры – это, следовательно, совсем не самокритика пролетариата, возможности которой должны институционально обеспечиваться также во время диктатуры, это – тенденция разложения, которая служит интересам буржуазии. К ним, следовательно, можно отнести слова Энгельса в письме к Бебелю: «Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников»¹⁷. И что Роза Люксембург в ходе немецкой революции изменила проанализированные здесь воззрения, связано, конечно, с тем, что немногие месяцы самого интенсивного и деятельного сопереживания развернувшейся революции, которое выпало на ее долю, убедили ее в ложности прежней концепции революции. И в первую очередь – в ложности ее взгляда на роль оппортунизма, на способы борьбы против него и поэтому – на построение и функции самой революционной партии.

Январь 1922 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rosa Luxemburg. Die russische Revolution. – Verlag: Gesellschaft und Erziehung, 1922. – Роза Люксембург. Русская революция // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. – М.: Политиздат, 1991 (в сокращении).

² Leitsaetze ueber die Aufgaben der internationalen Sozialdemokratie. These 5. – Futurus Verlag. – S. 105.

³ Luxemburg R. Soziale Reform oder Revolution? Vulkanverlag. – S. 21.

⁴ Bericht ueber den Gruendungsparteitag der KPD. – S. 53.

⁵ Luxemburg R. Soziale Reform oder Revolution? – S. 47.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 19.

⁷ Там же. Т. 37. – С. 417.

⁸ Зиновьев Г., Ленин Н. Против течения. 3-е изд. – М.-Пг., 1923. – С. 423. – В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 51.

⁹ Neue Zeit XXII, 2. Bd. – S. 491.

¹⁰ Ebd. – S. 486. (Курсив мой – Г.Л.)

¹¹ Ebd. – S. 533-534.

¹² Ebd. – S. 534.

¹³ Rosa Luxemburg. Massenstreik. 2-te Auflage. – S. 51.

¹⁴ Neue Zeit XXII. 2.Bd. – S. 535.

¹⁵ Neue Zeit XXII. 2.Bd. – S. 534.

¹⁶ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33. – С. 88.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 5.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

Нельзя механически отделить политическое от организационного.

*В.И. Ленин. Политический отчет ЦК
РКП (б) XI съезду партии*

1.

Хотя временами проблемы организации (например, в ходе дискуссий в Коминтерне об условиях приема новых партий) находились на первом плане в борьбе мнений, но тем не менее они принадлежат к числу вопросов, наименее проработанных теоретически. Концепция Коммунистической партии, отвергнутая и оклеветанная всеми оппортунистами, инстинктивно ухватываемая и осваиваемая лучшими революционными рабочими, несмотря ни на что, часто рассматривается как всего лишь *технический* вопрос, а не как один из важнейших *духовных* вопросов революции. Тезисы II и III Конгрессов Коминтерна, борьба направлений в РКП, практический опыт последних лет свидетельствуют об этом слишком красноречиво. Однако представляется, что теоретический интерес коммунистических партий (за постоянным исключением РКП) так сильно привлечен к проблемам экономического и политического положения в мире, к

История и классовое сознание

следующим отсюда тактическим выводам и теоретическому обоснованию таковых, что для углубленного теоретического анализа вопроса об организации у коммунистов не остается никакой живой и живучей заинтересованности. Поэтому многое из сделанного в этой сфере верно только в силу того, что это было сделано по большей части исходя из верного революционного инстинкта, а не исходя из ясной теоретической установки. С другой стороны, многие тактически ложные позиции, например, в дебатах о едином фронте, можно вывести из неверного понимания вопроса об организации.

Такая «бессознательность» в организационных вопросах вполне определенно свидетельствует о незрелости движения. Ибо критерием подобной зрелости или незрелости, собственно говоря, является то, наличествует ли в сознании действующего класса и его руководящей партии видение или оценка того, что предстоит сделать этому классу, в абстрактно-непосредственной либо в конкретно-опосредствованной форме. Это значит, куда поставленная цель находится в недостижимой дали, особо прозорливые способны до известной степени ясно видеть саму цель, ее сущность и ее общественную необходимость. Но они не в состоянии осознать конкретные шаги, которые могут повести к цели, конкретные средства, которые бы вытекали из – возможно – правильного видения такой цели. Ведь и утописты правильно видели то положение дел, которое должно быть исходным пунктом. В чистых утопистов их превращает то, что они умели видеть его лишь как факт или в крайнем случае как проблему, подлежащую решению, не будучи в состоянии постичь, что именно тут, именно в самой проблеме соположены как ее решение, так и путь к такому. Так, «они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество»¹. Подчеркнутая здесь противоположность между доктринерской и революционной наукой выходит за рамки проанализированного Марксом случая и более широко понимается как типичная противоположность, свойственная развитию сознания у революционного класса. По мере продвижения по пути революционизации пролетариата нищета потеряла свой характер голой данности и включилась в живую диалектику деятельности. Но ее место заступают – в зависимости от той стадии, на которой находится развитие класса – другие содержания, в отношении которых позиция пролетарской теории выказывает *структуру*, очень сходную с той, что анализировал Маркс. Утопической иллюзией была бы вера в то, что преодоление утопизма уже было совершено для революционного рабочего движения мыслительным преодолением его первых примитивных форм проявления, которое является заслугой Маркса. Данный вопрос, который в конце концов является вопросом о диалектическом соотношении «конечной цели» и «движения», вопросом соотношения теории и практики, повторяется на каждой решающей ступени революционного развития во все более развитой форме, пусть даже меняясь по содержанию. Ибо задача в ее абстрактной возможности становится видимой гораздо раньше, чем конкретные формы ее выполнения. И о правильности или ложности какой-то постановки задачи в дей-

Методологические заметки к вопросу...

ствительности можно, собственно, дискутировать только тогда, когда достигнута эта вторая стадия, когда становится познаваемой конкретная тотальность, которой предстоит быть средой и путем ее выполнения. Так, в первых дебатах II Интернационала генеральная стачка была простой утопией, пока первая русская революция, генеральная стачка в Бельгии и т.д. не придали ей очертания конкретной формы. Надо было пройти годам острых революционных битв, прежде чем рабочий Совет потерял свой утопически-мифологический характер в качестве единственного средства решения всех вопросов революции и стал видимым в качестве того, что он есть, для пролетариата вне России. (Тем самым я никоим образом не собираюсь доказывать, что этот процесс прояснения уже завершился; я даже весьма сомневаюсь в этом; но поскольку к рабочему Совету мы здесь обратились лишь как к примеру, нет возможности более подробно останавливаться на этой теме).

Как раз вопросы организации дольше всего были погружены в такую утопическую полутьму. И не случайно. Ибо развитие крупных рабочих партий чаще всего происходило в такие времена, когда вопрос о революции выступал лишь в качестве вопроса, непосредственно определяющего всю их деятельность в повседневной жизни. Где, стало быть, не казалось нужным вносить конкретную теоретическую ясность в проблему сущности и предположительного хода революции, дабы сделать отсюда выводы относительно способа сознательных действий в ней сознательной части пролетариата. Однако вопрос об организации революционной партии можно органично вывести только из теории самой революции. И только когда революция ставится на повестку дня, вопрос о революционной организации с повелительной необходимостью вторгается в сознание масс и их теоретических представителей.

Но и тут все происходит постепенно. Ведь даже факт революции, даже необходимость занять позицию по отношению к ней как к актуальному, злободневному вопросу, как это имело место в эпоху первой русской революции и после нее, не способны принудить к правильному ее пониманию. Конечно, отчасти это связано с тем, что оппортунизм уже пустил в пролетарских партиях настолько глубокие корни, что вследствие этого стало невозможным правильное теоретическое познание революции. Но даже там, где целиком отсутствует данный мотив, где налицо ясное понимание движущих сил революции, оно не смогло развиваться в теорию революционной организации. Путь к принципиальной ясности преграждался, по меньшей мере отчасти, как раз бессознательным, теоретически не проработанным, сугубо «органическим» характером существовавших организаций. Ибо русская революция сделала очевидной ограниченность западно-европейских организационных форм. На примере массовых акций, революционной массовой стачки выявляется их бессилие в сравнении со спонтанными движениями масс; они потрясают до основания оппортунистическую иллюзию, которая кроется в идее «организационной подготовки» подобных акций; они показывают, что такие организации всегда лишь тащатся позади реальных акций масс, тормозят и затрудняют их, вместо того чтобы им

История и классовое сознание

способствовать или даже ими руководить. Роза Люксембург, которая яснее всех видит значение массовых акций, выходит далеко за рамки простой критики таких организаций. Она с большой проницательностью усмотрела границу бывшей доселе в ходу организационной идеи в ее ложном отношении к массам: «Завышенная и ложная оценка роли организации в классовой борьбе пролетариата, – заявляет Роза Люксембург, – обыкновенно дополняется низкой оценкой неорганизованных пролетарских масс и их политической зрелости»². Таким образом, ее выводы выливаются, с одной стороны, в полемику с такой завышенной оценкой организации, а с другой, – в определение задачи партии, которая должна состоять «не в технической подготовке массовой стачки и руководстве таковой, а, прежде всего, в *политическом руководстве* всем движением»³.

Тем самым был сделан крупный шаг в достижении ясного понимания вопроса об организации: когда вопрос об организации был вырван из его абстрактной изолированности (отказ от «завышенной оценки» организации), был намечен тот путь, на котором может быть указана ее истинная функция в революционном процессе. Но для этого понадобилось бы, чтобы Роза Люксембург снова развернула в организационную плоскость вопрос о политическом руководстве: нужно было бы раскрыть те *организационные моменты*, которые делают способной к политическому руководству партию пролетариата. В другом месте будет подробно рассмотрено, что помешало ей сделать этот шаг. Здесь же следует указать лишь на то, что такой шаг был уже сделан несколькими годами ранее: он был сделан в дискуссиях российских социал-демократов по организационным вопросам. Роза Люксембург была точно осведомлена об этих дискуссиях, но стала в них в одном вопросе на сторону отсталого, тормозившего движение направления (на сторону меньшевиков). Отнюдь не случайно то, что пункты, по которым произошел раскол российской социал-демократии, касались, с одной стороны, понимания предстоящей революции и следовавших отсюда задач (коалиция с «прогрессивной» буржуазией или борьба на стороне крестьянской революции), с другой, – проблемы организации. Для социалистического движения вне России роковую роль сыграло то, что никто (включая Розу Люксембург) не уразумел тогда единство, неразрывную, диалектическую взаимопринадлежность *обоих вопросов*. Ибо вследствие этого не только был упущен шанс развернуть по меньшей мере пропагандистскую работу в пролетарской среде по вопросам организации, дабы таким образом хотя бы духовно подготовить пролетариат к предстоящим событиям (больше едва ли можно было сделать), но и не были достаточно конкретизированы правильные политические прозрения Розы Люксембург, Паннекука и других, конкретизированы также в качестве политических течений; они остались, по словам Розы Люксембург, латентными, сугубо теоретическими; их связь с конкретным движением все еще сохраняла свой утопический характер⁴.

Ведь организация – это форма опосредствования между теорией и практикой. И как во всяком диалектическом отношении, элементы диалектического отношения и тут только в рамках опосредствования и благодаря таковому при-

Методологические заметки к вопросу...

обретают конкретность и действительность. Такой опосредствующий теорию и практику характер организации отчетливее всего обнаруживается в том, что организация проявляет несравненно большую, более тонкую и безошибочную чувствительность к разным уклонам, чем любая другая область политического мышления и деятельности. В чистой теории могут мирно сосуществовать друг с другом самые разнородные воззрения и направления, а их противоречия – принимать лишь форму дискуссий, которые спокойно могут разыгрываться в рамках одной и той же организации, не взрывая ее изнутри; в то время как те же самые вопросы, будучи обращены в организационную плоскость, выступают как жестко очерченные, исключаящие друг друга направления. Но любое «теоретическое» направление или различие во мнениях должно мгновенно перейти в организационную плоскость, если только оно не желает остаться чистой теорией, абстрактным мнением, если только оно действительно намеревается указать путь к своему осуществлению. Но также было бы ошибкой верить в то, что простое действие, простая акция способны дать настоящий и достоверный критерий правильности и ложности борющихся воззрений или даже их совместимости либо несовместимости. Всякая акция – в себе и для себя – является лабиринтом отдельных действий отдельных людей, который может быть равно ложным образом понят и как достаточно мотивированное с общественно-исторической точки зрения, «необходимое» событие, и как следствие «ошибок» либо «верных» решений индивидов. Эта сама по себе дикая путаница впервые обретает смысл и действительность, когда она постигается в своей исторической тотальности, то есть в своей функции в историческом процессе, в своей опосредствующей прошлое и будущее роли. Но такая постановка вопроса, которая трактует познание некоей акции как познание ее уроков на будущее, отвечающее на вопрос: «Так что же надо делать?», – она уже является постановкой проблемы организации. Взвешивая положение, готовя акцию и руководя ею, она пытается отыскать те моменты, которые бы необходимо вели от теории – к максимально адекватным ей действиям; стало быть, она ищет *существенные определения*, которые связывают теорию и практику.

Ясно, что лишь таким образом возможны по-настоящему плодотворная самокритика, по-настоящему плодотворное раскрытие совершенных «ошибок». Идея абстрактной «необходимости» свершающегося ведет к фатализму; из простого предположения, будто «ошибки», ловкость или неловкость индивидов обусловили удачу или неудачу, опять-таки невозможно извлечь никаких решающих, плодотворных уроков. С данной точки зрения всегда должно казаться более или менее «случайным» то, что именно тот или другой человек находился в той или другой точке, совершил ту или другую ошибку и т.д. Констатация подобной ошибки не может повести далее утверждения, что данное лицо не годится для данного поста; понимание этого хотя и уместно, хотя и не бесполезно, но все-таки лишь вторично для существенной самокритики. Именно преувеличенное значение, какое придается при таком взгляде на вещи отдельным лицам, показывает, что при таком взгляде невозможно объективно рас-

История и классовое сознание

смотреть роль данных лиц, те возможности, благодаря которым они оказались в состоянии столь сильно и таким именно способом повлиять на акцию, что при подобном подходе она точно так же берется как фатальная данность, как объективный фатализм берет все события. Коль скоро данный вопрос выходит за рамки сугубо частного и случайного, правильная или ложная деятельность отдельных лиц рассматривается в качестве соопределяющей предпосылки всего событийного комплекса, но сверх того исследуется причина, по которой имели место объективные возможности действий этих лиц и объективные возможности того факта, что именно эти лица находились именно на этих постах и т.д.: таким образом, вопрос снова ставится уже в организационной плоскости⁵. Ибо в этом случае единство, которое связывает друг с другом участников акции, уже исследуется в качестве объективного единства деятельности на предмет его пригодности для этой определенной деятельности; ставится вопрос о том, правильными ли были организационные средства перевода теории в практику.

Конечно, «ошибка» может уходить корнями в теорию, в целеполагание или в познание самой ситуации. Но только организационно выдержанная постановка вопроса делает возможной настоящую критику теории с позиции практики. Если теория непосредственно рядоплагается с некоторой акцией без выяснения ее воздействия на последнюю, то есть без выяснения организационной связи между ними, то сама теория может быть подвергнута критике только под углом зрения имманентных ей противоречий. Данная функция организационных вопросов делает понятным то, что оппортунизм искони испытывал величайшее отвращение к *организационным выводам из теоретических расхождений*. Позиция правых «независимовцев» в Германии и сторонников Серрати в Италии по отношению к установленным II Конгрессом Коминтерна условиям приема новых компартий, их попытки перебросить предметные расхождения с Коминтерном из области организации в область «чистой политики» диктовались их верным оппортунистическим чутьем, которое им подсказывало, что в этой последней области расхождения могут долгое время оставаться в латентном, практически не предаваемом огласке состоянии, в то время как постановка Коминтерном организационного вопроса вынуждает к моментальному и ясному решению. Эта позиция, однако, не является чем-то новым. Вся история II Интернационала полна такими попытками свести самые разнообразные, резко расходящиеся, взаимоисключающие воззрения в теоретическое «единство» некоего решения, некоей резолюции, – свести таким образом, чтобы были учтены все точки зрения. Самоочевидным последствием такого подхода было то, что подобные решения не могли указать никаких ориентиров для конкретной деятельности, и как раз в этом отношении они всегда оставались двусмысленными и оставляли простор для самых разных толкований. Таким образом, II Интернационал, – именно потому, что он умышленно избегал в своих решениях организационных выводов, – был способен в теории позволить себе очень многое, ни в малейшей степени не закладываясь на что-либо определенное и ничем себя не связывая. Только так могла быть принята весь-

Методологические заметки к вопросу...

ма радикальная штуттгартская резолюция о войне, в которой, однако, не содержалось никаких организационных директив, обязывающих к конкретным, определенным действиям, никаких организационных установок по поводу того, как нужно действовать, никаких организационных гарантий фактической реализации решения. Оппортунистическое меньшинство не сделало никаких организационных выводов из своего поражения, ибо оно чувствовало, что само решение не будет иметь никаких организационных последствий. Поэтому после краха Интернационала на эту резолюцию могли ссылаться все направления.

Слабым пунктом всех радикальных течений во II Интернационале, кроме российского, было, следовательно, то, что они не могли или не хотели организационно конкретизировать свои революционные позиции, расходившиеся с оппортунизмом открытых ревизионистов и центристов. Однако тем самым они позволили своим противникам, в особенности центристам, смазать эти расхождения в глазах пролетариата; их оппозиция несколько не помешала также центристам фигурировать перед революционно восприимчивой частью пролетариата в обличье истинного марксизма. В задачи данной статьи не входит ни теоретическое, ни историческое объяснение господства центристов в предвоенную эпоху. Следует лишь снова указать на то, что недооценка актуального значения революции и позиции по ее проблемам в повседневном движении дала благоприятную возможность для утверждения центристской установки: для полемики как с открытым ревизионизмом, так и с лозунгами революционной деятельности; для теоретической оппозиции к ревизионизму без серьезного искоренения такового из партийной практики; для теоретической поддержки революционного течения одновременно с принижением его актуальности в текущий момент. Благодаря этому оказалось возможным, как это имело место, например, в случае Каутского и Гильфердинга, признавать общий революционный характер эпохи, *историческую актуальность революции* безо всяких поползновений к применению этого понимания к *повседневным решениям*. Поэтому для пролетариата указанные расхождения во мнениях остались простыми расхождениями во мнениях внутри революционного, тем не менее рабочего движения, а ясное размежевание направлений стало невозможным. Но эта неясность оказала обратное воздействие также на воззрения самих левых. Когда взаимодействие с представителями центристской позиции стало невозможным для поборников левых убеждений, они не сумели посредством продуктивной самокритики собственной практики перевода теории в действие развить дальше, конкретизировать левые течения. Даже там, где они по существу были близки к истине, они сохраняли свой сугубо абстрактный, утопический характер. Достаточно вспомнить, например, о полемике Паннекука с Каутским по вопросу о массовых акциях. Но Роза Люксембург также была не в состоянии, по тем же причинам, развить далее свои верные идеи относительно организации революционного пролетариата в качестве *политического вождя* движения. Ее справедливая полемика с механистическими представлениями об организационных формах рабочего движения, например, по вопросам отношения меж-

История и классовое сознание

ду партией и профсоюзами, организованными и неорганизованными массами, с одной стороны, вылилась в завышенную оценку спонтанных массовых акций, а с другой, – ее концепция политического лидерства [der Fuehrung] не смогла совершенно освободиться от чисто теоретического, сугубо пропагандистского привкуса.

2.

В другом месте было подробно показано, что здесь мы имеем дело не со случайностью, не с какой-то «ошибкой» этой столь значительной и оригинальной мыслительницы⁶. Существенное в данной связи для подобных ходов мысли лучше всего можно обобщенно обозначить как иллюзию «органической», чисто пролетарской революции. Революционно-«органическая» теория спонтанных массовых битв возникла в борьбе с оппортунистическим учением об «органическом» развитии, в соответствии с которым пролетариат постепенно, благодаря медленному росту завоеует на свою сторону большинство населения и таким образом придет к власти с помощью сугубо легальных средств⁷.

В конечном счете эта теория, несмотря на все умные оговорки ее лучших представителей, выливалась в тезис, что постоянное обострение экономического положения, неизбежная империалистическая война, близящийся в силу этого период революционных массовых битв с общественно-исторической необходимостью порождают спонтанные массовые акции пролетариата, в которых пройдет проверку ясное понимание вождями целей и путей революции. Тем самым данная теория, однако, молчаливо предположила, что революция будет иметь чисто пролетарский характер. Конечно, представление Розы Люксембург, например, об объеме понятия «пролетариат» является совершенно иным, нежели у оппортунистов. Ведь она весьма наступательно доказывала, что революционная ситуация мобилизует широкие массы доселе не организованных, недостижимых для организаторской работы пролетариев (сельскохозяйственные рабочие и т.д.); что эти массы в их действиях выказывают несравненно более высокий уровень классового сознания, чем сама партия и профсоюзы, которые самонадеянно и свысока рассматривают эти массы как незрелые, «неразвитые» и т.д. Но вопреки всему в основе этих концепций также лежит идея чисто пролетарского характера революции. С одной стороны, пролетариат выступает на поле битвы как единый отряд; с другой стороны, те массы, которые осуществляют боевые действия, являются чисто пролетарскими массами. Так и должно быть. Ведь только для классового сознания пролетариата характерна столь глубокая близость ему верной установки на революционную деятельность, только в нем указанная установка имеет столь глубокие корни, что нужны лишь осознание и четкое руководство, чтобы вывести саму эту деятельность на правильный путь. Пусть даже другие слои также принимают решающее участие в революции, однако их движение хотя и способно – при известных обстоятельствах – содействовать революции, но столь же легко оно

Методологические заметки к вопросу...

может принять контрреволюционную направленность, поскольку классовое положение этих слоёв (мелкой буржуазии, крестьян, угнетенных наций и т.д.) никоим образом не задает и не способно задавать необходимую устремленность к пролетарской революции в их деятельности. Понятая в этом ключе революционная партия должна неизбежно оказываться несостоятельной по отношению к этим слоям, пасовать перед задачами подталкивания их к пролетарской революции, недопущения того, что своими действиями они поддержат контрреволюцию.

Так же складывается и отношение партии к самому пролетариату. Ибо партия в этой организационной консистенции отвечает такому представлению о состоянии пролетарского классового сознания, при котором речь идет лишь о том, чтобы бессознательное сделать сознательным, латентное – актуальным и т.д. Или лучше сказать: о состоянии, при котором данный процесс не равносильно ужасному *внутреннему идеологическому кризису* самого пролетариата. Главное здесь заключается не в опровержении пресловутого оппортунистического «страха», связанного с тем, что пролетариат якобы «не созрел» для взятия в свои руки и сохранения власти. Это возражение было блистательно опровергнуто Розой Люксембург уже применительно к Бернштейну. Главное, напротив, заключается в том, что классовое сознание пролетариата не развивается прямолинейно и параллельно объективному экономическому кризису, причем – одинаково у всех пролетариев. Главное в том, что большая часть пролетариата остается духовно под влиянием буржуазии, что даже крайнее обострение экономического кризиса не вырывает его из этого зависимого положения, что, *стало быть, поведение пролетариата, его реакция на кризис остаются по своему накалу и интенсивности далеко позади самого кризиса*⁸.

Данное положение вещей, на котором покоится возможность меньшевизма, несомненно, также имеет объективные экономические основы. Маркс и Энгельс⁹ уже очень рано заметили это развитие, буржуазные тенденции тех рабочих слоев, которые в сравнении со своими товарищами по классу оказались в привилегированном положении в силу получения тогдашней Англией монопольных прибылей. Этот слой получил повсеместное развитие со вступлением капитализма в свою империалистическую фазу, и он, несомненно, стал важной опорой развития общих оппортунистических, враждебных революции тенденций среди значительной части рабочего класса. Но, на мой взгляд, невозможно объяснить, исходя из этого, весь вопрос о меньшевизме. Ибо, во-первых, указанное привилегированное положение сегодня уже во многом подорвано, а позиция меньшевизма отнюдь не была поколеблена соответствующим этому образом. И тут субъективное развитие пролетариата во многом отстает от темпов углубления объективного кризиса, так что этот мотив нельзя считать *единственной* причиной меньшевизма, если не стремиться тем самым закрепить за ним удобную теоретическую позицию: из отсутствия в пролетариате всепроникающей и ясной воли к революции не следует делать вывод об отсутствии объективной революционной ситуации. Во-вторых, опыт революционных битв отнюдь не дал одно-

История и классовое сознание

значного свидетельства того, что революционную решимость пролетариата и его волю к борьбе можно градуировать в простом соответствии с экономическим расслоением его частей. Внутри занимающих одинаковое экономическое место слоев рабочих имеют место большие отклонения от простой прямолинейности и параллельности и большие расхождения в зрелости классового сознания.

Но только на почве не фаталистической, не «экономистской» теории данные констатации становятся по-настоящему значимыми. Если общественное развитие понимается в том смысле, что экономический процесс капитализма принудительно и автоматически ведет через кризисы к социализму, то вышеозначенные идеологические моменты суть лишь выводы из ложной постановки вопроса. Ибо на самом деле они являются лишь симптомами того, что еще не наступил объективно решающий кризис капитализма. Ведь отставание пролетарской идеологии от экономического кризиса, идеологический кризис пролетариата являются – на подобный взгляд – чем-то принципиально невозможным. Но данная ситуация не претерпевает существенных изменений и тогда, когда представление о кризисе – при сохранении экономического фатализма в качестве фундаментальной установки – приобретает революционно-оптимистическую окраску. Это значит, когда за исходное берется неизбежность кризиса, неизбежность его безвыходности для капитализма. В этом случае рассматриваемая тут проблема не может быть даже признана в качестве проблемы; разве что «невозможно» уступает место «еще не». Но ведь Ленин с полным правом указывал, что не существует положений, которые сами по себе были бы безвыходными. В каком бы положении ни находился капитализм, для него всегда найдутся «чисто экономические» возможности разрешения кризиса; вопрос состоит лишь в том, являются ли такие решения, коль скоро выходят они из теоретически чистого мира экономики и вступают в действительность классовых битв, также действительно реализуемыми, осуществимыми. Для капитализма, взятого самим по себе, стало быть, выходы всегда мыслимы. Но сможет ли он ими на деле воспользоваться, – *это зависит от пролетариата*. Пролетариат, деятельность пролетариата загораживают капитализму выходы их подобного кризиса. Конечно, *тот* факт, что пролетариату в руки именно теперь дана такая власть, является следствием развития экономики, подчиняющегося «естественным законам». Однако эти «естественные законы», с одной стороны, определяют лишь сам кризис, придают ему определенный объем и размах, которые делают невозможным дальнейшее «спокойное» развитие капитализма. Свобода действия таких законов (в смысле капитализма) повела бы, однако, не просто к его гибели, переходу к социализму, а к длительному периоду кризисов, гражданских войн и империалистических мировых войн, повторяющихся на все более высокой ступени; она повела бы «к общей гибели борющихся классов», к новому состоянию варварства.

С другой стороны, те же самые силы и их «естественный» рост создали пролетариат. Его физическая и экономическая мощь оставляют для капитализма очень мало шансов по схеме прежних кризисов найти чисто экономическое

Методологические заметки к вопросу...

решение, такое решение, при котором пролетариат будет вынужден выступать лишь в качестве объекта экономического развития. Эта сила пролетариата есть следствие объективно-экономических «закономерностей». Вопрос о том, как эта потенциальная сила становится реальной, как пролетариат, который сегодня фактически является лишь простым объектом хозяйственного процесса и лишь в потенции, лишь латентно фигурирует как участвующий в его определении субъект, – как пролетариат оказывается в состоянии в действительности выступить как ее субъект, – этот вопрос уже больше не обуславливается фатально и автоматически такими «закономерностями». Или, говоря точнее: автоматическая и фатальная обусловленность ими больше не затрагивает сегодня сердцевину действительной силы пролетариата. А именно, поскольку пролетариат реагирует на кризис в четком соответствии с капиталистическими «закономерностями» экономики, поскольку эти реакции проявляются в предельном случае как спонтанные массовые акции, постольку реакции пролетариата выказывают структуру, во многом сходную в основе своей с движениями дореволюционного периода. Они зарождаются спонтанно (спонтанность некоего движения есть субъективное, свойственное массовой психологии выражение его сугубой детерминированности экономическими закономерностями), почти исключительно в порядке защиты от экономического, – реже: политического, – натиска буржуазии, от ее попытки найти «чисто экономическое» разрешение кризиса. Но они так же спонтанно прекращаются, идут на убыль, если их непосредственные цели кажутся достигнутыми или бесперспективными. Представляется даже, что они сохранили свое «естественнонаучное» протекание.

Но эта видимость развенчается, если рассматривать такие движения не абстрактно, а в их реальной среде, в исторической тотальности мирового кризиса. Этой средой является самопроизвольное воздействие кризиса на все классы, следовательно, не только на буржуазию и пролетариат. Ибо существует качественная и принципиальная разница между той ситуацией, при которой экономический процесс вызывает пролетариат на спонтанное массовое движение, но состояние совокупного общества – в общем и целом – остается стабильным, и ситуацией, при которой происходят глубоко идущая перегруппировка всех общественных сил, потрясение основ господствующего общества. Поэтому понимание важной роли непролетарских слоев в революции, ее не чисто пролетарского характера приобретает столь решающее значение. Всякое господство меньшинства может удержаться лишь при том условии, что для него оказывается возможным держать на своем идеологическом поводе те классы, которые не являются прямо и непосредственно революционными, добиться от них поддержки своей власти или по меньшей мере нейтралитета в его борьбе за власть. (Само собой разумеется, что к этому присовокупляется стремление также нейтрализовать часть революционного класса). Сказанное в особо высокой мере относится к буржуазии. Она в гораздо меньшей степени непосредственно держит в руках фактическую власть, чем предшествующие господствующие классы (например, граждане античных полисов, знать в эпоху расцвета феода-

История и классовое сознание

лизма). Она находится в гораздо более сильной зависимости от соглашений и перемирия или компромиссов, заключаемых с конкурирующими с ней, господствовавшими до нее классами. Это нужно ей для того, чтобы иметь возможность поставить на службу своим собственным целям контролируемый ими аппарат власти. С другой стороны, она вынуждена перекладывать на плечи мелкой буржуазии, крестьян, представителей угнетенных наций фактическое управление властью (армия, низшая бюрократия и т.д.). Коль скоро вследствие кризиса изменяется экономическое положение этих слоев, коль скоро расшатывается их наивная и неосмысленная солидарность с руководимой буржуазией общественной системой, то разрушается, так сказать, одним ударом, весь аппарат господства буржуазии: пролетариат может оказаться победителем, единственной организованной силой, не проведя вообще ни одного серьезного сражения, не говоря уже о том, чтобы одержать в нем настоящую победу.

Движения этих промежуточных слоев действительно являются спонтанными и только спонтанными. Они действительно являются всего лишь плодами «естественного» закономерного действия общественных естественных сил; и в качестве таковых и сами они являются слепыми в общественном смысле. Поскольку у этих слоев отсутствует соотносимое и соотнесенное с преобразованием всего общества классовое сознание¹⁰, поскольку они поэтому отстаивают исключительно партикулярные классовые интересы, которые даже иллюзорно не являются объективными интересами совокупного общества, поскольку их объективная связь с целым может быть только каузальной, т.е. лишь причиненной сдвигами внутри целого, а не *направленной* на изменение целого; поскольку в силу этого их направленность на целое и идеологическая форма, которую она принимает, имеет случайный характер, даже если она может быть понята как возникшая с каузальной необходимостью, — постольку самопроявление этих движений определяется внешними причинами. Какую направленность они примут в конечном счете, выльются ли они в дальнейшее разложение буржуазного общества, будут ли они вновь эксплуатироваться буржуазией, поведет ли безрезультатность их усилий к тому, что они погрузятся в пассивизм, — все это отнюдь не диктуется внутренней сутью самих этих движений, но в очень большой мере зависит от поведения наделенных сознанием классов, от буржуазии и пролетариата. Но как бы ни складывалась их дальнейшая судьба, уже само взрывообразное выступление таких движений очень просто может повести к остановке всей машины, которая скрепляет буржуазное общество и держит его на ходу. Оно может — по крайней мере на время — сделать буржуазию недееспособной.

История всех революций, начиная с Великой французской, обнаруживает все более рельефно данную структуру. Абсолютизм, затем полуабсолютные, полуфеодальные военные монархии, которые были основой экономического господства буржуазии в Центральной и Восточной Европе, обыкновенно после вспышки революции «одним махом» теряли свою поддержку в обществе. Государственная власть валяется на улице, так сказать, бесхозной. Возможность ре-

Методологические заметки к вопросу...

ставрации существует только в силу того, что нет в наличии революционного слоя, который способен что-то сделать с бесхозной властью. Борьбе возникающего абсолютизма с феодализмом присуща совсем иная структура. Так как борющиеся здесь классы в гораздо большей мере сами были непосредственными носителями своих собственных властных организаций, классовая борьба также намного непосредственной была борьбой власти против власти. Достаточно вспомнить, например, о возникновении абсолютизма во Франции, о той же Фронде. Даже гибель английского абсолютизма протекает более постепенно, в то время как крушение протектората и в еще большей степени – крушение гораздо более буржуазного абсолютизма Людовика XVI имеют сильное сходство с современными революциями. Здесь непосредственное насилие приносится «извне», осуществляется еще не распавшимися абсолютистскими государствами или оставшимися феодальными областями (Вандея). Напротив, чисто «демократические» властные комплексы в ходе революции очень легко оказываются в аналогичном положении: в то время как в момент краха [старой власти] они возникают до известной степени сами собой и перетягивают на себя всю власть, в условиях попятного движения темных слоев, на которые они опираются, они так же внезапно лишаются всякой власти (Керенский, Каройи). Сегодня не вполне очевидным является то, как будет протекать подобное развитие в западных, более передовых в гражданском и демократическом плане государствах. Как бы то ни было, Италия после окончания войны примерно до 1920 года находилась в очень сходном положении, а та организация власти, которая с тех пор возникла в Италии (фашизм), образует относительно независимый от буржуазии аппарат насилия. Мы еще не имеем никакого опыта относительно последствий кризисных явлений в высоко развитых капиталистических странах с крупными колониями; в особенности это относится к возможному влиянию на позиции мелкой буржуазии, рабочей аристократии (а, стало быть, и армии) восстаний в колониях, которые тут отчасти играют роль крестьянских восстаний в самих этих странах.

В результате для пролетариата возникает окружающий общественный мир, мир, который придает спонтанным массовым движениям, даже в том случае, если последние, взятые сами по себе, предположительно сохраняют свою прежнюю специфику, совершенно иную функцию в общественной тотальности, нежели та, какую они выполняли в условиях стабильного капиталистического порядка. Тут, однако, происходят весьма существенные количественные изменения в положении борющихся классов. Во-первых, еще более прогрессирует концентрация капитала, вследствие чего имеет место столь же сильная концентрация пролетариата, даже если он не в силах с точки зрения своей организации и своего сознания полностью следовать в русле такого развития. Во-вторых, кризисное состояние сокращает возможности для капитализма парировать натиск пролетариата мелкими уступками. Спасти от кризиса, найти его «экономическое» решение он способен только путем усиления эксплуатации пролетариата. Поэтому тактические тезисы III Конгресса Коминтерна

История и классовое сознание

справедливо подчеркивают, что «каждая крупная стачка имеет тенденцию превратиться в гражданскую войну и в непосредственную борьбу за власть».

Но она имеет всего лишь такую тенденцию. И если данная тенденция, несмотря на то, что во многих случаях налицо были экономические и общественные предпосылки ее осуществления, тем не менее не претворилась в действительность, то *связано это как раз с идеологическим кризисом пролетариата*. Этот идеологический кризис, с одной стороны, проявляется в том, что объективно крайне затруднительное положение буржуазного общества отражается в головах пролетариев все же в форме его прежней солидности; в том, что пролетариат очень во многом все еще остается в плену мыслительных и эмоциональных форм капитализма. С другой стороны, этот буржуазный налет на пролетариате получает свою собственную организационную форму в виде меньшевистских рабочих партий и подчиненной им профсоюзной верхушки. И вот эти организации сознательно способствуют тому, чтобы голую спонтанность движений пролетариата (их зависимость от непосредственных поводов возникновения, их раздробленность по профессиям, странам и т.д.) задержать на ступени голый спонтанности и воспрепятствовать их переходу на позиции, подразумевающие направленность на целое, как в плане территориального, профессионального и т.д. сплочения, так и в плане соединения экономического движения с политическим. При этом профсоюзы скорее берут на себя функции атомизации, деполитизации движения, сокрытия его соотношения с целым; в то время как призыванием меньшевистских партий скорее является идеологическая и организационная фиксация овещствления в сознании пролетариата, его удержание на ступени относительной буржуазности. Эту свою функцию они, однако, способны выполнить только при наличии идеологического кризиса пролетариата. Ведь и с точки зрения теории для пролетариата является невозможным идеологическое вращение в диктатуру и социализм; ведь кризис, происходящий одновременно с экономическим потрясением капитализма, стало быть, означает также идеологическое изменение пролетариата, выросшего при капитализме, под влиянием форм жизни буржуазного общества. Такое идеологическое изменение, которое хотя и происходит вследствие экономического кризиса и открываемого им объективных возможностей захвата власти, но ход которого отнюдь не является автоматически и «законосообразно» параллельным самому объективному кризису. *Разрешение последнего может быть только свободным деянием самого пролетариата*.

Ленин высмеивал представление, которое он брал хотя и в его карикатурно преувеличенной по форме, но верной по существу трактовке, будто в каком-то месте соберется войско на линии фронта и провозгласит: «Мы за социализм», а в другом месте другое войско провозгласит: «Мы за империализм!» – и это станет социальной революцией¹¹. Линия фронта между революцией и контрреволюцией, напротив, является крайне изменчивой и во многом хаотичной. Так, силы, которые сегодня воюют за революцию, завтра очень легко могут оказаться по другую сторону фронта. И, что особенно важно, эти перемены направлений от-

Методологические заметки к вопросу...

нюдь не следуют просто и механически из классового положения и даже из идеологии самого данного слоя, решающее влияние на них оказывают постоянно изменяющиеся отношения к тотальности исторического положения и общественных сил. Так что никакой особой парадоксальности нет в утверждении, что, например, группировка Кемаля Паши (при определенных обстоятельствах) является более революционной, а крупная «рабочая партия» – контрреволюционной. Среди моментов, задающих такую [политическую] направленность [движения], фактором первостепенного ранга является истинное познание пролетариатом своего собственного исторического положения. Ход русской революции 1917 года показывает это прямо-таки классическим образом: он показывает, каким образом лозунги мира, права наций на самоопределение, радикального решения аграрного вопроса создали из слоев, которые сами по себе склонны к колебаниям, годное для революции войско и полностью дезорганизовали, сделали недееспособными все властные институты контрреволюции. К этому мало что добавляет констатация, что аграрная революция, движение за мир произошли бы, дескать, и без коммунистической партии и даже вопреки ей. Во-первых, это абсолютно недоказуемо; против этого свидетельствует, например, поражение аграрного движения в Венгрии, которое вспыхнуло так же спонтанно; при «объединении» (при достижении контрреволюционного единства) всех «авторитетных рабочих партий», вероятно, и в России были бы возможными поражение или спад аграрного движения. Во-вторых, «то же самое» аграрное движение, если бы оно утвердилось вразрез с городским пролетариатом, приобрело бы враждебный к социальной революции, контрреволюционный характер. Уже один этот пример показывает, в сколь малой мере можно судить о группировке общественных сил в остро кризисных ситуациях социальной революции, отправляясь от механистических-фаталистических закономерностей. Обнаруживается, какое решающее значение на чаше весов имеют правильное понимание и правильное решение пролетариата, как сильно зависит от самого пролетариата разрешение кризиса. При этом следует заметить, что положение в России в сравнении с западными странами было относительно простым; что массовые движения там еще чаще выказывали чисто спонтанный характер; что организационное единство противоборствующих сил не имело уходящих в прошлое корней и т.д. Так что без боязни впасть в преувеличение можно сказать, что вышеустановленные определения справедливы для западных стран в *еще больших масштабах*. В еще больших постольку, поскольку слаборазвитость России, отсутствие долгой легальной традиции рабочего движения, не говоря уже о фактическом наличии коммунистической партии – все это открыло перед российским пролетариатом возможность скорого преодоления идеологического кризиса¹².

Так развитие экономических сил капитализма перекладывает на плечи пролетариата решение судеб общества. Энгельс называет тот переход, который человечество совершит после грядущего здесь революционного переворота, «скачком человечества из царства необходимости в царство свободы»¹³.

Для сторонника диалектического материализма само собою разумеется

История и классовое сознание

то, что данный скачок, однако, – несмотря на то или вследствие того, что он является скачком, – по сути своей представляет собой *процесс*. Ведь Энгельс в данной связи говорит о том, что изменения в этом направлении будут идти с всевозрастающим размахом. Встает вопрос, а где будет находиться *начальный пункт* этого процесса? Первое, что приходит на ум, это последовать буквальному смыслу слов Энгельса и просто передвинуть царство свободы как состояние в эпоху, следующую за свершившейся социальной революцией, и тем самым отказать вопросу во всякой актуальности. Но, спрашивается, действительно ли вопрос исчерпывается данным утверждением, которое, несомненно, соответствует буквальному смыслу слов Энгельса? Спрашивается, является ли всего только мыслимым, не говоря уже, – исторически осуществимым, такое состояние, которое не подготовлено длительным, ведущим к нему *процессом*, содержащим и развивающим в себе элементы этого состояния, пусть в не вполне адекватной, требующей диалектических переходов форме? И не обнаруживает ли, стало быть, резкое, исключаящее диалектические переходы, отделение «царства свободы» от процесса, который призван вызвать его к жизни, утопическую структуру сознания, сходную с той, какая свойственна уже рассмотренному отделению конечной цели от движения?

Но если «царство свободы» рассматривается в связи с процессом, который к нему ведет, то не остается сомнений в том, что уже первое историческое выступление пролетариата – конечно, во всех отношениях неосознанно – имеет в себе интенцию на это «царство». Конечная цель пролетарского движения, сколь бы мало она ни была в состоянии повлиять непосредственно на отдельные стадии такого движения на его ранней стадии, тем не менее в качестве принципа, в качестве точки зрения единства не может быть совсем отрешена ни от одного из моментов процесса. Нельзя, однако, забывать и о том, что период решающих битв отличается от предшествующих периодов не только размахом и интенсивностью самих этих битв, но и тем, что это количественное увеличение выступает в качестве симптоматики глубоких качественных различий, которые отделяют эти битвы от прежних. Если на прежней ступени, по словам «Коммунистического манифеста», даже «сплочение пролетарской массы было следствием не собственного объединения рабочих, а следствием объединения буржуазии», то подобная автономизация, подобная «организация в класс» повторяется на все более высоком уровне до того момента, когда наступает период окончательного кризиса капитализма – эпоха, в которую его разрешение все больше становится делом рук пролетариата.

Такое положение вещей отнюдь не равносильно прекращению функционирования объективных экономических «закономерностей». Напротив. Они остаются в силе еще долгое время после победы пролетариата и отмирают, подобно государству, только с возникновением бесклассового общества, полностью стоящего под человеческим контролем. Новизна сегодняшнего положения равносильна лишь – лишь! – тому, что слепые силы капиталистического экономического развития толкают общество в пропасть, что теперь буржуазия

Методологические заметки к вопросу...

уже не в силах сдвинуть общество с «мертвой точки» его экономических законов после коротких колебаний; что теперь, вразрез с этим, именно пролетариат получает *возможность*, сознательно используя наличные тенденции развития, придать самому развитию *другое направление*. И таким другим направлением является сознательное регулирование производительных сил общества. Когда имеет место сознательная воля к этому, имеет место воля к «царству свободы»; делается первый сознательный шаг на пути его осуществления.

Впрочем, этот шаг «необходимо» следует из классового положения пролетариата. Однако сама эта необходимость имеет характер скачка¹⁴. *Практическое* отношение к целому, действительное единство теории и практики, которые были присущи действиям пролетариата в прошлом, так сказать, бессознательно, здесь обнаруживаются ясно и *сознательно*. Также на более ранних стадиях развития акции пролетариата часто скачкообразно увлекались на такую высоту; ее взаимосвязь и преемственность с предшествующим развитием впервые осознавалась и могла быть понята как необходимый продукт развития лишь задним числом. (Достаточно вспомнить только о государственной форме Парижской Коммуны 1871 года). Но тут пролетариат должен осуществить этот шаг сознательно. Не удивительно, что все пленники мыслительных форм капитализма страшатся этого скачка, со всей энергией своего мышления цепляются за необходимость, за «закон повторения» явлений, понимаемый как «естественный закон», и отрицают все принципиально новое, о чем у нас не может быть никакого «опыта», как нечто невозможное. Наиболее четко данное расхождение после того как оно было затронуто уже в дебатах о войне, было подчеркнуто Троцким в его полемике с Каутским. «Ибо фундаментальный большевистский предрассудок состоит как раз в том, что скакать на лошади может научиться только тот, кто крепко на ней сидит»¹⁵. Но Каутский и ему подобные имеют значимость лишь в качестве симптомов положения дел: как теоретическое выражение идеологического кризиса рабочего класса, как момент его развития, когда он вновь пугается неопределенной чудовищности своих собственных целей, своей задачи. Он способен взять на себя ее выполнение и взять лишь в этой сознательной форме только при том условии, что он не желает погибнуть вместе с буржуазией в руинах ведомого кризисом к своему краху капитализма, погибнуть бесславно и мучительно.

3.

Если меньшевистские партии являются организационным выражением этого идеологического кризиса пролетариата, то коммунистическая партия, со своей стороны, есть организационная форма сознательного приступа к этому скачку и, таким образом, первый *сознательный* шаг к царству свободы. Но точно так же, как выше было прояснено само общее понятие царства свободы и было показано, что его приближение никоим образом не означает, что внезапно прекращается действие объективных необходимостей экономического про-

История и классовое сознание

цесса, так и тут следует также ближе рассмотреть теперь это отношение коммунистической партии к грядущему царству свободы. Прежде всего, следует констатировать: свобода не равносильна здесь свободе индивида. Отсюда не следует, что развитое коммунистическое общество не будет знать свободы индивида. Напротив. Оно станет первым обществом в истории человечества, которое принимает всерьез требование свободы индивида и осуществляет его на деле. Но эта свобода отнюдь не будет подразумеваемой сегодня идеологами буржуазного класса свободой. Чтобы завоевать общественные предпосылки действительной свободы, надо пройти через битвы, в которых погибнет не только современное общество, но также продуцированный им человеческий род. Маркс заявляет: «Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира»¹⁶. Ибо «свобода» современного человека есть свобода индивида, изолированного овеществленной и овеществляющей собственностью: это свобода *против* других (столь же изолированных) индивидов. Это свобода эгоизма, самозамкнутости; свобода, в поле зрения которой солидарность и взаимосвязь попадают лишь в качестве недействительно «регулятивной идеи»¹⁷. Желать претворить в жизнь эту свободу – значит практически отказываться от реального осуществления действительной свободы. Ценить эту «свободу», которую дает отдельным индивидам их общественное положение или внутренние качества, – значит, по логике вещей, практически увековечивать несвободную структуру сегодняшнего общества, поскольку она зависит от данного индивида.

Сознательная воля к царству свободы, следовательно, может быть лишь сознательным совершением тех шагов, которые фактически к нему ведут. Совершением в сознании того, что свобода в современном буржуазном обществе может быть лишь коррумпированной и коррумпирующей, ибо не солидарно базирующейся на несвободе других, может быть лишь привилегией, что как раз и означает отказ от индивидуальной свободы. Это означает сознательное подчинение себя той совокупной воле, которая действительно способна претворить в жизнь действительную свободу, которая сегодня всерьез делает первые, тяжелые, неуверенные, пробные шаги по направлению к ней. Эта сознательная совокупная воля есть коммунистическая партия. И как всякий момент диалектического процесса, и она также, конечно, лишь в зародыше, в примитивной, абстрактной и неразвитой форме содержит в себе те определения, которые присущи цели, какую она призвана осуществить: свободу в ее единстве с солидарностью. Общим знаменателем этих моментов является *дисциплина*. Не только потому, что только благодаря этой дисциплине партия способна стать активной совокупной волей, в то время как введение в любой форме буржуазного понятия свободы препятствует возникновению такой совокупной воли и превращает партию в аморфный, недееспособный агрегат отдельных личностей. Но именно потому, что также для индивида означает первый шаг к возможной сегодня, – конечно, в соответствии с состоянием общественного развития все еще

Методологические заметки к вопросу...

весьма примитивной, – свободе, которая заключается в устремленности к преодолению современности.

Что всякая коммунистическая партия по сути своей представляет собой более высокий тип организации, нежели любая буржуазная партия или партия оппортунистическая рабочая, тотчас же проявляется в более высоких требованиях, которые она предъявляет к своим отдельным членам. Это ясно проявилось уже во время первого раскола российской социал-демократии. В то время как меньшевики (подобно каждой по сути буржуазной партии) считали достаточным для членства в партии просто признание партийной программы, для большевиков быть членом партии – значило активно, лично участвовать в революционной работе. Этот принцип партийной структуры не претерпел изменений в ходе революции. Организационные тезисы III Конгресса Коминтерна констатируют, что признание партийной программы есть лишь изъявление воли быть коммунистом; а для серьезного проведения программы нужно в качестве первого условия привлечение всех членов партии к постоянному, повседневному сотрудничеству. Конечно, этот принцип вплоть до сегодняшнего дня во многом остался лишь принципом. Но это ничего не меняет в его основополагающем значении. Подобно тому как царство свободы не может быть подарено нам одним махом, до известной степени как *gratia irresistibilis*, подобно тому, как «конечная цель» не ожидает нас где-то вовне процесса, но процессуально присуща каждому моменту процесса, точно так же коммунистическая партия как форма революционного сознания пролетариата также есть нечто процессуальное. Роза Люксембург очень верно поняла то, что «организация должна возникнуть как продукт борьбы». Она лишь переоценила органический характер этого процесса и недооценила значение сознательного, сознательно-организаторского элемента в нем. Однако уяснение этой ошибки нельзя преувеличивать до совершенного игнорирования процессуальности в организационных формах. Ибо, несмотря на тот факт, что для нероссийских партий (поскольку они могли использовать российский опыт) принципы этой организации с самого начала были чем-то самоочевидным, но процессуальность их возникновения и роста нельзя было попросту перекрыть никакими организационными мероприятиями. Правильные организационные мероприятия, правда, способны чрезвычайно ускорить этот процесс, могут оказать величайшую услугу прояснению сознания и поэтому стать неотъемлемой предпосылкой возникновения организации. Но коммунистическая организация может быть все-таки выработана только в борьбе, осуществлена только благодаря тому, что правильность и необходимость именно этой формы сплочения осознается каждым отдельным членом партии на собственном опыте.

Речь идет, стало быть, о взаимодействии между спонтанностью и сознательным регулированием. Само по себе это отнюдь не является чем-то новым в развитии организационных форм. Напротив. Это – типичный способ возникновения новых организационных форм. Энгельс, например, описывает, как известные формы военных действий спонтанно утвердились вследствие объек-

История и классовое сознание

тивной необходимости целесообразной деятельности, исходя из непосредственных инстинктов солдат, без теоретической подготовки, и даже вопреки существовавшей тогда теоретической установке, то есть также вопреки существовавшим формам военной организации, и только задним числом были зафиксированы организационно¹⁸. Новое в процессе образования коммунистических партий заключается лишь в изменении соотношения спонтанной деятельности и сознательного, теоретического предвидения, в постепенном исчезновении, в постоянном преодолении чистой, с печатью *post festum*, структуры буржуазного, овеществленного, сугубо «созерцательного» сознания. Такое изменение соотношения основано на том, что на этой ступени развития для классового сознания пролетариата уже наличествует *объективная возможность* постижения уже не *post festum* собственного классового положения и соответствующего ему правильного действия. Хотя *для каждого отдельного рабочего*, вследствие овеществления его сознания, путь к достижению – объективно возможного – классового сознания, к внутренней установке, при наличии которой он вырабатывает для себя классовое сознание, тоже может вести лишь через достигаемую задним числом ясность относительно своего собственного непосредственного опыта; хотя, стало быть, психологическое сознание сохраняет для каждого индивида свой характер *post festum*. Это противоборство индивидуального сознания и классового сознания в каждом отдельном пролетарии является отнюдь не случайным. Ибо то обстоятельство, что коммунистическая партия есть более высокая организационная форма сравнительно с другими партийными организациями, проявляется именно в том, что в ней – и в ней впервые в истории – приобретает значимость активно-практический характер классового сознания как, с одной стороны, *непосредственно* влияющего на отдельные действия каждого индивида принципа, а, с другой стороны и одновременно, как *сознательно* соопределяющего историческое развитие фактора.

Это двойное значение активности, ее одновременное отношение к отдельному носителю пролетарского классового сознания и к ходу истории, то есть *конкретное опосредствование между человеком и историей*, является решающим для типа возникающей тут формы организации. Для старого типа партийной организации – все равно, идет ли речь при этом о буржуазных партиях или об оппортунистических рабочих партиях – индивид может фигурировать лишь как «масса», как последователь, как номер. Макс Вебер очень верно определяет этот тип организации: «Для всех них общим является то, что к ядру персон, в чьих руках находится активное руководство, <...> примыкают «члены» с намного более пассивной ролью, в то время как масса членов корпорации играет лишь роль объекта»¹⁹. Эта роль объекта не снимается, а напротив, фиксируется и увековечивается формальной демократией, «свободой», которые могут господствовать в организации. «Ложное сознание», объективная неспособность вторгнуться сознательной деятельностью в ход истории организационно выражаются в неспособности образовывать активные политические единства (партии), которые призваны посредствовать между деятельностью каждого от-

Методологические заметки к вопросу...

дельного члена и активностью целого класса. Поскольку эти классы и партии в объективном историческом смысле не являются активными, поскольку их мнимая активность может быть только рефлексом их фаталистической покорности непостижимым историческим силам, постольку в них должны иметь место все явления, которые проистекают из разделенности между сознанием и бытием, между теорией и практикой, из структуры овеществленного сознания. Это значит, что как совокупные комплексы они относятся к ходу развития чисто *созерцательно*, контемплитивно. В соответствии с этим в них необходимо выступают обе взаимосвязанные, всегда фигурирующие одновременно, одинаково ложные концепции хода истории: волюнтаристическое гипертрофирование активного значения индивида (фюрера) и фаталистическая недооценка значения класса (массы). Партия разделяется на активную и пассивную часть, причем последняя может быть приведена в движение только от случая к случаю и всегда лишь по команде первой. «Свобода», которой в таких партиях должны обладать их члены, сообразно с этим является не чем иным как свободой обсуждения фатально накатывающихся событий или ошибок отдельных лиц *зрителями*, которые соучаствуют в этом в большей или меньшей степени, но никогда не захватываются сердцевиной своего существования, всей своей личностью. Ибо совокупная личность членов партии никогда не охватывается подобными организациями, они даже никогда не стремятся к этому охвату. Подобно всем другим формам «цивилизации», такие организации также основаны на точнейшем, механизированном разделении труда, на бюрократизации, на точном расчете и разделении прав и обязанностей. Члены партии взаимосвязаны с организацией лишь абстрактно понятой частью своего существования, и такие абстрактные взаимосвязи объективируются как раздельные права и обязанности²⁰.

Действительно активное участие во всех событиях, действительно практическое поведение всех членов организации возможно только путем включения совокупной личности. Только когда деятельность в некоей общности становится центральным личным делом каждого отдельного участника, могут быть сняты разделение прав и обязанностей, эта организационная форма проявления отделения человека от своего собственного обобществления, его раздробления общественными силами, которые над ним господствуют. При описании родового общества Энгельс очень резко подчеркивает именно это различие: «Внутри родового строя еще не существует никакого различия между правами и обязанностями»²¹. Согласно Марксу, однако, особой отличительной чертой правового отношения является то, что «по своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды <...> могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения <...> и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального»²². Стало быть, всякое человеческое отношение, которое порывает с этой структурой, с абстрагированием от совокупной личности человека, с его подведением под некую абстрактную точку зрения, является

История и классовое сознание

шагом вперед в преодолении такого овеществления человеческого сознания. Но подобный шаг предполагает *деятельное включение совокупной личности*. Тем самым становится очевидным, что формы свободы в буржуазных организациях суть не более чем «ложное сознание» фактической несвободы; это значит, – не более чем такая структура сознания, при которой человек формально свободно рассматривает свою вовлеченность в систему сущностно чуждых необходимостей и смешивает с действительной свободой формальную «свободу» такой контемпляции. Только с пониманием этого снимается мнимая парадоксальность нашего предшествующего утверждения: а именно, что дисциплина коммунистической партии, безусловное растворение совокупной личности каждого ее члена в практике движения есть единственно возможный путь к осуществлению истинной свободы. Причем не только для общности, которая только благодаря такой форме организации приобретает инструмент для достижения объективных общественных предпосылок этой свободы, но также для отдельного индивида, для отдельного члена партии, который лишь на этом пути может добиться свободы также и для себя самого. Вопрос о дисциплине, следовательно, является, с одной стороны, элементарно практическим вопросом для партии, неотъемлемой предпосылкой ее действительно функционирования; но с другой стороны, это не есть чисто технический, практический вопрос, а есть один и высочайших и важнейших *духовных* вопросов революционного развития. Такая дисциплина, которая может возникнуть только как свободное деяние сознательной части, авангарда революционного класса, не может быть осуществлена без своих духовных предпосылок. Без познания, по меньшей мере инстинктивного, этой взаимосвязи между совокупной личностью и партийной дисциплиной для каждого отдельного члена партии эта дисциплина неизбежно застывает и превращается в овеществленную и абстрактную систему прав и обязанностей, которая вызывает в партии рецидивы организационного типа буржуазного партийного хозяйства. Таким образом, становится понятным то, что организация, с одной стороны, объективно выказывает величайшую чувствительность к революционной ценности или бесполезности теоретических воззрений и направлений; и что, с другой стороны, субъективно революционная организация предполагает очень высокий уровень классового сознания.

4.

Насколько важно видеть ясно в теории это отношение коммунистической партийной организации к своим отдельным членам, настолько же пагубно было бы останавливаться на этом, брать вопрос об организации с формально-этической стороны. Ибо описанное тут отношение индивида к совокупной воле, которой он подчиняется всей своей личностью, никоим образом не присуще только одной коммунистической партии, но, напротив, было существенным признаком многих утопических сект. Некоторые секты способны даже более зримо и отчетливо, нежели коммунистическая партия, обнаружить эту формаль-

Методологические заметки к вопросу...

но-этическую сторону вопроса об организации – именно потому, что они понимали такое подчинение как единственный или, по меньшей мере, как просто решающий принцип, а не как всего лишь один из моментов проблемы организации *в целом*. В своей формально-этической односторонности данный принцип сам себя снимает: его правильность, которая знаменует собой не уже достигнутое и наполненное бытие, а лишь *верную направленность* на подлежащую реализации цель, прекращает быть чем-то правильным вместе с ликвидацией правильного отношения к историческому процессу в целом. Поэтому при разработке соотношения между индивидом и организацией решающий перевес был отдан сущности партии как конкретного принципа опосредствования между человеком и историей. Ибо поскольку сплоченная в партии совокупная воля выступает как активный и сознательный фактор общественного развития, который подобно с этим находится в постоянном живом взаимодействии с процессом общественных изменений, вследствие чего отдельные члены партии также вступают в живое взаимодействие с этим процессом и его носителем, революционным классом, поскольку требования, которые, исходя из этого, предъявляются к индивиду, утрачивают свой формально-этический характер. Поэтому Ленин при обсуждении вопроса о том, на чем держится дисциплина коммунистической партии, поставил на первый план наряду с преданностью членов партии ее отношение к массам и правильность ее политического руководства²³.

Три эти момента неотделимы друг от друга. Формально-этический подход, свойственный сектам, оказывается несостоятельным именно потому, что он не в состоянии постичь единство этих моментов, живое взаимодействие между партийной организацией и неорганизованными массами. Любая секта, как бы отрицательно она ни вела себя по отношению к буржуазному обществу, как бы глубоко она ни была – субъективно – убеждена в том, что ее отделяет пропасть от этого общества, обнаруживает именно в этом пункте, что по сути своего понимания истории она все еще стоит на буржуазной почве; что, соответственно с этим, структура ее собственного сознания близка буржуазной. Это сродство в конечном счете может быть сведено к аналогичной концепции дуализма бытия и сознания; к неспособности понять их единство как диалектический процесс, как *подлинный* процесс истории. С этой точки зрения безразлично, понимается ли объективно наличное диалектическое единство в его ложном, сектантском отражении как косное бытие или равным образом как косное небытие; приписывается ли массам безусловно и мифологически правильное видение революционной деятельности или же отстает концепция, в соответствии с которой «сознательное» меньшинство действует за «бессознательную» массу. Оба крайних случая, которые привлечены здесь в качестве примеров, поскольку даже беглое рассмотрение типологии сект выходит далеко за рамки данного изложения, – оба крайних случая сходятся между собой и с буржуазным сознанием в том, что в них действительный исторический процесс рассматривается отдельно от развития сознания «массы». Если секта действует за «бессознательную» массу, на ее месте, в ее представительство, то она

История и классовое сознание

превращает в перманентность исторически необходимое и потому диалектическое, организационное отделение партии от массы. Если же она, напротив того, пытается без остатка раствориться в спонтанном, инстинктивном движении массы, то она должна классовое сознание пролетариата уравнивать с сиюминутными мыслями, чувствами и т.д. масс, утрачивая тем самым всякий критерий объективной оценки правильности деятельности. Она подпадает под власть буржуазной дилеммы «волонтаризм или фатализм». Она становится на позицию, с которой невозможно судить ни об объективных, ни о субъективных этапах исторического развития. Она вынуждена либо безмерно переоценивать, либо столь же безмерно недооценивать организацию. Она должна рассматривать вопрос об организации в отрыве, изолированно от общих, практическо-исторических, стратегическо-тактических вопросов.

Ибо в качестве критерия правильности соотношения партии и класса и в качестве маяка может выступать лишь классовое сознание пролетариата. С одной стороны, реальное, объективное единство классового сознания образует основание диалектической связи в организационном отделении партии от класса. С другой стороны, не единое наличное бытие, разные уровни ясности и глубины этого классового сознания у разных индивидов, групп и слоев пролетариата обуславливают необходимость организационного обособления партии от класса. Поэтому Бухарин с полным правом подчеркивает, что при внутренне едином классе образование партии было бы чем-то излишним²⁴. Вопрос состоит лишь в том, соответствуют ли организационная самостоятельность партии, отрешение этой части от класса в целом объективным различиям, связанным с расслоением самого класса, или партия отделяется от класса только вследствие развития ее сознания, вследствие ее обусловленности развитием сознания членов партии и ее обратным воздействием на таковое? Естественно, было бы глупо совершенно игнорировать объективно-экономическое расслоение внутри пролетариата. Но нельзя забывать о том, что это расслоение никоим образом не основывается только на объективной дифференциации, аналогичной той, что объективно-экономически определяет деление на классы. Подобное расслоение не может даже фигурировать как подвид, следующий принципам такого деления. И когда Бухарин, например, подчеркивает, что «крестьянин, который только что поступил на фабрику, есть нечто иное, нежели рабочий, который трудится на фабрике с молодых ногтей»²⁵, то это хотя и «бытийное» различие, но оно обретается в совершенно иной плоскости, чем другое – также отмеченное Бухариным – различие: между рабочим современного крупного предприятия и рабочим мелкой мастерской. Ибо во втором случае речь идет об объективно различном положении в процессе производства, в то время как в первом случае изменилось лишь индивидуальное место в процессе производства (каким бы типичным оно ни было). Стало быть, в этом случае речь идет о том, как быстро сумеет данный индивид (или слой) сознательно приспособиться к своему новому месту в процессе производства, как долго психологические пережитки его прежнего, оставленного им позади классового положения будут тор-

Методологические заметки к вопросу...

мозить формирование его классового сознания. В то же время во втором случае ставится вопрос, достаточно ли могущественны классовые интересы, которые объективно-экономически вытекают из таких различных положений внутри пролетариата, чтобы вызвать дифференциацию внутри объективных классовых интересов целого класса. Здесь суть состоит в том, может ли само объективное, вмененное классовое сознание²⁶ мыслиться как дифференцированное, расслоенное, там речь идет лишь о том, какие – может быть, типичные – жизненные судьбы тормозят самоутверждение этого объективного классового сознания.

Очевидно, что лишь второй случай действительно имеет значение в теоретическом плане. Ибо оппортунизм, начиная с Бернштейна, постоянно стоял на следующем: с одной стороны, он изображал объективно-экономическое расслоение внутри пролетариата как такое же глубокое, [как классовое деление,] с другой стороны, он так сильно подчеркивал подобие в «жизненном положении» отдельных пролетарских, полупролетарских, мелкобуржуазных и т.д. слоев, что в этой «дифференциации» утрачивались единство и самостоятельность класса. (Герлицкая программа СДПГ является последним, уже ясным, переведенным в организационную плоскость выражением данной тенденции.) Само собой понятно, что именно большевикам органически чуждо игнорирование существования такой дифференциации. Вопрос заключается лишь в том, какого рода бытие, какая функция в тотальности общественно-исторического процесса присущи подобным различиям? В какой мере познание этой дифференциации ведет к (преимущественно) тактическим, а в какой мере – к (преимущественно) организационным постановкам вопросов и мероприятиям? Этот подход на первый взгляд кажется сугубым досужим умствованием. Но следует поразмыслить о том, что организационное сплочение – в смысле коммунистической партии – как раз и предполагает единство сознания, то есть единство лежащего в его основе общественного бытия, в то время как тактическое сотрудничество может быть вполне возможным, даже необходимым, тогда, когда исторические обстоятельства у различных классов, чье общественное бытие объективно является различным, вызывают к жизни движения, которые, будучи продиктованы самыми разнородными причинами, тем не менее с точки зрения революции временно устремляются в одном направлении. Но если объективное общественное бытие действительно является различным, то эти однонаправленные движения не могут быть «необходимыми» в том же самом смысле, что и при одинаковой классовой основе. Это лишь означает, что в первом случае одинаковая направленность является общественной необходимостью, чью реализацию, правда, могут эмпирически затруднить разные обстоятельства, но которая в перспективе обязательно должна осуществиться, в то время как во втором случае эту конвергенцию направлений движения вызвала только комбинация различных исторических обстоятельств. Это – милость обстоятельств, которую надо тактически использовать, иначе она будет утрачена, может быть, безвозвратно. Конечно, и возможность подобного сотрудничества пролетариата и полупролетарских слоев и т.д. совсем не случайна. Но его не-

История и классовое сознание

обходимость основывается только на классовом положении пролетариата: поскольку пролетариат способен освободить себя только путем уничтожения классового общества, постольку он вынужден вести свою освободительную борьбу также за все угнетенные, эксплуатируемые слои. Но будут ли последние в отдельных битвах стоять на его стороне или перейдут в лагерь его противников, с точки зрения этих слоев с неясным классовым сознанием является более или менее «случайным». Как было показано выше, это очень сильно зависит от правильной тактики революционной партии пролетариата. Стало быть, тут, где общественное бытие действующих классов является различным, где их связь опосредствована только всемирно-исторической миссией пролетариата, в интересах революционного развития может быть лишь – в теории всегда случайное, а на практике зачастую длительное – тактическое сотрудничество при строгом организационном разделении. Ибо приход полупролетарских и т.д. слоев к пониманию того, что их освобождение зависит от победы пролетариата, является столь продолжительным процессом, а указанные слои подвержены столь большим колебаниям, что выходящее за рамки тактики сотрудничество могло бы стать опасным для судьбы революции. Теперь становится понятным, отчего надо было так остро ставить наш вопрос: присуща ли расслоению внутри самого пролетариата сходная (хотя и выраженная более слабо) градация объективного общественного бытия, классового положения и в соответствии с этим – объективного, вмененного сознания? Или это расслоение возникает только в зависимости от того, легко либо трудно утверждается это истинное сознание класса в отдельных пролетарских слоях, группах и индивидах? Следовательно, определяют ли эти – несомненно, наличествующие – градации в жизненном положении пролетариата только перспективу, в которой будут рассматриваться – несомненно, обнаруживающиеся различия – сиюминутные интересы, а сами интересы, однако, не только во всемирно-историческом, но и в актуальном и непосредственном плане, хотя для каждого рабочего они не являются познаваемыми в каждый момент, – *сами интересы объективно совпадают?* Или сами эти интересы, из-за объективных различий в общественном бытии, могут расходиться?

Коль скоро вопрос ставится таким образом, то в ответе можно уже не сомневаться. Слова «Коммунистического манифеста», которые почти буквально были воспроизведены в тезисах «О роли коммунистической партии в пролетарской революции» II Конгресса Коминтерна, согласно которым «коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями движения в целом»²⁷, – эти слова лишь тогда понятны и осмысленны, когда утверждается единство общественно-экономического бытия для пролетариата. Но тогда то расслоение пролетариата, которое ведет к формированию различных рабочих пар-

Методологические заметки к вопросу...

тий, к возникновению коммунистической партии, является не объективно-экономическим расслоением пролетариата, а градацией развитости его классового сознания. Отдельные слои рабочих так же мало непосредственно предустановлены своим экономическим существованием к тому, чтобы стать коммунистами, как мало отдельный рабочий рождается коммунистом. Каждый рожденный в капиталистическом обществе и выросший под его влиянием рабочий должен пройти путь более или менее трудных испытаний, чтобы суметь реализовать в самом себе правильное сознание своего собственного классового положения.

Коммунистическая партия борется за классовое сознание пролетариата. Ее организационное отделение от класса в данном случае отнюдь не означает, что она *вместо самого класса борется за интересы класса*. (Подобно тому, как это делали бланкисты). Если она и делает то, что порой случается в ходе революции, то это происходит в первую очередь не ради объективных целей данной битвы (в долгосрочной перспективе они так или иначе могут быть завоеваны или оправданы только самим классом), но во имя стимулирования и ускорения процесса развития классового сознания. Ибо процесс революции – в историческом масштабе – равнозначен процессу развития пролетарского классового сознания. Организационное отрешение коммунистической партии от широкой массы самого класса основано на расчленении класса в соответствии с различиями в развитости сознания; но оно предназначено для того, чтобы способствовать сглаживанию этого расслоения – на достижимом максимально высоком уровне. Организационная самостоятельность коммунистической партии необходима для того, чтобы пролетариат мог непосредственно видеть свое собственное классовое сознание как историческое образование; чтобы в каждом событии повседневной жизни ясно и понятно для каждого рабочего проявлялась та позиция, которую требует интерес класса в целом; чтобы у всего класса было поднято до сознания его собственное существование в качестве класса. В сектантской форме организации «правильное» классовое сознание (поскольку оно вообще способно теплиться при такой абстрактной изоляции) искусственно обособляется от жизни и развития класса, в то время как оппортунистическая форма организации означает нивелирование этого расслоения сознания на самом низком уровне или, в лучшем случае, на уровне среднем. Само собой понятно, что данные фактические действия класса во многом определяются подобным средним уровнем. Но поскольку этот средний уровень не есть нечто такое, что было бы определимо статически и статистически, а со своей стороны является следствием революционного процесса, постольку столь же самоочевидно и то, что организационная опора на предназначенный средний уровень ведет к торможению развития этого процесса, и даже к понижению его уровня. В то же время ясная разработка максимальной возможности, которая объективно дана в определенный момент, то есть организационной самостоятельности сознательного авангарда, сами являются средством выравнивания разрыва между этой объективной возможностью и фактическим средним уровнем состояния сознания, – выравнивания, которое идет на пользу революции.

История и классовое сознание

Организационная самостоятельность является бессмысленной и отбрасывает назад к сектантству, если она не означает одновременно непрерывного *тактического* учета состояния сознания самых широких, самых отсталых масс. Здесь становится зримой функция правильной теории в решении проблемы организации коммунистической партии. Она должна представлять высшую, объективную возможность пролетарской деятельности. Но неотъемлемой предпосылкой для этого является правильное теоретическое понимание. Гораздо меньшую чувствительность, нежели коммунистическая организация, к последствиям ложной теории выказывает оппортунистическая организация, поскольку она является более или менее шатким соединением гетерогенных составных частей для чисто случайных действий, поскольку ее действия будут сдвинуты [в другую колею] расторможенными движениями масс гораздо быстрее, чем партия окажется действительно способной ими руководить; поскольку организационное сплочение партии является, в сущности, иерархией вождей и функционеров с фиксированным механическим разделением труда. (Другой вопрос, что непрерывное ложное применение ложных теорий так или иначе должно повести к краху партии). Как раз глубоко практический характер коммунистической организации, ее сущность как борющейся партии предполагает, с одной стороны, верную теорию, поскольку в ином случае она очень скоро потерпит поражение из-за последствий ложной теории; с другой стороны, эта форма организации производит и воспроизводит правильное теоретическое понимание, когда она сознательно и организационно усиливает восприимчивость организационной формы к последствиям некоторой теоретической установки. Дееспособность и способность к самокритике, к самокоррекции, к дальнейшему теоретическому развитию, стало быть, находятся в нерасторжимой взаимосвязи. Также и в теоретическом плане коммунистическая партия не замещает пролетариат. Коль скоро его классовое сознание, соотносительно с мышлением и деятельностью всего класса, является чем-то процессуальным и текучим, то это должно отразиться в организационном облике этого классового сознания, в коммунистической партии. Лишь с тем отличием, что тут организационно объективирована более высокая ступень сознания: более или менее хаотическим подъемам и падениям в развитии сознания самого класса, смене прорывов, в которых приоткрывается далеко превосходящая всякое теоретическое предвидение зрелость классового сознания, полупролетарскими состояниями неподвижности, бескрайнего терпения, исключительно подземного дальнейшего развития, – всему этому противостоит здесь сознательное акцентирование отношения «конечной цели» к актуальному и необходимому сегодня действию²⁸. Процессуальное, диалектическое в классовом сознании, следовательно, в теории партии становится сознательно применяемой диалектикой.

Это непрерывное диалектическое взаимодействие между теорией, партией и классом, эта направленность теории на непосредственные потребности класса вместе с тем отнюдь не означают растворения партии в массе пролетариата. Дебаты о едином фронте обнаружили почти у всех противников этой

Методологические заметки к вопросу...

тактики нехватку диалектического постижения, нехватку понимания действительной функции партии в развитии сознания пролетариата. Вообще не говорю о тех недоразумениях, когда единый фронт мыслился как немедленное организационное воссоединение пролетариата. Но боязнь, что партия в результате слишком большого приближения к мнимо «реформистским» текущим лозунгам, в результате тактического сотрудничества по конкретному поводу с оппортунистами может утратить свой коммунистический характер, показывает, что в широких кругах коммунистов еще недостаточно упрочилось доверие к правильной теории, к самопознанию пролетариата как познанию его объективного положения на определенной ступени исторического развития, к диалектическому присутствию «конечной цели» в каждом революционно выдержанном текущем лозунге. Эта боязнь, далее, показывает, что коммунисты все еще – сектантским образом – действуют за пролетариат, вместо того, чтобы своей деятельностью обязательно способствовать реальному процессу развития его классового сознания. Ибо такая способность коммунистической партии применяться к тем моментам в жизни класса, когда, по-видимому, начинает бродить верное классовое сознание, хотя и, наверное, в ложной форме, совсем не равносильно тому, что она якобы стремится теперь безусловно выполнять лишь сиюминутную волю масс. Напротив. Именно потому, что она стремится достичь высшего пункта объективно возможного для революционного дела (а сиюминутное волеизъявление масс зачастую есть важнейшая часть, важнейший симптом этого), она временами бывает вынуждена занять позицию вразрез с массами, указать им правильный путь посредством отрицания их теперешнего волеизъявления. Она бывает вынуждена считаться с тем, что верность ее подхода постигается массами только *post festum*, на собственном горьком опыте.

Но ни та, ни другая возможность сотрудничества с массами не должна превращаться в общую тактическую схему. Развитие пролетарского классового сознания (то есть развитие пролетарской революции) и развитие коммунистической партии ведь – с всемирно-исторической точки зрения – являются одним и тем же процессом. Следовательно, в повседневной практике они теснейшим образом взаимно обуславливают друг друга, *но их конкретный рост тем не менее не является одним и тем же процессом, он даже не способен когда-либо выказать далеко идущую параллельность одного и другого развития*. Ибо тот способ, каким разыгрывается данный процесс, та форма, в которой перерабатываются известные объективно-экономические изменения в сознании пролетариата, и прежде всего тот характер, который внутри этого развития приобретает взаимодействие между партией и классом, – все это не может быть сведено к схематическим «закономерностям». Пробуждение партии, ее внешняя, равно как и внутренняя консолидация происходят, конечно, не в вакууме сектантской изоляции, а в рамках исторической действительности, в непрерывном диалектическом взаимодействии с объективным экономическим кризисом и революционизированными им массами. Может статься, как это было, например, в России между двумя революциями, что ход развития предоставит пар-

История и классовое сознание

тии возможность еще до решающих битв доработаться до полной ясности. Но может случиться, как в некоторых странах Центральной и Западной Европы, что кризис так глубоко и так быстро революционизирует широкие массы, что они отчасти становятся коммунистическими еще до того, как завоюют внутренне, связанные с уровнем сознательности, предпосылки коммунистической организации; таким образом, возникают коммунистические массовые партии, которые только в процессе борьбы должны будут стать действительно коммунистическими партиями, и т.д. Сколь бы разветвленной ни была эта типология партийного строительства, сколь бы непреоборимой ни была в отдельных крайних случаях иллюзия насчет того, что коммунистические партии якобы органически и «закономерно» вырастают из экономического кризиса, но решающий шаг, сознательное, внутренне-организационное сплочение революционного авангарда, то есть действительное возникновение действительной коммунистической партии *остаются, тем не менее сознательным и свободным деянием самого этого сознательного авангарда*. В этом положении дел, если взять только два экстремальных случая, ничего не меняет то, разворачивается ли относительно небольшая, внутренне упроченная партия во взаимодействии с широкими слоями пролетариата в большую массовую партию или же из спонтанно возникшей массовой партии, после преодоления некоторых внутренних кризисов, получается коммунистическая массовая партия. Ибо теоретическая суть всех этих процессов тем не менее остается одной и той же: это преодоление идеологического кризиса, завоевание правильного, пролетарского классового сознания. С этой точки зрения для развития революции одинаково опасны как гипертрофирование данного фактора неизбежности подобного процесса и предположение, что какая-то тактика якобы способна вывести за их собственные рамки ряд акций, не говоря уже о ходе самой революции, путем их принудительного усугубления рамки и к намеченным далеким целям, так и роковая вера в то, что посредством наилучшей акции самая крупная и прекрасно организованная коммунистическая партия сможет добиться чего-то большего, нежели правильным образом возглавить пролетариат в его борьбе за достижение цели, к которой стремится он сам, пусть даже не вполне сознательно. Но, конечно, столь же неверно было бы и здесь брать понятие пролетариата чисто статическим и статистическим способом: Ленин говорил о том, что понятие массы изменяется именно в ходе борьбы. В интересах революции коммунистическая партия выступает как *самостоятельный образ* пролетарского классового сознания. Речь идет о том, чтобы правильно понять ее теоретически в этом двояком, диалектическом отношении: одновременно и как *образ* этого сознания, и как образ *этого сознания*, то есть одновременно в ее самостоятельности и ее субординированности.

5.

Это строгое, хотя и постоянно меняющееся, приспособленное к обстоятельствам разделение тактического и организационного сотрудничества в от-

Методологические заметки к вопросу...

ношениях между партией и классом приобретает как внутренняя проблема партии форму единства тактических и организационных вопросов. Что до этой внутренней жизни партии, в нашем распоряжении, конечно, в еще большей мере, чем применительно к обсуждавшимся выше вопросам, имеется чуть ли не единственно только опыт российской партии, ее действительные и сознательные шаги в направлении осуществления коммунистической организации. Подобно тому как партии вне России во времена своих «детских болезней» во многом выказывали склонность к сектантскому пониманию партии, точно так же позже они склонялись к пренебрежению «внутренней» жизнью партии в сравнении с ее пропагандистским и организаторским воздействием на массы, с ее «внешней» жизнью. Это, разумеется, тоже «детская болезнь», которая отчасти обусловлена быстрым возникновением крупных массовых партий, почти непрерывной чередой важных решений и действий, необходимостью для партии жить «внешней» жизнью. Но понять причинную последовательность, которая повела к ошибке, — не равносильно тому, чтобы оправдать ее. Тем более не равносильно, поскольку именно верный способ деятельности «вовне» наиболее наглядно показывает, до чего бессмысленным является различие между тактикой и организацией во внутренней жизни партии, как сильно это ее внутреннее единство влияет на внутреннюю взаимосвязь жизни партии, направленной «вовнутрь», с ее жизнью, направленной «вовне» (ведь эмпирически это разделение для каждой коммунистической партии покамест кажется почти непреодолимым как наследство, полученное от той среды, где возникла партия). Поэтому каждый [коммунист] должен на основе непосредственной, повседневной практики вдуматься в то, что организационная централизация партии (со всеми проблемами дисциплины, которые из нее следуют, которые составляют лишь другую ее сторону) и ее способность к тактической инициативе суть взаимно обуславливающие друг друга понятия. С одной стороны, возможность того, что намеченная партией тактика реализуется в массах, предполагает ее самореализацию внутри партии. Не только в том механистическом смысле дисциплины, что центральные органы партии крепко держат в руках ее отдельные части, что последние действуют вовне как настоящие элементы совокупной воли. Но именно в том смысле, что партия становится единым образованием такого рода, что всякая смена направления борьбы проявляется как перегруппировка всех сил, а всякое изменение установки доходит до каждого в отдельности члена партии. В подобном образовании, стало быть, крайне обострена восприимчивость организации к смене направлений, к повышению боеспособности, к отступлению и т.д. Надеюсь, что здесь не нужно разъяснять более подробно, что это отнюдь не означает «рабского повиновения». Ведь очевидным является то, что именно такая восприимчивость скорее всего изобличает ложность отдельных лозунгов, и как раз в их практическом применении, что именно она более всего расширяет возможность здоровой самокритики, повышающей дееспособность [партии]²⁹. С другой стороны, само собой разумеется и то, что прочная организационная сплоченность не только придает

История и классовое сознание

партии способность к действию, но также создает в партии внутреннюю атмосферу, которая позволяет эффективно вмешиваться в события, использовать представляемые ими шансы. Таким образом, проведенная на деле централизация всех сил партии уже благодаря ее внутренней динамике двигает партию вперед, повышает ее активность и инициативность. Между тем чувство недостаточного организационного упрочения неизбежно должно тормозить и парализовать тактические решения и воздействовать даже на фундаментальную теоретическую установку партии. (Достаточно вспомнить, например, о [поведении] КПГ в период капповского путча.)

Для коммунистической партии, – говорится в тезисах об организации III Конгресса Коминтерна, – не бывает времени, когда партийная организация могла бы не быть политически активной». Такая тактическая и организационная перманентность не только готовности к революционной борьбе, но также самой революционной активности, может быть правильно постигнута только при полном понимании единства тактики и организации. Ибо если тактика отделяется от организации, если тактика и организация не рассматриваются как один и тот же процесс развития пролетарского классового сознания, то неизбежным является скатывание понятия тактики к дилемме «оппортунизм или путчизм»: тогда «акция» означает либо изолированное деяние «сознательного меньшинства» с целью захвата власти, либо нечто лишь приспособленное к повседневным желаниям масс, нечто «реформистское», в то время как организации приписывается чисто техническая роль «подготовки» акции. (На этом уровне находится концепция Серрати и его сторонников, равно как и концепция Пауля Леви). Однако перманентность революционного положения отнюдь не равносильна тому, что захват власти пролетариатом возможен в любой момент. Она означает лишь то, что вследствие совокупной объективной ситуации в экономике всякому изменению этой ситуации, всякому обусловленному ею движению в массах внутренне присуща революционно конвертируемая тенденция, которая может быть использована для дальнейшего формирования классового сознания пролетариата. Но в этой связи самым первостепенным фактором является дальнейшее внутреннее развитие самостоятельного формирования этого классового сознания, коммунистической партии. Революционность ситуации выражается в первую очередь и нагляднее всего в постоянно убывающей стабильности общественных форм, что обусловлено постоянно убывающей стабильностью равновесия общественных сил и [центров] власти, на чем сотрудничестве покоится буржуазное общество. Обретение самостоятельности, формирование пролетарского сознания, следовательно, лишь в том случае могут быть осмысленными для пролетариата, если оно, такое сознание, на самом деле *в каждое мгновение воплощает для пролетариата революционный смысл именно этого мгновения*. Верность революционного марксизма, сообразно с этим, в объективно революционной ситуации есть нечто намного большее, нежели сугубо «общая» верность некоторой теории. Именно потому, что теория стала совершенно актуальной, совершенно практической,

Методологические заметки к вопросу...

она должна в повседневности стать ориентиром для каждого отдельного шага. Но это становится возможным лишь тогда, когда теория полностью слагает с себя свой чисто теоретический характер, когда она становится целиком диалектической, то есть когда она практически снимает всякую противоположность всеобщего и особенного, закона и «подведенного» под него отдельного случая, стало быть, закона и его применения, а тем самым одновременно – всякую противоположность теории и практики. Основанная на отказе от диалектического метода тактика и организация оппортунистов, выражающаяся в «реальной политике», якобы в достаточной мере идет навстречу требованиям дня тем, что она, с одной стороны, ликвидирует прочность теоретических основ, а с другой, – именно в своей повседневной практике впадает в косную схематику своих овеществленных организационных форм и своей тактической рутины, в то время как коммунистическая партия должна как раз сохранить в себе жизненность и дать подтверждение диалектического противоречия в сохранении неприскосновенной «конечной цели» в предельно точном сообразовании с текущими конкретными императивами. Для каждого в отдельности это предполагало бы такую «гениальность», на которую никогда не может рассчитывать революционная реальная политика. Но она никоим образом и не вынуждается к этому, поскольку именно сознательное формирование принципа коммунистической организации является тем путем, каким процесс воспитания может быть сориентирован в этом направлении, в направлении практической диалектики в революционном авангарде. Ибо такое единство тактики и организации, необходимость того, чтобы каждое применение теории, каждый тактический шаг тотчас же получали организационный поворот, являются сознательно используемым принципом коррекции, заостренным против догматического окостенения, которому при капитализме человеком с его овеществленным сознанием. Эта опасность возрастает по мере того, как та же самая капиталистическая среда, которая порождает подобную схематизацию сознания, принимает в своем нынешнем кризисном состоянии все новые формы и становится все более недостижимой для схематического постижения. Ведь то, что правильно сегодня, может быть ложным завтра. Что с определенной вероятностью принесет спасение сегодня, может с несколько большей или меньшей вероятностью стать губительным завтра. Относительно известных форм коммунистического догматизма Ленин подчеркивал, что «стоит сделать маленький шаг дальше – казалось бы, шаг в том же направлении – и истина превратится в ошибку»³⁰.

Ведь сама борьба против влияния овеществленного сознания является длительным и требующим принятия жестких мер процессом, в котором нельзя закладывать ни на определенную форму такого влияния, ни на содержание определенных явлений. Но господство овеществленного сознания над ныне живущими людьми оказывает на них воздействие именно в этих направлениях. Если овеществление преодолевается в одном пункте, то немедленно возникает опасность, что сознание этого преодоления застынет в новую – также овеще-

История и классовое сознание

ствленную – форму. Например, если перед живущими в условиях капитализма рабочими стоит задача преодолеть иллюзию, будто экономические и правовые формы буржуазного общества составляют «вечную», «разумную», «естественную» среду человека, то есть задача преодолеть то чрезмерное почтение, с каким он относится к привычной ему общественной среде, то после взятия власти, свержения буржуазии в открытой классовой борьбе может стать столь же опасным, как было прежде опасным меньшевистское низкопоклонство перед буржуазией, возникающее в силу этого «коммунистическое чванство», как назвал его Ленин. Именно потому, что правильно понятый исторический материализм коммунистов, в резком противоречии с оппортунистическими теориями, исходит из того, что общественное развитие беспрестанно продуцирует новое, причем в его качественном смысле³¹, каждая коммунистическая организация должна быть настроена на то, чтобы максимально развить свою собственную восприимчивость к новым формам проявления, свою способность *учиться* на примере всех моментов развития. Она не должна допустить, чтобы оружие, которым вчера была завоевана победа, из-за его притупления сегодня превратилось в препятствие для дальнейшей борьбы. «Мы должны учиться у торговцев», – сказал Ленин в вышеупомянутой речи о задачах коммунистов в условиях новой экономической политики.

Гибкость тактики, ее способность к изменению и приспособлению и крепко сколоченная организация, стало быть, суть лишь две стороны одной и той же вещи. Но этот глубочайший смысл коммунистической организационной формы редко бывает – даже в коммунистических кругах – понят во всей своей важности. Редко, – хотя от ее правильного применения зависит не только возможность правильной деятельности, но также способность коммунистической партии к внутреннему развитию. Ленин снова и снова жестко требовал отказа от всякого утопизма относительно человеческого материала, с которым надо делать революцию и который надо вести к победе: он неизбежно состоит из людей, которые воспитаны в капиталистическом обществе и которые им испорчены. Но отказ от утопических ожиданий или иллюзий никоим образом не означает, что можно фаталистически остановиться на признании этого положения дел. Поскольку всякая надежда на внутреннюю метаморфозу человека является утопической иллюзией, покуда существует капитализм, должны быть выявлены и найдены организационные меры и гарантии, которые способны тотчас же скорректировать наносящие вред последствия данной ситуации, предотвратить их немедленное наступление, устранить появляющиеся в силу этого наросты. Ведь теоретический догматизм есть лишь особый случай тех явлений окостенения, которому непрерывно подвержены любой человек и любая организация в капиталистической среде. Капиталистическое овеществление³² сознания приносит с собой одновременно и сверхиндивидуализацию, и механическое овеществление людей. С одной стороны, не основанное на человеческих свойствах разделение труда подталкивает людей в их деятельности к застылому схематизму, делает из них выполняющие известные функции автоматы, су-

Методологические заметки к вопросу...

губых рутинеров. Но, с другой стороны, оно гипертрофирует их индивидуальное сознание, которое в силу невозможности для людей в самой их деятельности обрести удовлетворение и самопроявление своей личности становится абстрактным и пустым, превращается в брутальный, завистливый или тщеславный эгоизм. Данные тенденции неизбежно продолжают действовать также в коммунистической партии, которая никогда не выступала с притязанием на внутреннее изменение принадлежащих к ней людей благодаря некоему чуду. Это было бы тем более нелепо, так как необходимость целесообразной деятельности вынуждает каждую коммунистическую партию также к далеко идущему содержательному разделению труда, которое необходимо кроет в себе эти опасности окостенения, бюрократизма, коррупции и т.д.

Внутренняя жизнь партии есть постоянная борьба с этим ее капиталистическим наследством. Решающим организационным средством борьбы может быть лишь вовлечение членов партии в партийную деятельность *в качестве целостных личностей*. Лишь тогда, когда партийная функция не является более должностью, которую выполняют, может быть, с полной самоотдачей и добросовестностью, но именно как должность, когда, напротив, активность членов партии охватывает все виды партийной работы, какие только возможно; лишь тогда, когда в дополнение к этому по возможности имеет место перемена деятельности членов партии, лишь тогда они всей своей личностью вступают в живое соотношение с тотальностью партийной жизни и революции, лишь тогда они перестают быть простыми специалистами, которым неизбежно угрожает опасность внутреннего окостенения³³. Здесь опять-таки также обнаруживается неразрывное единство тактики и организации. Всякая функционерская иерархия в партии, которая абсолютно неизбежна в состоянии борьбы, должна основываться на пригодности определенного типа дарований для выполнения деловых требований определенной фазы борьбы. Коль скоро развитие революции выходит за рамки этой фазы, то совершенно недостаточным для действительного перехода к правильной при данных обстоятельствах деятельности оказывается даже изменение форм организации (например, переход от нелегальности к легальности). Одновременно должна последовать перестройка функционерской иерархии в партии; отбор кадров должен быть в точности приспособлен к новому способу борьбы³⁴. Само собой разумеется, что это не может произойти без «ошибок» или кризисов. Коммунистическая партия была бы фантастически-утопическим островом блаженства в море капитализма, если бы ее развитию не угрожали постоянно такие опасности. Решающе новое в ее организации заключается в том, что она в сознательной, во все более сознательной форме борется против этих внутренних опасностей.

Когда каждый член партии, таким образом, всей своей личностью, всем своим существованием растворяется в жизни партии, то в ходу находится тот же самый принцип централизации и дисциплины, который должен обеспечивать живое взаимодействие между волей членов партии и волей партийного руководства, реализацию воли и желаний, импульсов и критики членов партии по

История и классовое сознание

отношению к ее руководству. Именно в силу того, что каждое решение партии должно преломиться в деятельности ее членов, что из каждого лозунга должны проистекать деяния отдельных членов партии, в которых на карту поставлено все их физическое и моральное существование, – в силу этого они не только в состоянии, но прямо-таки обязаны тотчас же вмешиваться [в события] своей критикой, моментально обозначать свой опыт, свои сомнения и т.д. А если партия состоит только из изолированной от массы обыкновенных членов иерархии функционеров, если члены партии могут повседневно лишь наблюдать со стороны за действиями функционеров, то среди членов партии распространяется известное, состоящее из слепого доверия в смеси с апатией, равнодушие в отношении повседневной деятельности партии. Их критика в лучшем случае может быть критикой *post festum* (на съездах и т.п.), которая редко оказывает определяющее влияние на действительное направление действий в будущем. Напротив, деятельное участие всех членов партии в ее текущей жизни, необходимость всей их личностью включаться в каждую акцию партии есть единственное средство, которое, с одной стороны, вынуждает партийное руководство к тому, чтобы сделать понастоящему понятными свои решения членам партии, убедить последних в их правильности, поскольку в ином случае они окажутся неспособными их правильно осуществить. (Чем лучше организована партия, чем важнее те функции, которыми наделяется каждый ее член, например, как член партийной фракции в профсоюзе и т.д., тем сильнее такая необходимость). Чем глубже укоренятся эти тенденции, тем больше исчезает грубое и безусловное противопоставление вождя и массы, переживавшее из структуры буржуазных партий; причем еще более сильное попутное воздействие оказывает смена функционеров в иерархии. И покамест неизбежная критика *post festum* все больше превращается в обмен конкретным и общим, тактически и организаторским опытом, который потом также все сильнее ориентируется в будущее. Ведь свобода, как это уяснила уже немецкая классическая философия, есть нечто практическое, представляет собой деятельность. И лишь когда коммунистическая партия станет миром деятельности для каждого из своих членов, она сможет действительно преодолеть созерцательную роль буржуазного человека по отношению к необходимости непостижимых событий и ее идеологическую форму – формальную свободу буржуазной демократии. Отделение прав от обязанностей является возможным только при отделении активных вождей от пассивной массы, при деятельности вождей, *замещающей* массу, то есть при фаталистически-контемплитивной установке массы. Но истинная демократия, упразднение отделения прав от обязанностей никоим образом не есть формальная свобода, а есть внутренне связанная, солидарная *деятельность* членов совокупной воли.

Весьма пресловутый и весьма одиозный вопрос о «чистках» в партии является лишь негативной стороной той же самой проблемы. Здесь так же, как и в других вопросах, должен быть пройден путь от утопии к действительности. Так, например, требование одного из 21 условий приема в Коминтерн, сформулированных его II Конгрессом относительно проведения таких чисток, время от

Методологические заметки к вопросу...

времени каждой легальной партией выказало себя как утопическое требование, несовместимое с фазой развития, переживаемой возникающими на Западе массовыми партиями. (III Конгресс высказался также по этому вопросу намного сдержаннее). Однако, несмотря ни на что, выставление данного требования отнюдь не было «ошибкой». Ибо оно ясно и четко намечает *направление*, в котором должно идти внутреннее развитие коммунистической партии, даже если форма проведения этого принципа будет определяться историческими обстоятельствами. Именно потому, что вопрос об организации является самым глубоким и самым духовным вопросом революционного развития, безусловно необходимым было внесение подобных проблем в сознание революционного авангарда, даже если они в данный конкретный момент не могли получить практического разрешения. Развитие большевистской партии, однако, великолепно образом показывает практическое значение этого вопроса; но оно показывает между прочим и то, как это следует из нераздельного единства тактики и организации, следует не только для внутренней жизни самой партии, но также для ее отношения к широким массам всех трудящихся. В России очищение партии в зависимости от переживаемых ею различных этапов развития происходило самым разным образом. В ходе последней чистки, которая проводилась осенью прошлого года, во многом применялся крайне интересный и значимый принцип, в соответствии с которым в чистке использовались опыт и суждения беспартийных рабочих и крестьян, то есть эти массы привлекались к работе по очищению партии. Не в том смысле, что партия теперь стала слепо принимать на веру каждое суждение этих масс, а в том смысле, что их подсказки и обличения серьезно учитывались при исключении из партии коррумпированных, бюрократизированных, отчужденных от масс и революционно ненадежных элементов³⁵.

Так, на высокой стадии развития коммунистической партии это интимнейшее, внутреннее партийное дело обнаруживает теснейшую связь между партией и классом. Оно показывает, в какой большой мере резкое организационное отделение сознательного авангарда от широких масс есть всего лишь момент единого, но диалектического процесса развития всего класса, развития его сознания. Но одновременно оно показывает, что чем яснее и энергичней этот процесс опосредствует необходимости данного мгновения с их историческим значением, тем яснее и энергичней отдельный член партии в своей индивидуальной деятельности постигает и использует этот процесс, развертывает и обсуждает его. Подобно тому, как партия в качестве целого снимает овеществленные разделения по нациям, профессиям и т.д., по формам жизнепроявления (экономика и политика) посредством своей деятельности, направленной на революционное единство и сплоченность, дабы установить истинное единство пролетарского класса, точно так же для своего отдельного члена она именно благодаря своей крепко сколоченной организации, благодаря проистекающей из нее железной дисциплине, благодаря своему требованию к членам партии включаться [в ее деятельность] всей своей личностью, – благодаря всему этому она разрывает овеществленную пелену, которой в капиталистическом обще-

История и классовое сознание

стве окутано сознание индивида. При всем том, что это длительный процесс, что мы находимся в его начале, мы не можем и не должны ставить барьеры перед стремлением со всей возможной на сегодня ясностью познать в качестве требования к классово сознательному рабочему тот *принцип*, который тут обнаруживается, приближающееся «царство свободы». Как раз потому, что возникновение коммунистической партии может быть лишь сознательно совершенным деянием классово сознательных рабочих, каждый шаг в направлении правильного познания является здесь также шагом его осуществления.

Сентябрь 1922 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карл Маркс. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 146.

² Rosa Luxemburg. Massenstreik, Partei und Gewerkschaften // Luxemburg R. Politische Schriften. – Leipzig: Reclam, 1970. – S. 193.

³ Ibid. – S. 195. – Относительно этого вопроса, а также других вопросов, которые будут рассматриваться позже, см. весьма интересную статью Й. Реваи «Коммунистическая самокритика и прецедент Леви». // *Kommunismus*. – Jg. II. – № 15-16. – Разумеется, для подробной дискуссии с ним здесь нет никакой возможности.

⁴ Относительно последствий такой ситуации ср. критику Лениным брошюры Юниуса, а также позиций немецких, польских и голландских левых во время мировой войны, в сборнике «Против течения». Но даже программа «Спартак» все еще при обрисовке хода революции рассматривает задачи пролетариата достаточно утопически и не опосредствованно. См.: Bericht ueber Gruendungs-parteitag der KPD. – S. 51.

⁵ Ср. в качестве образца методологически правильной, сориентированной на организационные вопросы критики речь Ленина на XI съезде РКП (б), где он ставит в центр анализа несостоятельность в экономических вопросах также тех коммунистов, которые были проверены в прежних сражениях, и где отдельные случаи выступают в качестве симптомов таковой. Само собой разумеется, что это никоим образом не снижает остроты критики в адрес отдельных лиц.

⁶ См. предшествующую статью.

⁷ Ср. в этой связи полемику Розы Люксембург с предложенной Давидом резолюцией майнцского партайтага: Rosa Luxemburg. Massenstreik etc. // Luxemburg R. Politische Schriften. – S. 109 ff. См. также ее рассуждения в программной речи на учредительном съезде КПГ относительно «библии» легализма – предисловия Энгельса к «Классовым битвам»: Op. cit. – S. 22 ff.

⁸ Подобные взгляды не являются простым следствием так называемого замедления темпов развития революции. Ленин уже на I Конгрессе Коминтерна заявил, что «борьба будет столь стремительна, что сознание рабочих масс не будет поспевать за таким развитием» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. – С. 507]. Также тезис в программе «Спартак», что компартия отказывается от взятия власти до тех пор, пока не потерпит полный

Методологические заметки к вопросу...

провал буржуазная и социал-демократическая «демократия», исходит из того представления, что объективный крах буржуазного общества может наступить раньше, чем утвердятся революционное классовое сознание пролетариата. См.: Bericht ueber den Gruendungsparteitag. – S. 516-517.

⁹ Хорошая сводка их высказываний на этот счет содержится в «Gegen den Strom», S. 516-517. – См.: Г.Зиновьев и Н.Ленин. Против течения. – Петроград: 1918. – С. 534-536. – См. также: В.И.Ленин. Империализм и раскол социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 169-172.

¹⁰ Ср. статью «Классовое сознание».

¹¹ Gegen den Strom. – S. 413.- См. Г.Зиновьев и Н.Ленин. Против течения. – С. 425. – См. также: В.И.Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 54.

¹² Не надо понимать сказанное так, что для России этот вопрос окончательно решен. Напротив, он существует до тех пор, пока длится борьба с капитализмом. Только в России он принимает другие (и, видимо, более слабые) формы, чем в Европе, сообразно меньшему влиянию капиталистического способа мышления и восприятия на пролетариат. Относительно этой проблемы см.: В.И. Ленин. «Детская болезнь левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 83-90.

¹³ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 295.

¹⁴ См. статью «Изменение функций исторического материализма».

¹⁵ Lew Trotzki. Terrorismus und Kommunismus. – S. 82. – Я считаю отнодь не случайным, правда, не в филологическом смысле слова, то, что полемика Троцкого с Каутским повторяет в политической области существенные аргументы полемики Гегеля с теорией познания Канта. Ср.: Hegel G.W.F. Werke. Bd. XV. – S. 504. – Впрочем, Каутский позже сформулировал тезис, что закономерность (die Gesetzlichkeit) капитализма будет иметь безусловную значимость в будущем, даже при невозможности конкретного познания тенденций развития. – Kautsky K. Die proletarische Revolution und ihr Programm. – S. 57.

¹⁶ Карл Маркс. Классовая борьба во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. – С. 80.

¹⁷ Ср. методологию этики у Канта и Фихте; при ее фактической разработке этот индивидуализм был существенно ослаблен. Но Фихте, например, подчеркивает, что весьма родственная Канту формулировка «ограничивай свою свободу так, чтобы другой также рядом с тобой мог быть свободен», – имеет (в его системе) не абсолютную, а лишь «гипотетическую значимость». – J.G.Fichte. Grundlage der Naterrecht. № 7, IV // Fichte J.G. Werke (neue Ausgabe). Bd. 2. – S. 93.

¹⁸ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 170 и далее; см. особенно с. 174-175.

¹⁹ Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. – S. 169.

²⁰ Хорошее описание этой формы организации можно найти в тезисах об организации III Конгресса Коминтерна (II,6). Она метко сравнивается там с организацией буржуазного государства.

²¹ Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 159 и далее.

²² Карл Маркс. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 19.

История и классовое сознание

²³ В.И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 7.

²⁴ N. Bucharin. Klasse, Partei, Fuehrer // Die Internationale. – Berlin: 1922. – IV, 22.

²⁵ Ibid.

²⁶ Относительно этого понятия ср. статью «Классовое сознание».

²⁷ Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. – С. 437.

²⁸ См. о соотношении конечной цели и сиюминутной деятельности статью «Что такое ортодоксальный марксизм?».

²⁹ «К политике и партиям применимо – с соответствующими изменениями – то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их». (В.И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 18).

³⁰ В.И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 89.

³¹ Уже дебаты о накоплении капитала концентрировались вокруг этого пункта. Равно как и еще более острые дискуссии о войне и об империализме. Ср. полемику Зиновьева с Каутским: Gegen den Strom. – S. 321. – См. также особенно четкие высказывания Ленина о государственном капитализме в речи на 11-м съезде большевистской партии: «Государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к буржуазной власти в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, но руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. <...> Государственный капитализм, это – тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. – С. 85).

³² Ср. в этой связи статью «Овеществление и сознание пролетариата».

³³ Стоит в этой связи прочесть очень интересный раздел о партийной прессе в организационных тезисах III Конгресса Коминтерна. В пункте 48 совершенно четко высказано это требование. Но на этом принципе основана и вся техника организации, например, отношение парламентской фракции к ЦК, смена легальной и нелегальной работы и т.д.

³⁴ Ср. в этой связи речь Ленина на всероссийском съезде рабочих-металлистов от 06.03.1922, а также его выступление на 11 съезде партии относительно последствий НЭПа для партийной организации. – См.: В.И. Ленин. О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. – С. 1-16. – См. также: В.И. Ленин. Политический отчет ЦК РКП (б) XI съезду партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. – С. 73-116.

³⁵ Ср. статью Ленина в «Правде» от 21.09.1921. Без дальнейших комментариев очевидно, что это организационное мероприятие одновременно является блестящим тактическим мероприятием для повышения авторитета коммунистической партии, для упрочения ее отношений с трудящимися массами. – См.: В.И. Ленин. О чистке партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. – С. 122-124.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авенариус Р. – 212
Адлер В. – 19
Адлер Ф. – 19
Адлер М. (Adler M.) – 38, 77, 113, 114, 126
Адорно Т.А. – 42, 43
Аквинский, Фома – 204
Альтюссер Л. – 38, 51
Андерсон П. – 13
Ансельм Кентерб. – 293
Аристотель – 177, 204, 259, 300
Архимед – 275
Асмус В.Ф. – 16

Б

Батищев Г. – 50
Байерсдёрфер К. – 27, 28, 36
Баумгартен Ф.Ф. – 18
Бауэр Б. – 293, 297
Бауэр О. – 19, 63, 131, 132, 136-138, 143, 362
Бахофен – 299
Бер-Хоффман – 18
Беме Я. – 206
Бентам – 300
Бергсон А. – 203, 300
Бердяев Н.А. – 9, 13, 19, 66
Бёрк Э. – 201
Беркли – 205, 222, 291
Бернштейн Э. – 63, 81, 97, 107, 111, 130, 138, 139, 143, 265, 307, 351, 358, 359, 373, 389
Бергбом Ф. – 201, 290
Бессонов Б. – 12
Блох Э. – 16, 244, 275, 302
Блюм ("Тезисы Блюма") – 89, 90, 94, 95, 96, 97, 388

Именной указатель

Бортштибер Г. – 18
Бордиг – 74
Брандлер – 88
Бриан-Мильеран – 307
Брик – 15
Бринкман К. – 44
Булгаков С.Н. – 19
Бухарин Н. – 92, 96, 288, 302, 330
Быховский Б.Э. – 16
Бэкон Ф. – 206, 293
Бюхер К. – 289

В

Вагнер А. – 19
Варга О. (Varga O.) – 60, 69
Варский – 347
Вебер М. – 14, 16, 18, 19, 21, 22, 23-28, 36, 43, 49, 53, 55-56, 67-68, 71, 177, 190-191, 241, 289, 290, 298, 301, 384
Веблен Т. – 19
Вико Д. – 205
Виндельбанд В. – 212, 292
Виттфогель – 92, 97
Вольтер – 12, 201
Вундт В. – 203

Г

Галилей – 225
Гаман – 203
Гваттари Ф. – 7, 8
Гebbель – 14
Гегель Г.В.Ф. (Hegel G.) – 12, 16, 49, 67, 71, 81-83, 93, 97, 101, 103, 118-121, 126, 127, 139, 143, 144, 157, 176, 216, 218, 221, 228-231, 233-235, 245, 256, 261, 263, 272, 282, 285, 287-288, 290, 293-298, 302, 313, 330
Гераклит – 263, 300
Герцберг Г. 43
Гесс М. – 81, 92-94, 97
Гете И.В. – 294
Гильфердинг Р. – 19, 126, 127
Гоббс – 205, 293-294
Голль, де – 7

Именной указатель

Гольдман Л. – 82
Горден М. – 18
Горький М. – 11
Готтль – 289
Грабенко Е.А. – 14, 15, 18
Грамши А. – 38
Гусс Э. – 28
Гуссерль Эд. – 28, 292

Д

Давыдов Ю. – 12
Дворжак – 240
Деборин А. – 33
Декарт Р. – 205, 221, 291, 293
Делез Ж. – 7, 8
Демель Р. – 18
Демокрит – 293
Демпф – 43
Дессауэр М. – 17
Джентиле Д. – 19
Дзержинский Ф.Э. – 12
Дильтей В. – 31, 43, 54, 81, 240
Дицген – 101-102
Достоевский Ф.М. – 22, 61
Дюринг ("Анти-Дюринг") – 37, 106, 251, 299, 333, 345, 403
Дюркгейм Э. – 19

Е

Еллинек – 202
Ельцин Б.Н. – 9

Ж

Жижек С. – 42, 43

З

Земляной С.Н. – 7, 65-66, 68
Зиммель Г. (Simmel G.) – 16, 19, 20, 21, 22, 43, 71, 190, 243, 297

Именной указатель

Зиновьев Г. – 18, 31, 74, 76, 127, 364, 403, 404
Зон-Ретель А. – 38, 41, 43
Зюганов Г.А. – 9
Зюсман М. – 96
Зомбарт В. – 61, 289, 307

И

Иисус Христос – 11, 14
Ильенков Э. – 34, 38, 45,

К

Кант И. – 23, 39, 57, 59-61, 81, 118, 119, 127, 138, 195, 204, 207, 208, 214-218,
222-225, 227-229, 246-247, 276-277, 280-282, 290-295, 297, 301, 315, 403
Kammler J. – 66, 69
Карлейль Т. – 163, 272, 294, 297, 304
Каутский К. – 19, 81, 81, 301, 316, 317, 336, 354, 358, 362, 371, 381, 403, 404
Кемаль – 345
Кассирер П. – 293, 294
Кейнс Дж.М. – 19
Кельзен – 202, 291
Кеплер – 225
Керр Л. – 18
Коген Г. – 17
Кольман Э. – 16
Кондорсе – 296
Конт О. – 296
Коперник – 315, 337
Корнель П. – 259
Корш К. – 30, 31, 33, 34, 38, 39, 41, 67, 89
Кронер Р. – 81
Кропоткин П.- 12
Кроче Б. – 19
Кун Б. – 17, 61, 73, 74, 76, 89
Кунов (Сипов) – 126, 127, 156
Кунфи Ж. – 17
Кузанский Н. – 35
Кьеркегор С. – 14, 71, 81

*Именной указатель***Л**

Ланге Ф. – 293
Ланднер Е.- 76, 88
Ландьел Й. – 14
Ласк Э. – 16, 23, 31, 212, 291, 292, 295, 302
Лассаль – 92, 93, 95, 96, 143, 241, 277, 288, 300, 301
Леви П. – 346-347, 396, 402
Лёвит К. (Loewith.) – 55, 68, 88
Лейзеганг Г. – 43
Лейбниц Г.В. – 205, 210, 229, 291, 292
Ленин В.И. – 11, 12, 18, 19, 24, 29, 30, 31, 32, 48, 60, 67, 73, 74, 75, 79, 81, 87, 89, 91, 99, 101, 127, 135, 301, 302
Ленш – 307, 358
Леске М. – 38, 40, 67
Лившиц М. – 94, 95
Локк Дж. – 205, 222
Лукач Г. (Lukacs G.) – 8, 12-16,
Луначаский А.В. – 77
Люксембург Р. – 44, 63, 71, 76, 99, 128, 130-144, 177, 178, 201, 265, 290, 294, 300, 320, 341, 346-359, 361, 362, 364, 368, 371, 372, 373, 383, 402

М

Маймон С. – 211, 282, 292, 295
Мамардашвили М.К. – 34, 38, 43-46, 48-49, 68,
Манн Т. – 16, 18
Манн Г. – 18
Маннгейм К. – 17
Маркс К. – 13, 14, 19, 20, 21, 22, 23, 70, 78, 79, 81-83, 85, 86, 91-97, 100-107, 109-112, 115, 117-122, 125-140, 143, 144, 145-149, 154-156, 158, 160, 161, 167-170, 172-178, 180-183, 185, 187, 188, 189, 193, 196, 198, 200, 205, 218, 219, 221, 223, 236, 237, 239, 243, 246, 251, 252, 255, 258, 261-263, 266, 271, 272, 280, 281, 283, 286-287, 289, 290, 291, 294, 297, 299-302, 306, 308, 309, 311-313, 315, 317-319, 321-324, 330-333, 335, 337-339, 354-355, 366, 373, 382, 385, 402-404.
Маркузе Г. – 8
Маркус Д. – 50-53
Маслов П. – 88
Масон-Урсель М. – 43
Мах Э. – 212
Маяковский В. – 15
Мейстер Экхарт – 296

Именной указатель

Местр, де Ж. – 14
Мерло-Понти М. – 23
Меринг Ф. – 95, 148, 299, 317
Mills C.W. – 23
Мошотт Я. – 302
Мор Т. – 177
Мур Дж. – 19
Мюнцер Т. – 274

Н

Наполеон – 317
Нарский И. – 12
Некрасов Н.А.- 15
Неусыхин А. – 23
Ницше Фр. – 270, 297
Новалис – 234

О

Оруэлл Дж. – 65.
Ортега-и-Гассет – 43

П

Панаев – 15
Паннекус – 74, 336, 358, 359, 368,371
Парвус – 307
Пастернак Б. – 17
Петухов В. – 66
Pinkus T. – 66
Preuss – 290
Платон – 34, 177, 204, 231, 282, 285, 293
Плеханов Г. – 81, 95, 100-101, 224-225, 228, 294, 296-298,
Поцелуев С.П. – 13, 66
Преториус Э. – 18
Пригожин И. – 8
Прудон П. – 115, 134, 137, 246, 323, 335
Пугин В.В. – 9

*Именной указатель***Р**

Рассел Б. – 19
Реваи Й. (Revai J.) – 89, 302, 402
Реннер К. – 19
Ригль А. – 240
Рикардо Д. – 113, 131-134, 160, 169, 201, 305, 321
Риккерт Г. – 16, 23, 24, 114, 212, 238-242, 283, 292, 297
Роздольский Р. – 19, 114, 212
Руссо Ж.-Ж. – 12, 226, 315
Рюле – 359

С

Сабо Э. 20, 71, 151
Савинков Б. – 339
Самуэли – 72
Сартр Ж.-П. – 38
Серрати – 359
Сиджвик Г. – 19
Сисмонди – 114, 134, 136, 163, 239, 321
Смит А. – 132, 146, 305
Somlo F. – 291
Сорель Ж. – 71
Сократ – 270
Спенсер – 296
Спиноза Б. – 11, 205, 209, 229, 231, 234, 291, 293,
Сталин И.В. – 60, 74, 87, 88, 92
Стречи Л. – 19
Струве П. – 307
Стыкалин А.С. – 66
Сурио Э. – 43

Т

Тейлор 58, 184, 194
Теннис Ф.- 19, 221? 291, 293
Тынянов Ю. – 13
Тисе И. (премьер-министр) – 15
Тальгеймер – 88
Террачини – 74
Толстой Л. – 273

Именной указатель.

Троцкий Л. – 352, 381, 403
Тьер 14
Туган-Барановский М. – 19, 63, 137, 138, 199, 307

У

Унамуно М. де – 20

Ф

Файхингер Х. – 212
Федин К. – 11, 66
Фейербах – 47, 79, 81, 93, 101, 104, 120, 138, 173, 269, 271, 272, 276, 280, 283,
291, 293, 298, 299, 301, 302, 332
Фихте И.Г. (Fichte) – 14, 61, 72, 93, 118, 119, 211, 213, 214, 221, 227, 229, 244,
276, 292, 294, 295, 297, 403
Фишер Р. – 88
Флудд – 206
Франк С.Л. – 19
Франк Б. – 18
Франлин – 177, 301
Фридрих Великий – 317
Форлендер К. – 101
Форстер И.М. – 19
Фрейд З. – 45
Фрислянд – 346

Х

Хабермас Ю. (Habermas J.) – 54, 59, 68
Хайдеггер М. – 82, 84
Хаузер А. – 17
Хевеши М.А. – 12, 66
Хольст Р. – 74
Хорти (адмирал) – 15, 88, 89
Хуго Г. (Hugo G.) – 201-201, 290, 301

Ц

Цеткин К. – 347, 359
Циммервальде – 359
Ципко А.С. – 12, 66

*Именной указатель***Ч**

Черноморский П. – 10

Ш

Шекспир В. – 260
Шелер М. – 20
Шеллинг Ф. – 83, 231, 295
Шиллер Фр. – 226, 228, 294, 295
Шиффлер К. – 18
Шопенгауэр А. – 103, 176, 282
Шлегель Фр. – 295-296
Шмидт К. – 97, 354
Шомло Б. – 16
Шпанн О. – 97
Шпенглер О. – 43, 270
Шпет Г. – 298
Шталь Г. – 201
Штаммлер Р. – 19, 38, 202, 292
Штрёбель – 359

Э

Эккштейн – 131
Энгельс Ф. – 13, 19, 20, 26, 31, 34, 36-38, 46, 51, 67-68, 79, 80, 91, 94, 97, 100, 101, 106, 107, 109, 117, 120, 125-127, 143-146, 148, 156, 169, 176-178, 195, 197, 222, 223, 251, 252, 260, 272, 280, 301, 302, 309, 311, 312, 315, 320, 322, 324, 329-331, 333, 335, 345, 354, 356, 364, 373, 379, 381, 383, 385, 402-404
Эрнст П. – 16, 18, 22
Эпикур – 233, 293
Эсхил – 260

Ю

Юм Д. – 205, 222, 291

Я

Якоби – 276
Явлинский Г. – 66
Яси О. – 16, 20

История и классовое сознание

В 2003 году в издательстве "Логос-Альтера"
выходят в свет:

Подорога, Валерий Александрович.

МИМЕСИС. Аналитическая антропология литературы. В 2 томах. Т.1.:
Nature morte (Н.В. Гоголь); Рождение двойника (Ф.М.Достоевский).
Серия "Ессе homo".

В первом томе фундаментального исследования известного российского философа, заведующего сектором "Аналитической антропологии" Института философии РАН, разрабатывается оригинальный метод антропологического и психобиографического анализа произведений Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Впервые после русских формалистов и школы Ю.М. Лотмана в гуманитарной науке предложен цельный подход к пониманию и изучению наиболее значительных и интересных явлений отечественной литературы.

Этьен Балибар, Иммануэль Валлерстайн.

РАСА, НАЦИЯ, КЛАСС. Двусмысленные идентичности.

Пер. с франц. и англ. Серия "Левая карта".

Анализ ключевых социологических и политологических понятий с позиций непредвзятой левой критики, наиболее активных на сегодня западных социологов – ученика Луи Альтюссера Э. Балибара и автора, уже переведенного на русский "Анализа мировых ситем", И. Валлерстайна.

Бертольд Брехт.

МЕ-ТИ. КНИГА ПЕРЕМЕН. Пер. с нем. С.Н. Земляного.

Серия "Левая карта".

Как прозаик и теоретик Брехт практически неизвестен в России. В китайскую "Книгу перемен" Мо Ди он остроумно включил актуальные темы левой мысли и забавный подбор аналогов идеям древнекитайского философа из современной истории.

Пьер Булез.

ТОЧКИ РАЗМЕТОК. Избранные статьи.

Серия "Актуальное искусство".

В своих статьях Пьер Булез (знаменитый французский композитор и дирижер, классик авангарда, основатель сериализма) выступает не только как полемист, отстаивающий преимущество сериальной композиции, но и как великолепный теоретик, переосмысляющий семиотику музыкального письма и поэтику сочинения в целом. Впервые на русском.

Методологические заметки к вопросу...

Теория кино.

Зигфрид Кракауэр; Анри Базен; Георг Лукач; Бела Балаш; Борис Эйхенбаум, Виктор Шкловский, Юрий Тынянов и др.

Серия "Архив сегодня"

Сборник киномысли наиболее известных западных и отечественных теоретиков кино 20-х – 50-х гг.

Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н.

(Государственная академия художественных наук.

1921-1930. Г.Шпет, А.Лосев, А. Соловьева, П.Попов, А.Зюграф, М.Алпатов, Н.Жинкин, Б.Недович и др.)

Серия "Архив сегодня".

Найдена рукопись 80-летнего архивного хранения – оставшийся неизданным словарь по эстетике и искусству 20-х гг., составленный ведущими философами и искусствоведами тех лет, которые работали в одном из знаменитых научных институтов революционного времени, закрытого Сталиным в 1930 г.

Николай Евреинов.

МАСОНСКИЕ РУКОПИСИ.

Серия "Архив сегодня".

Неизвестный эпизод из жизни знаменитого режиссера и театроведа Н. Евреинова – в 30-50 гг. он читал лекции по философии и культурологии в масонских ложах Франции... Публикуется впервые.

Журнал "N", #2, лето 2003.

ФОРМА В ИСКУССТВЕ, ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКЕ.

Журнал современных актуальных художников, философов и политических мыслителей.

В номере статьи А. Осмоловского, К. Чухров, И. Чубарова; переводы К. Гринберга, М. Ротко, Г.Розенберга; беседы с А. Монастырским, Г. Эдзгверадзе и др.; материалы проекта "Против всех", обзор Венецианского биеналле и др.

История и классовое сознание

